

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 1 (29) 2011
ISSN 1996-0522

Учредители
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель
Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
Ю.В. Зацепилин – к.ф.н.

В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология

С.Г. Зырянов – д.полит.н., доцент
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

Социология

Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция

В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Л. Фартыгин – к.ю.н., доцент

Экономика и управление

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология

С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – к.с.н., доцент
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент

История

С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор

Главный редактор

доктор политических наук
С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии

Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.Л. Фартыгин – зав. рубрикой
государства и права

Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономической политики и управления
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры

В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
А.А. Куштым

Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.
Выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 4 марта 2011 г.
Формат 70×108^{1/16}.

Усл. п. л. 11,9. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3318.

Издание подготовлено к печати
и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

Цена свободная

СОЦИУМ**В.Н. Сагатовский**

Новый взгляд на историю
(попытка обоснования) 4

В.Л. Бенин

Образование как фактор национальной
безопасности..... 11

Ю.Р. Вишневский, М.В. Певная

Оценка реформирования российского
образования с позиции потребителей
образовательных услуг..... 16

Н.С. Зырянова

Актуальные вопросы осмысления роли
и места коммуникации в постмодерне..... 20

В.В. Орлова

Социализация молодежи: потенциал
регионального социума..... 23

А.С. Ваторопин

Русский фашизм в современной России:
социологический анализ..... 28

А.С. Смирнова

Становление института приемной семьи
в России (на материалах Челябинской области). 33

ВЛАСТЬ**Р.В. Бурцева**

Развитие концепта гражданской нации
и либерального национализма в современной
русской политологии..... 37

Т.Б. Витковская

Методологические проблемы анализа
русских локальных элит..... 41

Г.Ф. Кунгурцева

Интеллектуальный потенциал как основа
современного управления.....46

А.В. Скиперских

Интеллектуалы и становление
демократических институтов
в постсоветском Узбекистане..... 51

Е.А. Попова

Постсоветский политико-психологический
синдром в сфере управления долгосрочным
развитием субъектов федерации..... 57

Е.А. Пушкарёв

Публикация отозвана 30.05.2023

Политико-правовые основания эффективного
управления..... 62

О.Н. Подорова–Аникина

Современные политические коммуникации:
главная цель – электоральный успех..... 66

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика и управление, культурология, история.

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть» размещены на странице 136

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Адрес в Интернете

<http://urags-chel.ru>

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Д.С. Джантеева

Этнокультурное измерение этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе..... 72

Г.Ю. Чернов

Управление толпой: основные принципы и технологические приемы..... 76

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**Ю.А. Андреева**

Проблема государственности в контексте цивилизационного развития человеческого общества..... 80

Н.С. Миленина

Конституционно-правовые механизмы развития бюджетного контроля в Российской Федерации...84

В.А. Воропанов

Развитие имперской судебной системы в Западном Казахстане в 1840-х – первой половине 1860-х гг. 88

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ**И.А. Андрос**

Экономическое поведение жителей Беларуси в условиях мирового финансово-экономического кризиса: факторный анализ адаптационных стратегий 93

А.Н. Артёмова, О.В. Зубкова

Влияние оценки оперативного управления предприятием на процесс корректировки стратегии.....100

КУЛЬТУРА**Д.Ю. Бельчич**

Концепт «гражданское общество» в западной философской мысли: от Платона до Г. В. Ф. Гегеля 107

Н.Г. Дядык

Язык и идеология: афоризм как идеологема 112

ИСТОРИЯ**И.В. Сибиряков**

Проблемы политического терроризма в России в начале XX века в отечественной дореволюционной и советской историографии... 117

А.В. Буданов

Мобилизационная подготовка государственной власти СССР и США к применению противником ядерного оружия накануне Карибского кризиса..... 123

SOCIUM

V.N. Sagatovski

A new view to the history..... 4

V.L. Benin

Education as a factor of National Security.....11

Yu.R. Vishnevski, M.V. Pevnaya

Russian education reform evaluation from the educational service consumers' position..... 20

N.S. Zyrianova

Topical issues of realizing the role and importance of communication in the postmodern society.....23

V.V. Orlova

Youth socialization: potential of regional society.....28

A.S. Vatoropin

Russian fascism in modern Russia: sociological analysis.....33

A.S. Smirnova

Problems of establishing the institute of substituting family in Russia (on the example of the situation in the Chelyabinsk Region).....

POWER

R.V. Burtseva

Development of the conception of civil nation and liberal nationalism in modern Russian politology...37

T.B. Vitkovskaya

Methodological problems of the local political elite analysis.....41

G.F. Kungurtseva

Intellectual capacity as the basis of modern management.....46

A.V. Skiperskikh

Intellectuals and democratic institute formation in Post-Soviet Uzbekistan..... 51

E.A. Popova

Post-Soviet politico-psychological syndrome in the field of state regulation of the long-term development of subjects of federation.....57

E.A. Pushkarev

Political and legal foundation of effective management.....62

Retracted 30.05.2023

O.N. Podorova–Anikina

Modern political communications: main objective – electoral success.....66

J.S. Djanteeva

Ethno-cultural changes of the North Caucasus ethno-political communications.....72

G.Yu. Chernov

Crowd control: main principles and technological methods.....76

STATE AND LAW

Yu.A. Andreeva

The Problem of statehood in the context of civilian development of the human society.....80

N.S. Milenina

Constitutional legal mechanisms of the Russian Federation budget control development.....84

V.A. Voropanov

The development of the imperial judicial system in the Western Kazakhstan in 1840 – first half 1860th.....88

ECONOMIC POLICY AND MANAGEMENT

I.A. Andros

Factor analysis of adaptive patterns of the population of Belarus in the conditions of financial and economic crisis.....93

A.N. Artyomova, O.V. Zubkova

The influence of the enterprise operational management estimation on the strategy correction process.....100

CULTURE

D.Yu. Belchich

The concept of «civil society» in the western philosophical thought: from Platoto G.W.F. Hegel..... 107

N.G. Dyadyk

Language and ideology: the aphorism as ideologema.....112

HISTORY

I.V. Sibiryakov

The issues of Russian political terrorism in early XX century in Russian pre-revolutionary and Soviet historiography.....117

A.V. Budanov

Government mobilization and preparations in the USSR and the USA regarding the use of nuclear weapon against them on the eve of the Caribbean crisis 123

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ (ПОПЫТКА ОБОСНОВАНИЯ)*

УДК 304.2

В.Н. САГАТОВСКИЙ

Выбор мировоззрения, способного обосновать адекватный ответ на вызов глобальных проблем современности, в настоящее время является для человечества вопросом жизни или смерти. Ясно, что антропоцентристская ориентация на максимум власти, прибыли и потребления чревата гибелью человеческой цивилизации и разрушением природы нашей планеты. Может ли человечество функционировать иначе? Паллиативные меры, частично принимаемые под влиянием научной ответственности и экологического движения, не решат проблемы, пока доминируют прежние ценностные ориентации у тех, кто владеет властью и богатством, да и у значительной массы населения. Ноосферное мировоззрение исходит из того, что в нынешней точке бифуркации люди способны сделать прямо противоположный выбор: не максимум, но *оптимум* в отношениях человека к природе, к самому себе и между людьми. В самом общем плане оптимум осуществляется прохождением «по лезвию бритвы» между минимумом (отказом от творческого развития) и максимумом (развитием без всяких ограничений). Приближение к идеалу оптимума предполагает, что люди в своем развитии на каждом шагу руководствуются столь недостающим им чувством меры, т.е. внутренней установкой, а не внешним принуждением.

На чём может основываться такая внутренняя установка? Прежде всего, на признании самоценности всех участников глобального процесса развития, которые признают самоценность других участников. Такими участниками являются САЦ как соотношение общества, общностей и личностей и природа. Предполагается, что все они строят свою деятельность на отказе от отношения друг к другу только как к средству или конкуренту. В отношении к природе это означает, что имеется в виду та её часть, в которой преобладает негэнтропийная тенденция развития и принципиальная совместимость с существованием человека: «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер) не распространяется на холерных вибрионов. Но точно так

же и среди людей признание самоценности не распространяется на тех, кто избирает путь хищников-деструкторов. В отношении их действует то, что И. Ильин в свое время назвал «сопротивлением злу силой». Идеал взаимного дополнения участников глобального процесса на основе признания самоценности друг друга видит желаемое состояние целого, объединяющего общество, общности, личностей и природу, как *соборность* (центральное понятие русской культуры и философии) или *единство многообразия и единства* (С.Л. Франк), а движение к нему как *становящееся всеединство* (В.С. Соловьев).

Но принципиальная ориентация на такое единство, разумеется, не может исключить того, что в процессе развития появляется различие интересов и противоречия между участниками. Вот тут и нужна реальная оптимизация, основанная на взаимных уступках, мера которых определяется минимальным в данных условиях нарушением гармонии между участниками при одновременном обеспечении развития целого. Такое целое и является *ноосферой*, а способ её существования предстает как *развивающаяся гармония*. Поясним, что термин «ноосфера» используется здесь не для обозначения особой энергетической оболочки планеты, создаваемой культурной деятельностью человечества (В.И. Вернадский), но для фиксации *содержательной* стороны соотношения человеческой и природной жизнедеятельности: человеческий разум не противостоит природе в достижении своих эгоистических целей, но служит орудием оптимизации отношений в рамках целого, включающего природу, общество, отдельные общности и личности.

Однако не случайно в свое время П.А. Флоренский предлагал В.И. Вернадскому заменить термин «ноосфера» (сфера разума) на другой – «пневматосфера» (сфера духа). В самом деле, почему вдруг разум изменит свою ориентацию? Только ли благодаря логическим аргументам? Не будем здесь впадать в сократовские иллюзии. Субъективная реальность человека может изменить свой *фундаментальный настрой*,

* Окончание. Начало в № 3 и 4, 2010.

концентрирующийся в новых ценностях, только в процессе изменения *духовной атмосферы*, в процессе глубинного общения с духовной основой бытия. Только *присутствие* Духа в наших душах может покончить с бездуховной эпохой приближения к глобальной катастрофе. Ноосферное единство на Земле – один из шагов в возрастании царства Добра, соборного единства в этом противоречивом мире, из которого никогда не исчезнет борьба тенденций стремления к негэнтропийному единству и «воли к власти» со стороны эгоцентрического, хаосогенного, в конечном счете, зла*.

Не является ли ноосферное мировоззрение очередной утопией? Да, переход к ноосфере как единству природы, общества и личности явно не вытекает из наличной ситуации. Частично он, конечно, подготовлен и научно-техническим прогрессом, и мировоззренческими разработками мыслящих личностей. Но предел развитию производительных сил в рамках капиталистических производственных отношений может положить лишь глобальная катастрофа. А то, что переход к ноосфере – это её единственная альтернатива, в упор не видят обладающие властью и богатством, да и большая часть потребительски ориентированного населения. Нет и такого «передового класса», который был бы заинтересован в «ноосферной революции». Менталитет современного человечества далек от ориентации на ноосферные идеалы. Так что перед нами как раз тот случай, когда новое качественное состояние недостаточно подготовлено предшествующим «детерминистским коридором» и среди возможностей дальнейшего развития вероятность «автоматического» перехода к ноосфере ничтожно мала. Следовательно, только *творчество здесь и сейчас* имеет шансы спасти положение. Имеется в виду творчество в «переоценке ценностей», в «революции духа», в создании такого положения вещей, когда ноосферными идеалами и соответствующими проектами будет руководствоваться консорция генераторов идей и критическая масса реализаторов и организаторов.

Какова же реальная природа такого рода «движущих сил» перехода к ноосферному развитию? В каждом из выделенных выше функциональных типов есть люди с

совершенно разными, вплоть до противоположных, ценностными ориентациями. Генераторы идей могут быть ориентированы как на добро, так и на зло; среди организаторов есть и бескорыстные служители, и посредники-паразиты; реализаторы могут образовывать и «народ», как стеновой хребет общества, так и толпу, требующую «хлеба и зрелищ». То же самое можно сказать и о любых других общностях: классах, профессиональных группах, конфессиях, нациях, политических организациях и т.д. Фундаментальной исторической ошибкой является изображение любой из такого рода общностей сплошной белой или черной краской. Самым глубинным основанием для выделения человеческих типов служит основание *аксиологическое*: на какие *метаценности* ориентируются представители различных общностей, выделенных по другим основаниям.

При таком подходе можно выделить три основных *аксиологических* типа: 1) *созидатели*, ориентирующиеся на *поступок*, 2) *деструкторы*, ориентирующиеся на *преступление* и 3) *конформисты*, ориентирующиеся на *мимесис*. Под поступком я, вслед за М.Бахтиным, понимаю неповторимое событие вхождения в бытие, или, в формулировке И.Ильина, «вплетение своей нити в Божью ткань мира». Преступление я понимаю в том смысле, который придал этому термину Ф.Ницше: переход за любые пределы в самовыражении и самоутверждении, реализация «воли к власти» за счет других. Термин «мимесис» употребляется здесь как обобщение его понимания у А.Тойнби, который подразумевал под ним приспособление правящим меньшинством идей творческого меньшинства в своих интересах; я трактую его более широко, как отсутствие собственных творческих идей (как созидательных, так и деструктивных) и замена их установками «как принято» и «не хуже других».

Два первых типа образуют противоположные полюса добра и зла и составляют меньшинство населения. Конформисты образуют большинство, за влияние на которое постоянно борются активные типы, активизируя часть конформистов, в купе с которой они образуют критическую массу в точках бифуркации. Следует оговориться, что в каждом из нас в разных отношениях

* Детальное изложение моего варианта ноосферного мировоззрения дано в рукописи «Мировоззрение для постновой эры» (2003–2006), частично размещенной на моем сайте [4]. Краткое введение см.: [5]. Популярное изложение в контексте современной ситуации см.: [6]. Сагатовский В.Н. Есть ли выход у человечества (критика образа жизни)? СПб. 2000.

и пропорциях присутствуют черты всех трех типов, и итоговая принадлежность определяется по тому, что *доминирует* (преступник – и в юридическом, и в ницшеанском смысле – может быть блестящ, талантлив и нежно относиться к домашним животным; а гениальный поэт, «когда молчит его святая лира», то «среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он»).

Естественно, что признание фундаментальной роли аксиологической типологии ни в коей мере не отменяет того факта, что в различных исторических ситуациях на первый план выходят самые разные социальные группы. Если говорить о нынешней глобальной ситуации, то самую отрицательную роль играют в ней бюрократы, олигархи и организованная преступность (на постсоветском пространстве мы не раз наблюдали их «трогательное» единство). Положительную же роль призвана сыграть интеллигенция. Пока я употребил этот термин для обозначения социальной группы – работников умственного труда. Но при более глубоком подходе видно, что такую роль может сыграть только интеллигенция в аксиологическом смысле: генераторы идей, ориентированные на поступок, т.е. созидатели (не образованщина!). Однако сами идеальные проекты, создаваемые такой интеллигенцией, не смогут реализоваться, если их не поддержат созидательно ориентированные организаторы (служители, а не бюрократы и прочие своекорыстные посредники) и реализаторы (народ, а не развращенная толпа).

Но интеллигенция пока не готова не то что к активной деятельности среди организаторов и реализаторов, но и к собственной сплоченной и организованной деятельности, необходимой для успешного движения в направлении ноосферы. Творческая задача создания фундаментально разработанной программы такого движения не может быть решена, пока сами интеллигенты по отдельности или в рамках отдельных научных школ делают замечательные открытия и пишут прекрасные книги, но индивидуализм, углубленность в собственную внутреннюю жизнь, самолюбие и ограниченность чисто профессионального видения мира не позволяют им выступать единым фронтом. В то же время люди с более примитивной мотивацией (выгода – «я тебе – ты мне», древнее «мы и они», заражение очередной модой и т.п.) достаточно эффективно объединяются для достижения своих целей. Создание творческой ноосферной консорции – самая сложная творческая задача. И проблематичность

её успешного решения действительно делает утопичной идею ноосферы. Хотя она является не просто красивой мечтой, но единственной альтернативой глобальной катастрофы. Движение к последней может, конечно, замедляться, принять «зигзагообразный» характер, но лично я не хотел бы жить в мире «конца истории», когда торгашеская грызня перекинется, как это прогнозируют в западной научной фантастике, и на просторы космоса.

Теперь мы обладаем нужной информацией, чтобы перейти к рассмотрению проблемы прогресса и его критериев.

Критерии прогресса и выводы для истории

В рамках монокаузалистского детерминизма все ясно: направление истории объективно задано, основа общественного развития однозначно определена, и потому прогрессивным является все то, что способствует развитию этой основы (материальных производительных сил) и тем самым реализации предзаданной направленности (от первобытного общества до коммунизма). Допущение вероятностного и, тем более, творческого характера развития приводит к введению субъективного момента в определение критериев прогресса. Мы предпочитаем реализацию той или иной возможности, или же нас не удовлетворяет до конца ни одна из наличных возможностей, и потому в качестве прогрессивного мы признаем то, что способствует реализации предпочитаемых возможностей или творческому доопределению бытия. Но разные субъективные выборы поддаются объективному сопоставлению, если мы проанализируем их последствия. Так следование либеральному мировоззрению в современных условиях ведет к глобальной катастрофе, что неприемлемо. «Для кого?» – может последовать вопрос. Поверхностный ответ будет таков: «Для любого нормального человека» (при этом под нормой, как правило, понимают то, что больше распространено). Нетрудно, однако, представить преступника, рассуждающего по принципу «хоть час, да мой», или азартного игрока-бизнесмена, живущего по принципу «после нас хоть потоп», или поэта-романтика, восклицающего: «И тех, кто меня уничтожит, встречаю приветственным криком». Общий вывод давно сделан Ф.Достоевским в «Записках из подполья»: кто вам сказал, что для человека рациональные соображения важнее его своево-

лия. Так что от субъективной оценки мы никуда не уйдем.

Общая процедура определения критериев прогресса может быть представлена следующим образом. Общим критерием прогресса является степень приближения состояния и процесса развития общества и любых его подсистем к состоянию и характеру процесса развития, соответствующим мировоззренческому идеалу. С позиций ноосферного идеала таким состоянием является состояние развивающейся гармонии, а процессом – оптимальное соотношение развития и гармонии на каждом этапе. Поскольку полное достижение идеала невозможно по определению, то и оптимальность также никогда не будет абсолютной. Всегда останутся и будут возникать новые противоречия, новые несовершенства, и потому драматичность и даже трагичность имманентны ходу развития в целом, человеческой истории в том числе. Образно говоря, рай на Земле невозможен, но это не значит, что мы должны жить в аду и не делать всё возможное для продвижения в сторонурая.

Конкретизируя понятие развивающейся гармонии, мы видим, что она, как процесс и состояние, предполагает такую жизнедеятельность САЦ в любых её проявлениях, которая ведет к возрастанию единства и взаимной дополнительности при одновременном сохранении и возрастании многообразия:

- общества, входящих в него общностей и личностей, и природы;
- природного, социального и психологического в самом человеке;
- естественно-исторического процесса, деятельности и глубинного общения (естественно-исторической формации, культуры и духовной атмосферы) в образе жизни;
- внутри каждой из предметных сфер и в их взаимоотношении друг с другом.

Но развивающаяся гармония должна быть надежно *защищена* от энтропийных воздействий, которые могут исходить как извне, так и изнутри любой из взаимодействующих в ней сторон. Поэтому важнейшим критерием прогресса является также степень такой защищенности, «сопротивления силой».

Дальнейшая конкретизация требует раскрытия этих критериев в применении к каждому из перечисленных выше компонентов, что в определенной мере сделано в упомянутых выше моих работах. Но, мало этого, каждая конкретная историческая ситуация нуждается в конкретной интерпрета-

ции этих общих критериев и их соотношения. Но это уже не входит в компетенцию социальной философии или философии истории. Такая задача, в случае принятия предложенной онтолого-методологической схемы, встает уже перед наукой историей. Понятно, что это допущение предполагает *новый взгляд* на задачи этой науки и появление «версии истории», когда история как процесс развития человечества рассматривается с позиций изложенных онтолого-методологической схеме и ноосферного мировоззренческого идеала.

Не утопична ли, однако, сама надежда, что кому-то понадобится этот «новый взгляд», что кто-то станет тратить время и силы на его системное усвоение и преодоление неизбежных конкретных трудностей, которые возникнут при попытках его реализации? Нынешние философы больше склонны к демонстрации эрудиции, чем к системному и ответственному, тем более, ориентированному на практику мышлению. Историки привыкли описывать факты и интерпретировать их (создавать «версии истории») с позиций определенных научных школ или различных идеологических заказов. В Советском Союзе они были марксистами, в ряде регионов постсоветского пространства стали националистами. Сам же я не считаю себя достаточно компетентным в науке истории, чтобы посметь предложить свои образцы интерпретации с заявленных философско-мировоззренческих позиций. В подобной ситуации так нужно коллективное сотрудничество, мозговой штурм! Но пока что ничего похожего не намечается.

Что же я могу предложить в заключение этой статьи? Только высказать некоторые общие соображения. Попытаюсь сделать это по двум направлениям. Во-первых, наметить иные *доминанты*, которые, на мой взгляд, способны представить совершенно иную, по сравнению с традиционной, картину происходящих событий. Во-вторых, охарактеризовать положительные и отрицательные тенденции в развитии человечества, стоящие за этими доминантами.

История многогранна. Обращая внимание на разные стороны жизнедеятельности, мы можем говорить, допустим, об эпохах Просвещения или Реформации, а недавно можно было услышать об эпохе... постмодернизма (это, конечно, не более чем самореклама его адептов), о натуральном и товарном хозяйстве, об эпохе великих географических открытий, об индустриальном и информационном обществе,

о феодализме и капитализме и т.д., и т.п. И все же основным фоном в изложении историков оказывается история различных государств, описание их возникновения, расцвета и упадка, их взаимоотношений друг с другом, их социальной структуры и конфликтов, деяний правителей и вождей различных движений. Но действительно ли войны и восстания, интриги власть имущих и бесконечные распри различных социальных групп – все эти массовые и яркие явления – образуют стержень исторического процесса? Не напоминает ли это чем-то модное ныне смакование подробностей жизни политиков, олигархов и «звезд»? Не разумнее ли проследить и понять, как движется человечество к состоянию ноосферы во всех сферах своей жизнедеятельности и что мешает этому движению? А то, что традиционно находится в центре внимания, рассматривать как условия (чаще всего тормозящие), в которых это движение совершается. Я не отрицаю, что в войнах, религиозных движениях, реформах властителей и т.п. имеют место и положительные моменты. Но, как правило, это очень неэффективный путь и его отдельные положительные результаты не стоят тех жертв, ценой которых они получены. Подлинный ток истории проходит намного глубже поверхностных катаклизмов.

Где же? Чтобы ответить на этот вопрос, охарактеризуем сначала те общие противоречия и основные направления их решения, которые прослеживаются во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Я бы назвал два фундаментальных противоречия: *искусственного и естественного* и *отчуждения*. Не перестав быть природным (естественным) существом, человек создал по своим искусственным (не запрограммированным биологически) проектам мир искусственного, который стал жить по собственным законам и в который он поместил самого себя, а теперь пытается вместить и природу. Эти искусственные проекты (технические, политические, религиозные и т.д.) создаются в соответствии с установками отдельных людей и потому могут, как они сами, так и тем более их реализация, быть *чуждыми* другим людям. Отсюда и противоречия.

Противоречия между искусственным и естественным проявляются, с одной стороны, как взаимоисключающая направленность функционирования природной среды и развития мира, создаваемого человеком, а с другой, как несовместимость требований искусственно созданной

«второй природы» и биологической природы человека. Деятельность человека, осуществляемая как ответ на вызов этих противоречий, в свою очередь противоречива: она и усиливает их, и пытается как-то разрешить, по крайней мере, смягчить. Отсюда и противоположные направления такой деятельности, пронизывающие всю историю во всех сферах. Человек сначала пытался добиться независимости от природы, научиться противостоять ей и пришел к тому, что «антропогенный фактор» сам стал угрозой для существования биосферы. Непосредственное взаимодействие с природой, труд охотника и земледельца были нелегким испытанием, но выдерживающие его обладали нормальным физическим развитием. Современный человек научился противостоять множеству болезней и продлил время своей жизни, но это не спасает его от явной деградации. Противоположные полюса, к которым может стремиться развитие, здесь очевидны: максимальная эксплуатация природы человеком или их гармоническое оптимальное соразвитие (в пределе – экологическая катастрофа или ноосфера); превращение человека в киборга (с возможным его вытеснением более эффективной цивилизацией роботов) или гармонизация природного и социального уровня его бытия.

Отчуждение нельзя сводить к той его форме, которая порождается господством частной собственности. Это гораздо более глубокое и широкое явление. Волку или зайцу в принципе не может быть чужд волчий или заячий образ жизни, поскольку они запрограммированы генетически. Программы же, вырабатываемые искусственно разными людьми, могут как в чем-то совпадать (быть пригодными в общих ситуациях), так и не совпадать, не восприниматься другими как добровольно и сознательно принимаемое руководство к действию. Видимо, это и есть глубинная причина беспрецедентной внутривидовой борьбы, разыгравшейся в ходе человеческой истории. Чтобы выжить, общество должно быть единым, но оно не может быть таковым при постоянном воспроизводстве взаимоисключающих тенденций в деятельности его подсистем (я более чем серьезно воспринимаю закон Паркинсона). Попытки разрешить это противоречие – с помощью насилия, общественного договора, религиозно-нравственных установок – также сопровождают всю историю человечества. Противоположными полюсами, между которыми совершаются эти попытки и к которым может стремиться развитие, это человечество

как соборное сообщество с паритетной ценностью целого и индивидуального (общностей и личностей), с одной стороны, и система, состоящая из манипулирующей «элиты» и манипулируемой «биомассы», – с другой. Первый полюс – это идеал ноосферного мировоззрения, второй – то, к чему реально ведет нас процесс несправедливо совершаемой глобализации.

Дадим такую же краткую характеристику указанных тенденций в основных сферах жизнедеятельности в их взаимодействии. В материальной сфере переработки вещества и информации человечество в принципе заложило основы возможного автоматизированного, роботизированного, по минимуму материалоёмкого и по максимуму безотходного производства. Осмысление исторических вех, которые вывели нас на такой путь, куда важнее иных «массовых сцен». Но не менее важно проследить и понять, что и почему мешало оптимальной реализации различных усовершенствований на протяжении всей истории и не позволяет реализовать в полной мере названные возможности в наше время (как и то, что способствовало). В то же время развитие материальной сферы имеет и свою оборотную сторону. Больше разнообразных технических возможностей – больше и возможностей отчуждения и соблазнов «головокружения от успехов». Разделение труда дает не только положительный технико-экономический эффект, но и способно воздвигать стены взаимонепонимания и, стало быть, отчуждения. Возрастание независимости от природы одновременно порождает и безответственную её эксплуатацию, и агрессию против неё. А появление прибавочного продукта и постепенная переориентация на производство товара вообще делают человеческую жизнь сверхискусственной: теряются всякие критерии для отличия «разумных» потребностей от «неразумных», человек оказывается во власти абсолютного стремления к максимуму, конкретное содержание которого легко поддается манипуляции (престиж, мода, реклама и т.п.).

В духовной сфере мы также наблюдаем переплетение и борьбу указанных выше противоречивых тенденций между полюсами становления ноосферного единства и абсолютизации отдельных сторон (мировоззренческих, религиозных, нравственных, эстетических и иных установок), что в пределе ведет к распаду общества. В истории имеет место и становление идеалов гармоничного человека, общества, гармонии с природой и резкое противопоставле-

ние друг другу личности и общества, общества и природы. Кто-то противопоставляет иной высший мир и тот мир, в котором мы реально живем; а кто-то сводит последний только к тому, что может быть чувственно воспринято и доставить чувственное удовольствие. В развитии нравственности четко прослеживается линия расширения её сферы от отдельного рода до человечества в целом, а теперь и распространения нравственных принципов на природу («благоговение перед жизнью» А. Швейцера). Но здесь же мы сталкиваемся с эгоцентрическими извращениями (и попытками их «теоретического» оправдания), которые также проходят через всю историю и становятся чуть ли не массовыми (немотивированные убийства, увеличение числа маньяков и т.п.) в наше время. Искусство представляет нам и жизнеутверждающие шедевры красоты, и смакование уродства и извращенности (один из симптомов возможной глобальной катастрофы в наши дни). Наука обеспечивает человечество и проектами, позволяющими перейти на ноосферный уровень, и средствами массового уничтожения людей и природы. Выстроить многообразие исторических фактов в рамках конфигурации такого рода тенденций, я думаю, куда более важная задача, чем двигаться по вехам чьего-то правления и военно-политических столкновений. И хотя именно королева Анна Стюарт возвела И.Ньютона в рыцари, все-таки не он жил в эпоху Анны, а, напротив, королева – в эпоху Ньютона. А деятельность Канта, который несколько лет был подданным Российской империи, имела большее значение, чем та война, в результате которой Кёнигсберг на некоторое время отошел к России. Надеюсь, что читатель помнит об ограниченных возможностях всякого образного сравнения.

Организационная сфера развивается между полюсами тоталитаризма (абсолютизация определенной целостности, символом которой становится «вождь») и либеральной демократии (абсолютизация прав и свободы отдельной личности, что на самом деле служит ширмой для господства определенного клана). Человечеству пока не удалось решить основную организационную проблему: как сделать, чтобы организаторы (в политике, экономике и т.д.) выполняли бы свои *посреднические* функции для блага целого, а не пользовались бы открывающимися возможностями для достижения узкоклановых и личных целей. Иными словами, как обойти закон Паркинсона? Пока что посредники, дорвавшись

до политической и экономической власти, независимо от тех лозунгов, под которыми это было сделано, начинают работать, прежде всего, на себя. И демократия, как это хорошо видел ещё Платон, превращается в олигархию. Без решения этой проблемы все прекраснотушние утопии (в том числе и ноосферная) остаются утопиями или становятся идеологическим плацдармом для прыжка во власть нового правящего меньшинства.

Но все беды в предыдущих сферах во многом упираются в явное несовершенство сферы формирования человека. Без революционных изменений в этой сфере невозможно предотвратить сползание человечества к глобальной катастрофе. Коммунисты провозгласили формирование «нового человека», но фактически у них не было реальной и обоснованной программы по этому вопросу, и эта одна из важнейших причин краха социалистического эксперимента. Проблема формирования подрастающего поколения в истории человечества успешно решалась только до тех пор, пока это поколение естественным образом вписывалось в повседневные заботы жизни взрослых (у собирателей, охотников, земледельцев). На более поздних этапах развития решению этой задачи мешали следующие обстоятельства. Во-первых, разделение и усложнение труда исключило детей из непосредственной трудовой жизни, когда отцы давали им образцы поведения; отсюда и конфликт поколений,

проблема «отцов и детей». Во-вторых, общество, где господствовали неравенство и эксплуатация, не могло обеспечить разумной профориентации, оптимального применения способностей и склонностей различных личностей. В-третьих, в разорванном и противоречивом обществе не удавалось выработать единый общечеловеческий идеал человека и следовать ему в процессе обучения и воспитания. Идеалы были или абстрактно-утопическими, или очень узкими, как, скажем, в формировании спартанских воинов или в религиозных школах. Но если сейчас люди не научатся на добровольной внутренней основе иначе относиться к природе и друг к другу, то экологической и военной катастрофы не избежать. Однако такое научение невозможно, если общие положения ноосферного идеала не будут системно конкретизированы вплоть до предметно-технологического уровня. Без этого не избавиться от тысячелетнего «очковтирательства» в сфере формирования человека.

Подводя общий итог, хотелось бы иметь такую историю, которая бы проследила основные линии и вехи становления подлинного человека, движение к ноосфере, или, в пессимистическом варианте, невозможность такого исхода и, тем самым, движение человеческой цивилизации к гибели. Такая история могла бы дать много полезного для принятия эффективных решений в той точке бифуркации, в которой находится современное человечество.

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

2. Сагатовский, В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения) в 3-х частях [Текст] / В.Н. Сагатовский. – Ч. 3: Антропология. – СПб., 1999; Сагатовский, В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2004.

3. Сагатовский, В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основания мировоззрения) в 3-х частях [Текст] / В.Н. Сагатовский. – Ч. 2: Онтология. – СПб., 1999; Сагатовский, В.Н. Бытие идеального [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2003; Сагатовский, В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2004; Сагатовский, В.Н. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию) [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2006.

4. <http://vasagatovskij.narod.ru>.

5. Сагатовский, В.Н. Заключение: мировоззрение для XXI столетия? [Текст] / В.Н. Сагатовский/ Философия развивающейся гармонии (Философские основы мировоззрения). – Ч. 3: Антропология. – СПб., 1999.

6. Сагатовский, В.Н. Есть ли выход у человечества (критика образа жизни)? [Текст] / В.Н. Сагатовский. – СПб., 2000.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

УДК 37.01

В.Л. БЕНИН

Современное состояние исследований в области национальной безопасности ограничивается либо военно-стратегическими и экономическими аспектами, либо узко прикладными социологическими и психологическими разработками. Если же в контексте национальной безопасности образование и рассматривалось, то, как правило, проблема ставилась исключительно в сфере военного образования [9]. Показательно, что в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» упоминание об образовательной безопасности отсутствует. Это не удивительно.

В современной российской науке системные фундаментальные исследования, связанные с социокультурной составляющей национальной безопасности, практически отсутствуют. Нам известна лишь одна диссертация, непосредственно посвященная данной проблематике, но она ограничена рамками профессионального образования [11]. После серии трагических происшествий, имевших место в различных образовательных учреждениях страны, к названной проблематике обратилась Российская академия образования, проведя научную конференцию [2]. Но речь на ней шла о конкретных аспектах антитеррористической, противопожарной, экологической и им подобным традиционным ведомственным аспектам безопасности.

Однако сегодня крайне важное значение для страны имеют именно социокультурные основы обеспечения её безопасности вообще и проблема образовательной безопасности, в частности. По данным Росстата, в 2006 г. в системе образования РФ было занято более 6 млн работников. Еще более 17 млн человек обучалось на её различных ступенях. Если к этим цифрам добавить родителей, речь фактически пойдет о четверти населения страны. Поэтому социокультурные процессы, протекающие в сфере образования, не могут не оказы-

вать существенного влияния на национальную безопасность.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой «по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными» [16, с. 435]. Однако последние полтора десятилетия не только в публицистической, но и в научной литературе все громче звучат голоса о кризисе российской культуры, о падении уровня образования, о разрушении культурных основ народной жизни. Чаще всего это объясняется экономическими проблемами – нехваткой бюджетных средств, изношенностью материальной базы, отсутствием традиций спонсорства и меценатства. Но не ближе ли к истине стоял булгаковский профессор Преображенский, когда утверждал, что «разруха не в клозетах, а в головах»? Кризис культуры, а с ним и падение уровня образования, и разрушение культурных основ народной жизни всегда связан с кризисом духовности. Когда же речь идет о проблеме духовности, логика с неизбежностью выводит нас на систему образования.

Если отступить от узкодидактической точки зрения, образование есть не что иное, как процесс трансляции культуры. Культура, в свою очередь, есть результат образования в широком смысле слова. В современных условиях система образования по сути дела осталась единственным институтом государства, формирующим духовные основы личности на фоне мощных и не всегда позитивных потоков информации, проникающей по каналам современных СМИ. Трудно спорить с утверждением Р.Г. Абдулатипова о том, что «во всем мире наблюдается пренебрежительное отношение к культуре, философии и логике, изгнание культуры, философии и логики из жизни человека и общества» [1, с. 46]. Поэтому исследование социокультурных основ обеспечения наци-

* Исследование выполнено при поддержке гранта ГРНТИ в рамках работы по проекту 13.11.25 «Фундаментальные социокультурные основы обеспечения национальной безопасности России».

ональной безопасности следует начинать с системы образования.

Образование и культура – две стороны генетически единого процесса антропо- и социогенеза. Их более или менее гармоничное взаимодействие обеспечивает производство, тиражирование, передачу, усвоение и потребление знаний и ценностей. Образование есть нечто большее, чем приобретение знаний, подчеркивает директор Института философии РАН академик А.А. Гусейнов. «Образование нельзя рассматривать только как способ передачи знаний, оно также является источником их производства – по крайней мере в том, что касается гуманитарных знаний. Неправильно думать, будто образование идет вслед за наукой, оно идет как минимум параллельно с ней, если иногда не опережает ее» [10, с. 46].

При таком подходе естественно встаёт ряд вопросов и первый из них: что происходит с современным отечественным образованием? Возможно, правы те, кто считает, что по воле злых сил «наше общество, будучи образованным и духовным, все больше сползает в «массовую» культуру, копируя западные штампы бездуховности, разврата, бесстыдства и вседозволенности» [1, с. 25]. Если дело обстоит подобным образом, то следует ополчиться на злодеев и воевать с ними, как призывал великий Н.В. Гоголь, всем миром, «покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстания народов, вооружался против врагов, так должен восстать против неправды» [5, с. 528].

Но, возможно, мы имеем дело с объективным процессом, когда «высокая культура» разрушается, перестает существовать как влиятельная страта, маргинализуется, оказывается в ведении узкого круга знатоков. В такой культуре современное общество больше не нуждается, и не потому, что не пользуется ее плодами, а потому, что оценивает их по той стоимости, которую они могут иметь как товар на рынке развлечения, а эта стоимость крайне низкая [10, с. 68]. Если так, то, как говорится в известном анекдоте, «надо расслабиться и получить удовольствие». Очевидно, что для ответа на поставленный вопрос нужен не узкопедагогический, а широкий социокультурный взгляд. Он, в свою очередь, диктует необходимость как минимум следующего.

1. Необходимо определиться с пони-

анием места образовательной безопасности в общей системе социокультурных основ обеспечения национальной безопасности России.

Система образования должна обеспечивать текущие и перспективные кадровые потребности страны, гарантируя её интеллектуальную независимость во всех сегментах общественного производства и общественной жизни. В частности, по данным известного социолога Г.Ф. Шафранова-Куцева [14, с. 3–4], масштабы высшего профессионального образования в России не соответствуют намеченным темпам социально-экономического развития страны до 2020 года. Мировой опыт показывает: для полноценного функционирования инновационной экономики необходимо, чтобы, по крайней мере, половина занятого населения страны имела высшее образование. В настоящее время только 30 процентов российского населения имеют такое образование при ежегодном приросте не более 0,3 процента. Причем основной прирост идет в значительной мере за счет заочной формы подготовки, второго высшего образования, дистанционного обучения. Поэтому предложения о сокращении численности студентов в российских вузах просто несостоятельны, так как не обеспечат реализацию долгосрочной программы социально-экономического развития России на период до 2020 года.

Лейтмотив рассуждений сторонников сокращения приема в вузы: нехватка в экономике кадров рабочих профессий, трудности с устройством выпускников вузов. На самом деле, по данным официальной статистики, в 2006 году среди всего массива российских безработных 9,7 процента имели высшее образование, 2,6 процента – незаконченное высшее, 17,0 процентов – начальное профессиональное и 22,7 процента – среднее профессиональное образование. Среди безработных на региональных рынках труда – 39,7 процента выпускников техникумов, колледжей и профтехучилищ [14, с. 3].

2. Определение того, какие ценности на самом деле формирует (и формирует ли) система современного российского образования и как они влияют на общественную безопасность.

В 90-е годы в Россию, на фоне трансформации ценностных ориентаций молодежи (чистая совесть, приношение пользы

обществу являются для них лишь периферийной группой ценностей, а желание иметь доступ к общечеловеческой культуре и вовсе является ценностью низшего статуса [4, с. 86]), хлынул мощный поток западных информационных продуктов. Это осуществлялось в условиях, когда люди были не подготовлены к такому огромному потоку информации и не знали, как с ним управляться. Именно в этот момент в массовое сознание российского общества начинают закладываться новые ценности и жизненные цели, не характерные для всей предыдущей культуры.

С успешностью теперь начинает ассоциироваться не интересная работа и дружная семья, а лишь высокие доходы и следующая за ними роскошь, причем методы и средства достижения высокого уровня жизни не ограничиваются какими-либо моральными или этическими нормами. Появляется слой людей, добившихся благосостояния благодаря криминальной сфере деятельности, но с каждым днем их осуждает все меньшая часть населения. Этому способствуют как зарубежные, так и отечественные фильмы и передачи, демонстрирующиеся на ТВ и пропагандирующие жестокость и насилие, так что подобные действия уже многим не кажутся дикими. Многие «крохи» (и порой весьма великовозрастные) в прямом смысле слова перестают понимать, «что такое хорошо, и что такое плохо».

В итоге трансформации российского социума конца двадцатого столетия ценности и установки советской эпохи утратили своё значение, но реально новая система ценностей им на смену не пришла. В итоге, как отмечает Ю.В. Ирхин, «опыт России 90-х гг. XX в. и ряда других стран подтвердил, что недооценка базовых национальных ценностей, отказ от государственного и общественного контроля при осуществлении либеральных реформ приводит к стагнации социума, снижению его культурного потенциала» [8, с. 133].

Как показывают конкретные социологические исследования, одной из форм социально-психологической адаптации людей к действительности стала их мимикрия, т.е. коррекция взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения и т.д. в соответствии со стандартами новых взаимоотношений. «Такие явления, как ловкачество, беспринципность, продажность и другие

антиподы морали, все чаще воспринимаются в обыденном сознании не как аномалия, а как вполне оправданный вариант взаимоотношений в быту, в политической деятельности, бизнесе и т.д.» [3, с. 47].

Еще один пример. В 2001–2003 годах в 48 регионах России было проведено социологическое исследование «Социальный портрет учащихся НПО», охватывавшее 42 тысячи опрошенных. Исследование ценностных ориентаций учащихся начального профессионального образования показало, что 35% из них хотели бы жить за границей и еще 22% не определились в этом отношении. Иначе говоря, 57% учащихся НПО и в городе, и на селе не связывают однозначно свою жизнь с Россией [5, с. 68]. В 2009 году названный исследовательский проект был запущен повторно. Первые результаты, по словам академика РАН Е.В. Ткаченко, улучшения ситуации не выявили.

Это массовая неприемлемость у молодежи условий и смысла жизни в нашей стране. Кто осмелится сказать, что она не имеет отношения к проблеме национальной безопасности?

3. Выявление качественно-количественных показателей реальной и востребованной подготовки кадров по специальностям, отраслям и уровням образования в соответствии с потребностями страны.

Очереди абитуриентов на юридические и экономические специальности и их явный дефицит на специальностях, связанных с реальным производством (во всех сферах и на всех уровнях), – печально известная реальность современного российского образования. Корабелы Питера мрачно шутят, что скоро на отечественных верфях будут работать польские мастера. И это, увы, отнюдь не только «питерский феномен». Но Россия не может обеспечить собственную безопасность, бесконечно рекрутируя «гусов хиддинков» для всех сфер своей жизнедеятельности. И это только один аспект. Есть и другой.

Ускоренная и непродуманная коммерциализация российского профессионального образования – общая тенденция, которая объективно ведет к снижению качества подготовки и ряду других пока плохо прогнозируемых негативных последствий. Так, с 2001 по 2007 годы доля выпускников вузов, получивших образование за счет госбюджета, сократилась с 81,6 до 43,0 процентов. Социологи Тюменского

госуниверситета показывают, что тенденции коммерциализации сильно затрагивают и те направления подготовки кадров, которые в первую очередь обеспечивают интересы государства, его национальную безопасность, формируют кадры служащих государственного и муниципального управления, налогового и таможенного дела, правоохранительных структур, систем информационной безопасности [14, с. 6]. По некоторым стратегически важным направлениям подготовки кадров в интересах государства увеличивать бюджетный заказ до реальных потребностей, чтобы обеспечить отбор подготовленных молодых людей, а не отдавать дело на откуп платежеспособных групп населения, у которых на первом плане свои личные и корпоративные интересы. Затратив немалые средства на вузовское обучение, такие выпускники изначально «заточены» только на личные интересы, в том числе и незаконные доходы чаще всего коррупционного характера.

В последние годы заметна тенденция подготовки студентов в элитных вузах по самым престижным специальностям на договорной основе целыми семейными, родственными кланами. Таким образом, готовятся по сути целенаправленно управленческие команды из лиц, связанных родственными отношениями для семейного бизнеса, занятия ключевых должностей в системе государственного и муниципального управления. Нетрудно предсказать, к каким опасным для общества последствиям это может привести [14, с. 6].

4. Разработка и внедрение системы преодоления как неспецифических, так и специфических факторов, негативно влияющих на состояние здоровья всех участников системы образования.

Не секрет, что учительство, как профессиональная группа, отличается крайне низкими показателями физического и психического здоровья. И эти показатели снижаются по мере увеличения стажа работы в школе. Сегодня профессия учителя по частоте невротических расстройств, заболеваний органов дыхания и кровообращения может быть отнесена к группе профессий «повышенного риска» [6, с. 1]. В вузах практически у половины обследованных студентов уровень физического здоровья оценивается как «низкий» и «ниже среднего» [12, с. 21]. Как правило,

этот «багаж» они зарабатывают в школе, поскольку здоровьесбережение в реальном образовательном процессе оставляет желать много лучшего. Исследования показывают, что «в современных условиях высокие показатели детской заболеваемости и смертности приобрели характер устойчивой и прогрессирующей тенденции, четко прослеживается ухудшение состояния здоровья детей от начала обучения в школе к его окончанию» [13, с. 107].

5. Учет социальной значимости и последствий крупномасштабных реформ и нововведений в системе образования и их влиянии на социальную стабильность и безопасность.

Руководителю гитлеровского «Трудового фронта» (позднее нюрнбергскому обвиняемому) Роберту Лею приписывают фразу: «Для того чтобы сделать из нации стадо баранов, не нужны концентрационные лагеря. Для этого достаточно десяти лет перманентной реформы образования». Незатихающие общественные споры о целях, ходе и результатах реформы образования, во всяком случае, демонстрируют явную социальную заинтересованность в её освобождении от чиновничьего диктата и келейности. При этом всем, кроме администраторов от образования, виден её затянувшийся системный кризис.

Неангажированные исследователи отмечают, что поток административных управляющих воздействий, часто необоснованных, усиливает давление на педагогов-практиков, реально решающих задачи образования, и этим увеличивает деструктивность педагогической практики, ухудшает характер взаимодействия с родителями (мини-социумом) и т.п. Прошедшие семь лет модернизации отечественного образования показали, что преобразования, осуществляемые в рамках одноименной программы (2002–2010 гг. и её продолжение), не снижают числа противоречий; учебно-воспитательный процесс в образовательных учреждениях часто идёт путями механической компьютеризации, ЕГЭ-реализации, профилизации, проб и ошибок или по инерции [7, с. 530]. Современное образование, правомерно указывает Н.К. Чапаев, «строящееся, с одной стороны, на идеологии удовлетворения всех субъективных желаний и потребностей (крайнего индивидуализма), с другой, – на идеологии тестового технократизма (крайнего функционализма), инициируя дезинтеграционные процессы в развитии

человека, перестает отвечать потребностям развития как самого человека, так и общества в целом» [17, с. 14].

Ответы на поставленные вопросы позволяют выявить проблемы развития образования в контексте обеспечения культурной безопасности и сохранения (сегодня приходится говорить и об этом) отечественной культуры, а в итоге определиться с тем, что такое социокультурная безопасность и каково место образования в ней. Во всяком случае для нас очевидна целесообразность введения в научный оборот термина «образовательная безопасность» и его изучения с целью содержательного наполнения.

Под образовательной безопасностью

следует понимать систему, направленную на разработку и реализацию мер по защите участников образовательного процесса от любого рода опасностей, связанных с осуществлением данного процесса, либо возможностью прогнозировать и предупреждать такого рода опасности, а при их возникновении управлять ими с целью минимизации возможных потерь.

Однако данная система пока еще существует лишь как дефиниция. Создание реально действующей системы обеспечения образовательной безопасности России, на наш взгляд, является необходимым условием ее культурного самосохранения и развития.

1. Абдулатипов, Р.Г. Воля к смерти (философия кризиса глобального человека) [Текст] / Р.Г. Абдулатипов. – М.: Классика Стиль, 2007. – 191 с.
2. Безопасность пространства образования [Текст]: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Челябинск, 25–26 ноября 2009 г. / Челябин. гос. пед. ун-т. – Челябинск: СИМАРС, 2009. – 329 с.
3. Бойков, В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян [Текст] / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 46–52.
4. Винтин, И.А. Особенности социального самоопределения старшеклассников [Текст] / И.А. Винтин // Социологические исследования. – 2004. – № 2. – С. 86–52.
5. Гоголь, Н.В. Мертвые души [Текст] / Н.В. Гоголь // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Худож. лит., 1959. – Т. 5.
6. Гревцова, Е.А. Комплексная социально-гигиеническая оценка условий труда и здоровья учителей общеобразовательных школ Центрального федерального округа Российской Федерации и меры по их оптимизации [Текст] / Е.А. Гревцова: автореф. диссертации ... доктора медицинских наук: 14.00.33 / Моск. мед. акад. им. И.М. Сеченова. – М., 2007. – 48 с.
7. Додонова, Л.П. К проблеме взаимодействия образования и культуры [Текст] / Л.П. Додонова // Образование и культура в развитии современного общества: материалы Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: БАК, 2009. – Ч. 1. – С. 529–531.
8. Ирхин, Ю.В. К вопросу о кросс-культурных исследованиях: восток – запад [Текст] / Ю.В. Ирхин // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 131–134.
9. Кабакович, Г.А. Военное образование и национальная безопасность [Текст] / Г.А. Кабакович, Ю.Г. Спицын. – СПб.: Нестор, 1998. – 268 с.
10. Культурология как наука: за и против: «круглый стол», Москва, 13 февраля 2008 г. [Текст] / науч. ред.: А.А. Гусейнов, А.С. Запесоцкий; Санкт-Петербургский гуманитар. ун-т профсоюзов. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – 103 с.
11. Ляпин, И.Л. Профессиональное образование как компонент образовательной деятельности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации [Текст] / И.Л. Ляпин: диссертация ... кандидата политических наук: 20.01.02. – М., 2004. – 189 с.
12. Мухаметова, Г.Р. Медико-социальные проблемы образа жизни и здоровья студентов – будущих педагогов [Текст] / Г.Р. Мухаметова: автореф. диссертации ... кандидата медицинских наук: 14.00.33. – Казань, 2005. – 22 с.
13. Набокова, О.Б. Здоровьесбережение детей как социально-педагогическая проблема [Текст] / О.Б. Набокова // Образование в регионах России: научные основы развития и инноваций: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во РГПУ, 2009. – Ч. 3. – С. 107–108.
14. Об основных результатах деятельности научной школы члена-корреспондента РАО Г.Ф. Шафранова-Куцева [Текст] // Научные школы в контексте инновационной стратегии развития образования. – Екатеринбург: УрО РАО, 2010. – С. 3–4.
15. Ткаченко, Е.В. Современные проблемы социализации учащейся молодежи в системе начального профессионального образования [Текст] / Е.В. Ткаченко // Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. – 2002. – № 2. – С. 59–75.
16. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов [Текст] / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.
17. Чапаев, Н.К. Э. Фромм и компетентностный подход: в поисках философии образования целостного человека XXI века [Текст] / Н.К. Чапаев // Образование в регионах России: научные основы развития и инноваций: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во РГПУ, 2009. – Ч. 1. – С. 12–14.

ОЦЕНКА РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ПОЗИЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

УДК 316.4

Ю.Р. ВИШНЕВСКИЙ, М.В. ПЕВНАЯ

Начиная с 2000 года, на государственном уровне обозначены основные векторы реформирования российского образования. В начале XXI столетия был принят ряд основополагающих федеральных документов, связанных с качественным обновлением общего образования. Постановлением Правительства Российской Федерации были четко заданы основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации, в том числе и в направлении модернизации образования [7].

Постараемся охарактеризовать реальные шаги в направлении к модернизации. Включение российского высшего образования в европейское образовательное пространство в большей мере начинается с изменения его структуры в соответствии с международными стандартами [8]. Официально вводится двухуровневая система высшего профессионального образования: бакалавриат и магистратура или подготовка специалиста. С одной стороны, образовательная реформа решает задачи соответствия образовательной системы мировым стандартам, с другой, – сбалансированно регулирует исполнение профессиональных групп, как групп родственных специальностей и специализаций с разными квалификационными уровнями от низшего до самого наивысшего [1, с. 39].

При трансформации формы и структуры института образования изменяется и содержание образовательного процесса: вводятся образовательные стандарты третьего поколения, повсеместно внедряется компетентностный подход; активно привлекаются работодатели, совершенствуется система контроля качества основных образовательных программ в условиях расширения академических свобод высших учебных заведений [9]. Постепенно начинают расширяться возможности образовательной мобильности как студентов, так и преподавателей вузов. В рамках реализации приоритетных национальных проектов по отношению к высшей школе были поддержаны ведущие вузы, использующие инновационные образовательные программы, создана сеть федеральных университетов, обновлена материально-техническая база вузов, оказана материальная поддержка талантливой молодежи [8]. С 2009 года ЕГЭ становится единственной

формой выпускных экзаменов в школе и основной формой вступительных экзаменов в вузы [5].

В новой концепции долгосрочного социально-экономического развития России относительно продолжения модернизации высшего образования заявлено активное расширение участия работодателей на всех этапах образовательного процесса. Одним из главных условий развития высшего профессионального образования отмечается вовлеченность студентов и преподавателей в фундаментальные исследования [3].

Безусловно, процесс модернизации образования проходит достаточно сложно. Наряду с позитивными достижениями и реализацией основных запланированных функций проявляются и латентные функции. Они находят свое отражение в возникающих в процессе внедрения инноваций проблемах (дифференциации заработной платы среди учителей, разница возможностей среднего заведений центра и периферии, смещение коррупции в сторону среднего образования и т.д.) [2, с. 127]. Сегодня назрела необходимость в принятии нового закона об образовании, так как действующее законодательство не в полной мере способно регулировать происходящие в образовательной сфере процессы [4].

Однако в процессе комплексного реформирования все-таки поддерживается основная цель профессионального образования, которая заключается в подготовке квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного на рынке труда, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готового к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности, удовлетворенного своим профессиональным потенциалом.

Профессиональное образование способствует активному развитию человеческого ресурса, становится фундаментом для формирования социального капитала личности. В связи с этим интересно провести анализ оценки происходящих изменений со стороны учащихся высших учебных за-

ведений, вовлеченных в образовательный процесс и непосредственно столкнувшихся с целым рядом текущих инноваций в высшей школе. Кроме того, ситуация на рынке труда подвержена постоянной коррекции, она формирует новые запросы к потенциальным работникам, трансформируется социальный институт образования, изменяется и само поколение молодых специалистов, получающих профессиональное образование в вузе. Инновационные изменения в образовании направлены на ближайшую перспективу, однако сам процесс реформирования непосредственно затрагивает интересы студентов вузов, обучающихся в большей степени еще на «специалитете». По нашему мнению, важно оценить степень удовлетворенности процессом обучения в вузе среди студентов, а также проанализировать, насколько в реальности удается решать проблему отрыва образовательного процесса от потребностей практической деятельности. Определить, оказывают ли выше обозначенные инновационные изменения в образовательном процессе влияние на то, как студенты вузов оценивают сегодня свою готовность к работе по специальности, насколько они сами заинтересованы в повышении своего уровня профессионализма. Достаточно интересно проанализировать отношение субъектов образовательного процесса или основных потребителей образовательных услуг к учебному процессу, посмотреть на ход реформирования как бы «изнутри», оценить мнения студентов об уровне своей готовности к выходу на рынок труда, оценить их способность воспринимать образовательные инновации (в статье используются данные социологического опроса студентов ведущих вузов Свердловской области / выборка случайно-стратифицированная, №-1281/, реализованного в 2009 году сотрудниками кафедры социологии и социальных технологий управления в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК-№ 14.740.11.0224). В процессе исследования сделана попытка проверить гипотезу о том, что при высоком уровне заинтересованности в результативности учебного процесса со стороны студента повышаются и его субъективные оценки степени готовности к выходу на рынок труда, к работе по выбранной специальности, соответственно повышается и эффективность всех составляющих программы реформирования образования. Для решения поставленной задачи в исследовании была сконструирована вторичная переменная, позволяющая оценить результативность профессионального обучения или профессиональную ориентированность учебного процесса с позиции студентов вузов Свердловской области на основе корреляции ответов (коэффициент Крамера – 0,256) респондентов на два дихотомических вопроса:

1. *«Согласны ли вы с тем, что в процессе обучения вы получили достаточно теоретических знаний, чтобы идти работать по своей специальности?»*

2. *«Согласны ли вы с тем, что ваши умения, навыки и практический опыт позволят вам работать по своей специальности, если у вас появится такое желание?»*

Первый вопрос позволил проанализировать объективные условия получения профессионального образования студентами, качественные характеристики самого образовательного процесса в субъективных оценках молодежи. Тогда как второе суждение выступило индикатором не только ориентированности учебы на практическую деятельность, но и позволило оценить готовность студентов максимально использовать предложенные им образовательные возможности и ресурсы для своего профессионального становления. Методом логического квадрата было выделено три группы студентов, по-разному оценивающих профессиональную ориентированность учебного процесса. К *первой* группе респондентов, высоко оценивших образовательный процесс и соответственно готовых к результативному обучению, отнесены все опрошенные, положительно ответившие на оба вопроса. Во *вторую* группу включены респонденты, не согласные с тем, что объективные условия образовательного процесса в их вузе удовлетворительные и достаточные для работы по выбранному профилю, тогда как потенциал готовности к профессиональному обучению, с их позиции, у них достаточно высок. Респондентов, уверенных в обратном, – не согласных с тем, что они имеют достаточно навыков и практического опыта и при этом позитивно оценивающих качество теоретического уровня своего образования, – в выборочной совокупности нет. С одной стороны, это абсолютно естественно, так как психологически трудно признать, что обучение адекватно, притом, что ты с ним не справляешься, с другой, – контингент, не успевающий в процессе обучения, отсеивается по объективным показателям, например, по результатам успеваемости и просто не может в дальнейшем обучаться. В *третьей* группе оказались студенты, не согласившиеся с предложенными утверждениями. Это группа респондентов, негативно оценивающих профориентированность учебного процесса, не настроенных результативно обучаться и соответственно не готовых реализовывать себя в выбранной профессиональной сфере. В целом по выборочному массиву к *первой* группе относятся 54 % респондентов, ко *второй* – 32% от числа опрошенных, 14 % низко оценили уровень профориентированности учебного процесса. Мы убеждены, что *мотивация и осознанность выбора профессии оказывает существенное влияние на эффективность образовательной подготовки в вузе. Чем больше заинтересованность студентов в профессиональных знаниях, тем лучше и ре-*

зультативнее они будут обучаться. При этом каждый пятый студент сегодня уверен, что он «вполне готов к работе по своей будущей специальности», 36 % отметили, что, «скорее всего готовы», тогда как «полностью не готов» практически каждый десятый (11%) и «скорее не готов» – один из трех опрошенных. Необходимо отметить, что естественным образом увеличивается и количество студентов, положительно оценивающих свою готовность к работе по специальности с первого курса к пятому. Если в конце I курса полностью уверены в своей готовности к работе по специальности лишь 1 из 6, то к IV–V курсу их число увеличивается до каждого четвертого. В период обучения в четыре раза уменьшается число неуверенных в готовности к работе по своей специальности. Тревожна тенденция незначительного уменьшения числа тех, кто в процессе обучения так и не ощутил уверенность в своих силах, сомневается в своей готовности выйти на рынок труда как молодой специалист-профессионал.

Первоначально выдвинутая нами гипотеза нашла свое подтверждение в анализе средних взвешенных ответов респондентов выделенных групп. Альтернативам ответов, позволяющим респондентам оценить уровень своей готовности к работе по специальности, были присвоены числовые значения от 0 до 4. В результате мы получили, что *средняя взвешенная* ответов в группе с высокой оценкой профориентированности учебного процесса равна 2,9 балла, во второй группе – 2,3, в третьей – 2,06 при максимально возможном значении 4 балла. Таким образом, среди студентов, положительно оценивающих результативность профобучения в вузе, действительно значительно выше степень уверенности в своей готовности к работе по специальности. Обучение в вузе оценивается как достаточно результативное практически каждым вторым студентом. Данные мониторинга позволяют проанализировать не только оценки профориентированности учебного процесса среди студентов, но и оценки его отдельных качественных характеристик.

Среди студентов первой выделенной группы самое большое число тех, кто полностью удовлетворен своей учебой. Во второй и третьей группе таких респондентов существенно меньше – 18 и 13 % соответственно. Хотелось бы отметить, что уровень претензий (согласно количеству выделенных альтернатив в поливариантном вопросе) во второй и третьей группе значительно выше. Если среди студентов, которые высоко оценивают профориентированность учебного процесса, каждый четвертый жалуется на необъективное отношение преподавателей, каждого пятого не устраивает слишком большая перегрузка и отсутствие возможности вовремя вы-

полнять все задания, то во второй и третьей группе основная претензия к обучению состоит в том, что слабо прослеживается связь получаемых знаний с жизнью и реальной работой по профессии. Кроме того, каждый четвертый студент второй группы и почти треть студентов из числа негативно оценивающих профориентированность учебного процесса обеспокоены тем, что после окончания вуза не смогут устроиться на работу по своей профессии. Уровень уверенности в том, что найти работу по специальности будет легко среди студентов первой группы, практически в два раза выше, чем во второй и третьей. Таким образом, среди студентов, позитивно оценивающих свое образование, в целом выше и показатели удовлетворенности обучением. Как правило, основные сложности у этих студентов возникают в процессе взаимодействия с преподавателями, а также в связи с проблемами относительно самоорганизации. Вопросы по качеству преподавания, претензии к организационным и содержательным его аспектам в большей мере возникают у тех, кто не ориентирован работать по профессии и не заинтересован в реализации ресурсов, которые сегодня предоставляют образовательные учреждения для профессионального роста своих студентов.

Если проанализировать динамику за последние два года (методология позволяет сравнивать данные проведенного опроса с результатами мониторинга «Студент-2007»), можно отметить что в целом в студенческой среде уровень удовлетворенности учебой в вузе повысился. В два с половиной раза увеличилось число тех, кто на текущий момент в принципе всем доволен (с 10 до 25 % от числа всех опрошенных). Можно говорить о незначительном снижении претензий респондентов к организации учебного процесса, к практике взаимодействия с профессорско-преподавательским составом, к качеству преподавания в вузах Свердловской области (табл. 1).

Обобщая приведенные в статье данные, можно сделать ряд следующих выводов. Реформирование системы российского образования не может быть успешным как без анализа ситуации на рынке труда, так и без оценки реальных потребностей студенческой молодежи, процесса профессионального самоопределения, рефлексии степени удовлетворенности процессом обучения и его качеством. Реформирование образования, целый комплекс институциональных изменений сопряжены с проблемами профессионального выбора абитуриентов. Отношение молодежи к своей будущей профессии (правильность или ошибка выбора), рассмотрение образования как стартовой ступени для накопления социального капитала во многом определяют успешность профессионального обучения отдельной

Таблица 1.
Уровень удовлетворённости учебным процессом (2007–2009гг.)
(в % к числу опрошенных)

Что не удовлетворяет в учебе	2007	2009
Все удовлетворяет	10	24
Недостаточно развиты навыки учебного труда	6	8
Преобладание традиционных форм обучения	10	10
Низкое качество преподавания многих дисциплин	16	12
Слабая связь получаемых знаний с жизнью, реальной работой по профессии	24	26
Преподаватели мало внимания уделяют индивидуальной работе со студентами	17	13
Нередко сталкиваешься с необъективным отношением преподавателей	29	25
Нет уверенности, что после окончания вуза смогу устроиться по своей профессии	28	24
Много недостатков в организации учебного процесса (расписание занятий, сессий и т.п.)	27	22
Слишком большая перегрузка, не успеваю вовремя выполнять все задания	23	21

* Сумма выше 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

личности и соответственно состоятельность института образования в целом. Мотивация и осознанность выбора профессии студентом оказывают существенное влияние на эффективность его образовательной подготовки в вузе. Высокий уровень заинтересованности в результативности учебного процесса со стороны студента повышает и его субъективные оценки степени готовности к выходу на рынок труда, к работе по выбранной специальности. Кроме того, отношение к учебному труду по овладению основами профессиональных знаний формирует стиль труда профессионального, качества и навыки будущего специалиста. Во многом этот процесс обеспечивается не только за счет овладения знаниями, освоением теории и практики, но в большей мере личностным ростом, формированием объективных и субъективных оснований для социально-психологической уверенности в своих силах. Позитивная динамика удовлетворенности учебным процессом может рассматриваться как косвенный индикатор позитивных изменений, эффективности процессов поэтапного реформирования высшей школы. Активная включенность в процессы модернизации образования студенчества должна учитываться при оценке результативности выше обозначенных нововведений, при разработке, апробации и внедрении новых образовательных программ, методов и форм работы, при профориентационной работе в связке «школа–вуз» и выстраивании с абитуриентами коммуникации нового качества.

1. Антропология профессий: сборник научных статей / под общ. ред. П.В. Романова, Е.Р. Смирновой-Ярской. – Саратов: ЦСПГИ: Научная книга, 2005.

2. Зборовский, Г.Е. Социальная эффективность модернизации российского образования: ожидания и реальность [Текст] / Г.Е. Зборовский // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры и образования / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2010. – Т.2.

3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/#> (дата обращения 22.12.2010 г.).

4. Концепция проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Утверждена комиссией Правительства РФ по законопроектной деятельности (протокол от 01.06.2009 ш. № 20) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/dok/proj/6648/> (дата обращения 22.12.2010 г.).

5. О внесении изменений в закон РФ «Об образовании» и федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена: Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 17-ФЗ (в редакции от 1 декабря 2007 г.) // Российская газета. – 2007. – 1 января.

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.2007 N 232-ФЗ (в редакции от 10 ноября 2009 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Основные направления социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/> (дата обращения 24.12.2010 г.).

8. Приоритетный национальный проект «Образование». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/pro/pnpro/> (дата обращения 22.12.2010).

9. Решение коллегии Минобрнауки России по вопросу «О разработке нового поколения государственных образовательных стандартов и поэтапном переходе на уровневое высшее профессиональное образование с учетом требований рынка труда и международных тенденций развития высшего образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v/310107s.htm>. (дата обращения 22.12.2010).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСМЫСЛЕНИЯ РОЛИ И МЕСТА КОММУНИКАЦИИ В ПОСТМОДЕРНЕ

УДК141

Н.С. ЗЫРЯНОВА

Коммуникация – сегодня важнейший инструмент изменений и управления в самых разных сферах человеческой жизни, деятельности и мышления. Поэтому современные массовые коммуникации являются предметом не только пристального внимания реальных управленцев различного уровня и профессионализации, но и материалом для постановки наиболее интересных проблем постмодернистской философской мысли на протяжении прошедшего XX века и наступившего XXI.

Коммуникации играют важную роль в формировании культуры, а сама культура имеет огромное значение для формирования взглядов людей на самих себя и поисков путей преобразования социального мира. Современное общество уже ориентирует людей не столько на производство материальных вещей, сколько на производство нематериальных знаков, что является эпохальным событием постмодернистского общества. Отсюда обмен, в котором участвуют люди, перестает быть обменом стоимостями, а становится обменом знаками (симулякрами). Знак – это застывший образ речи, которая оказывается вторичной в современном мире. Центральное положение, занимаемое в структуре познания логосом (словом), ставит под сомнение роль человека-субъекта познания как носителя речи. Автору отказывается в праве на обладание смыслом как таковым. Иллюзия авторства заставляет думать, что говорит вообще субъект, лишенный каких-либо качественных социальных характеристик. Таким образом, субъект в его классическом понимании исчезает из постмодернистской философии. И никто не обладает бесспорными знаниями. Вместо одной истории каждый имеет право на рассказ своей истории. Обмен ими и есть процесс коммуникации.

Современный период в исследовании коммуникации характеризуется пересмотром старых концепций и разработкой новых (например теория демассовизации) [5,

с. 226]. Одной из революционных особенностей в новых коммуникационных технологиях считается их интерактивный характер, что изменяет традиционные взгляды на теории коммуникаций. Интерактивность – это качество электронной коммуникации, характеризуемое возросшим контролем за процессом коммуникации со стороны как отправителей сообщений, так и получателей. В видеоиграх, например, нет определенного сценария. Он меняется в зависимости от поведения аудитории. Автор игры и игрок взаимодействуют посредством электроники, интерпретируя и предвосхищая действия друг друга. Интерактивность, как правило, относится к коммуникационным процессам, которые приобретают определенные черты межличностного общения. Например, в образовательном пространстве получает распространение дистанционное обучение, создающее эффект взаимодействия студента и преподавателя. Правда, эффективность его до сих пор не получила однозначную оценку у педагогов: они отмечают ослабление контакта со студентами и потерю контроля над учебной средой из-за вмешательства техники. Поэтому процесс изучения межличностной коммуникации приводит к осмыслению в целом коммуникации современного общества.

В научной литературе как отечественной, так и зарубежной, дается большое количество определений «коммуникации». Истинной, лично освоенной социальностью считает коммуникацию немецкий философ Ю. Хабермас, что соответствует сущности самого человека. В работах американского социолога Г. Лассуэла информационные связи исследуются как неотъемлемые атрибуты жизненной материи. Однако активной стороной его модели выступает коммуникатор. Поэтому к середине XX в. появилась интерактивная модель коммуникации американского психолога Т. Ньюкомба, в которой коммуникатор и реципиент равноправны. Они связаны не только взаимными

ожиданиями и установками, но и общим интересом к предмету общения. Коммуникация выступает как реализация этого интереса с помощью передаваемого сообщения. Канадский социолог Г.М. Маклюэн в общей теории коммуникации основной упор сделал на технических средствах процесса коммуникации, в роли которых выступают и колесо, и дороги, и одежда, и фотография, и радио, телефон, пресса, кино и т.д. Маклюэн показывает связи между различными областями и продуктами деятельности человека и выявляет то, как изменение средств коммуникации меняет соотношение в паттернах поведения и общения людей. Например, появление комикса в XX веке несло в себе ключ к пониманию телевизионного образа точно так же, как и печать, в свою очередь, несла ключ к пониманию комической карикатуры. Таким образом, каждое новое средство коммуникации порождается предыдущими и приводит к перестройке ценностей общества [3; 4].

По мысли П. Бурдьё, вся социальная действительность является по сути символической системой. Символические формы уже давно перестали быть просто статичными интеллектуальными данностями, они превратились в коммуникативные потоки. Бурдьё вводит понятие символический капитал. Капиталом называют те ресурсы, которые могут быть использованы производителем образом, которые обладают универсальной формой, позволяющей их аккумулировать, обменивать, территориально переносить и использовать в разных областях. Единицами символического капитала являются социальные контакты, авторитет, связи, имидж, бренды, опыт, традиции и т.д. Их, как и всякий капитал, можно накапливать и инвестировать, приумножать и терять, оценивать и обменивать. Капитал является дефицитным явлением и создает дефицит: его не может быть «достаточно», пока общество работает. Капиталом становится все, что способно оборачиваться с выгодой. Оборачивание символического капитала создает особые социальные поля. Именно в поле, а не в обществе, курсирует информация и коммуникация. Социальное пространство является совокупностью этих полей, структурируемой благодаря распределению капитала [1].

Итальянский писатель и философ

Умберто Эко очень серьезно относится к средствам их хранения и передачи – средствам коммуникации. К ним относятся как книги – основные средства коммуникации культуры, – так и телевидение, глобальные информационные сети и т.п. Эко недвусмысленно и очень изящно связывает различные средства хранения и обработки информации нашего времени с различными видами вероисповеданий, связанных в первую очередь с совершенно другим, отличным от нашего типом культуры (например: операционная система «Windows» представляет из себя католическую систему, а DOS – протестантскую). Существуют два ведущих (идеальных) типа культур – это общества традиционные и общества модерна. Общества или культуры можно определить их посредниками в человеческом обществе. Это язык (вербальный, невербальный), нормы (моральные, лингвистические, социальные), вещи. Эко, как семиотик, в первую очередь обращается к языку, его производным и средствам его передачи или коммуникативным связям. Язык определяет очень многое: язык объединяет и разделяет, происходит седиментация значений, и люди часто ведут себя в соответствии с канонами, подсказанными значениями языка. Типы связи или коммуникации могут служить основанием типологизации общества. Существуют связи личного типа и связи вещного типа. Например, общество традиционное определяется личной связью, где традиция – это основная форма воспроизводства, стиль жизни – локализация, главенствует темпоральность круга, отсутствует понятие ценности индивида. Культура модерна – современное индустриальное общество, это культура, где посредники носят глубоко абстрактный, институциональный характер. В нем происходит новое представление о пространстве, о времени, которое начинает пересчитываться на деньги, возникают новые средства коммуникации. В работе «К семиотическому анализу телевизионного сообщения» Эко определяет основную коммуникативную модель нашего общества модерн – фактически это телевидение – зритель. В ней он противопоставляет принцип аберрантного (произвольного, случайного) декодирования линейным моделям массовой коммуникации и подчеркивает активную

роль аудитории в интерпретации ТВ-сообщений. То, что с точки зрения линейных моделей коммуникации (отправитель – канал – получатель) является «шумом», препятствующим на разных этапах коммуникативного акта «правильному» декодированию сообщения, Эко рассматривает как культурную рамку, играющую определяющую роль как в процессе создания сообщения, так и в процессе его восприятия аудиторией [6].

В постмодернистском обществе, информационном, информация является одним из способов существования и реализации знания. Но сегодня оно более формализовано, направлено на достижение конкретного, чаще практического результата, и наполняет семантикой технологические процессы, происходящие в культурной среде. Информация практически становится системой знаков, принимая формы слоганов, шаблонов, стереотипов в рекламе и рекламных текстах. Современная информационная среда в большей степени существует в технических системах и устройствах: компьютерных программах, глобальной сети Интернет, системах сотовой связи, микропроцессорной техники, спутниковых системах навигации и телевидения. Большинство членов общества именно через информационную среду и осуществляют процесс коммуникации. При помощи нарративных моделей, в основе своей повторяемых и имеющих вид ситуативных клише-формул, рассматривающих альтернативу неудачи и успеха, верифицируется вся система человеческих действий, утверждаются социальные и нравственные императивы, формируется система ценностей, сохраняется культурная традиция. В рекламе нарратив фиксирует такой способ

бытия текста, где основным условием его самоосуществления становится процессуальность, основной идеей – идея привнесения смысла и возвращение его субъекту, а источником смысла текста – не автор, но читатель.

Как бы то ни было – в жизнь людей вошло нечто, заставляющее их в массовом порядке изменить модели повседневного поведения, способы связи в трудовой деятельности, устройство быта и т.п. Это нечто – информация. Она производится в обществе, распространяется в обществе, ее массово потребляют. Следовательно, любая социальная информация, которой хотя бы на одной из стадий ее жизненного цикла оперировала (оперирует) масса, называется массовой информацией [2, с. 32]. А адресатом ее является массовая аудитория. В обществе формируется и особый тип культуры – медиакультура. Это особый тип культуры информационной эпохи, представляющий совокупность информационно-коммуникативных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных в процессе культурно-исторического развития. Для медиакультуры характерна хаотичность, избыточность, беспредельность. Именно эти черты и меняют одни модели массовой коммуникации на другие, позволяя им функционировать в общем пространстве современного общества.

Таким образом, в постмодернистском обществе любая концепция коммуникации может существовать, выполнять свою специфическую роль в осуществлении и характеристике коммуникационного процесса и быть востребована в зависимости от философской позиции индивида, использующего эти знания для реализации их на практике.

1. Бурдые, П. Социология социального пространства [Текст] / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2007.
2. Грушин, Б. А. Массовая информация в советском промышленном городе [Текст] / Б. А. Грушин. – М., 1980.
3. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего [Текст] / М. Маклюэн. – М.: Фонд «Мир», 2005.
4. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека [Текст] / М. Маклюэн. – КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
5. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.
6. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. – М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ: ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

УДК 316.346.32 – 053.6

В.В. ОРЛОВА

Молодежь острее других социально-демографических групп чувствует меняющиеся общественные настроения и больше расположена к политическим новациям. И она же находится в положении объекта и субъекта социализации, посредством которой любой начинающий жизнь человек, собственно, и становится социальной личностью.

Как подчеркивает Ч. Миллс, есть два главных средства, при помощи которых поддерживается социальное равновесие. Первое – это «социализация», посредством которой новорожденный индивид «делается» социальной личностью. Часть такого социального становления личностей состоит в приобретении ими мотивов для совершения действий, требуемых или ожидаемых другими. Второе средство – «социальный контроль», под которым понимаются все способы поддержания порядка среди людей [5, с. 153]. Объяснение в данном случае следующее: социализация предполагает, с одной стороны, следование гражданскому порядку, а с другой, возможность контроля за упорядоченным действием, поскольку есть преобладающие критерии, нормы, ценности, то есть все, что необходимо социальному равновесию в обществе. Причем отметим нюанс: если баланс настроений и поведения при посредничестве социализации достижим в масштабах как минимум крупного региона (субъекта федерации), то подобная логика тем более вероятна для муниципальной территории, местного сообщества с их близкими человеческими связями. Таким образом, социализация – не самоцель. Будучи процессом естественным, объективным для любого вступающего в жизнь человека, она вместе с тем дает гораздо больший результат при дополнительном управляющем воздействии какой-либо третьей стороны. Эта логика вписывается в концепцию Т. Парсонса [7, с. 474–476], считавшего возможным рассматривать дифференциацию социетального сообщества (интегративной социальной системы) и политической системы в более широком аналитическом контексте – как «политический фактор» в коллективном целедостижении безотносительно к тому, какой коллектив берется за точку отсчета.

В большинстве определений социализации личности авторы подспудно или прямо

указывают на присутствие агентов социализационного процесса. Разница лишь в соотношении организуемых внешних воздействий и автономно, спонтанно возникающих влияний, которые добавляются к осознанному или интуитивному выбору жизненных ценностей самим индивидом (ребенком, подростком, молодым человеком). Основные исходные посылы теории социализации остаются долгие годы неизменными: в целях обеспечения социального равновесия и надежности фундамента государственности общество формулирует совокупность нормативно-ценностных установок, являющихся общими для преемственного развития базовых социальных групп и выполняющих целенаправленную интеграционную функцию. А вот распространение и интериоризацию принятых норм и ценностей выполняют организации или институты, созданные специально или же инверсированные в этих целях [2, с. 19–21]. Роль индивида в ней сводится к усвоению (неусвоению) предлагаемой обществом системы координат. В силу своей сложности общественный организм может предлагать не одну систему координат, а несколько, и в каждой из них агенты социализации отвечают за имеющийся набор установок и средств воздействия. Эти различия отражены в концепциях социальных ролей и социального статуса [3, с. 247], согласно которым личность представляет собой «носителя социально предопределенных атрибутов и норм поведения», адекватных идеологии и установкам групп и объединений, имеющих отношение к этой личности. Вместе с тем, молодежь в современном обществе не может остаться на периферии происходящих преобразований, поскольку именно в молодежном возрасте потребность в самореализации выражается особо ярко. Это характерно и для молодежи регионов России.

Стратегии современного развития населения сибирских регионов обусловлены не только социально-экономическими и политическими преобразованиями в российском обществе на фоне мирового кризиса, но и региональной спецификой. Томская область, как и другие сибирские регионы, также переживает изменения в социальной, экономической сфере.

Основные изменения в экономической

сфере, которые произошли в регионах в конце XX – начале XXI в., серьезно повлияли на социальные характеристики развития региона в целом и на уровень жизни отдельных граждан и этносоциальных групп. Эти изменения характеризуются следующими особенностями: уменьшение промышленного производства, снижение темпов развития сельского хозяйства, развитие преимущественно добывающей промышленности и сырьевых отраслей экономики; углубление межрегиональных различий, укрупнение городов и ослабление сельских населенных пунктов; изменение структуры занятости – значительно увеличилось число лиц, работающих в сфере услуг, управлении, энергетике, банковском деле, на транспорте, уменьшилось в промышленности и сельском хозяйстве; увеличение социального неравенства доходов по отраслям, когда самые низкие имеют занятые в сельском хозяйстве, наиболее высокие в добывающей промышленности, энергетике, сфере управления и банковском деле.

Социально-экономический фактор, оказывающий влияние на социализацию молодых людей в регионах, определяет характер отношений, особенностей функционирования социальной инфраструктуры. Рыночная экономика не только создает благоприятные условия свободного действия каждого человека, но и предъявляет к нему жесткие требования – умение самостоятельно выбирать, быть готовым к непредсказуемым ситуациям.

Немаловажную роль в процессе социализации молодежи играет производственно-технологический фактор, который включает в себя структуру и технологический уровень развития предприятий региона, страны в целом. Дело в том, что большинство предприятий находятся в стадии реформирования. Поэтому у большинства молодежи вызывают опасение перспективы самореализации. Такие факторы, как безработица, стихийное формирование рынка труда, неотработанность механизмов защиты молодежи в условиях низкого уровня оплаты труда, оказывают негативное воздействие на социализацию, формирование жизненных планов молодежи.

Вместе с тем, Томский Научно-образовательный комплекс детерминирует образовательные стратегии молодежи. Известно, что образование – это один из факторов социальной стратификации, основной канал восходящей вертикальной социальной мобильности и важный индикатор устойчивого развития общества [8, с. 61].

Происходящие в последние два десятилетия в стране процессы изменили многое не только в экономике и политике, но и в обыденной жизни каждого человека, в отношениях между людьми в понимании того, что сегодня есть жизненный успех, какие цели надо перед собой ставить и какими средствами для достижения этих целей можно пользоваться. По результатам аналитического доклада «Молодежь новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится?» [1, с. 83–162] у многих россиян складывается мнение о полной и безвозвратной утере нашим обществом и его гражданами нравственных норм, о том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядет духовное перерождение, а точнее – возрождение России. При этом наиболее уязвимой к негативному моральному транзиту признается молодежь. По мнению большинства опрошенных, для современной молодежи в целом характерен «моральный релятивизм» и даже цинизм, равнодушные к каким бы то ни было идеалам. Эту точку зрения разделяют 64% молодых респондентов и 70% – представителей старшего поколения. И только треть россиян придерживаются оптимистичного взгляда на ситуацию, полагая, что молодежь тянется к высоким идеалам.

Изменение социокультурной ситуации с попыткой создания рыночной экономики в России, демократических перемен обусловили появление и возрастание значимости некоторых ценностей, отсутствующих или находившихся на периферии традиционной системы ценностей. Ценности являются своеобразными трансситуативными критериями или целями, предопределенными важностью руководящих принципов в жизни общества. Ценности эффективно детерминируют поведение людей, если только они внедряются не силой принуждения, а опираются на авторитет общества. Новые ценности интегрируются в общество, если они утверждаются не только в эмпирическом мире, но и воплощаются в поведенческой форме индивидов. Новые политические и духовные ценности становятся достоянием общества, если они входят в связь с микросоциальными практиками индивидов, с их повседневной жизнью, с доминирующим в обществе менталитетом.

Таким образом, «ценность» возникает в результате соотнесения внешней человеку реальности с его потребностями и выражает личностное и групповое (шире – общественное) отношение к этой реальности, ее оценку. Поэтому ценность всегда не какая-то

вещь, а ценностное отношение. Устойчивый характер этого отношения порождает такое качество субъекта и группы (социального слоя – молодежи), как «ценностная ориентация», которая лежит в основе формирования целей и мотивации деятельности. Ценностные ориентации включают в себя как осознаваемые, так и неосознаваемые компоненты.

Применительно к молодежной группе изучение ее ценностных ориентаций дает возможность выявить реальную степень включенности молодых людей в общественные отношения, определить их адаптационные способности, охарактеризовать потенциал молодежи, от которого во многом зависит будущее состояние общества. Основными ценностными приоритетами для большинства провинциальной молодежи безусловными остаются ценности семьи и работы в той или иной вариации: когда работа желаемая и интересна или когда она дает возможность достичь материального благополучия (в 2007–2008 гг. автором был проведен социологический анкетный опрос среди молодежи по теме: «Традиции и ценности молодежи», $n=458$ ед., возраст 17–29 лет). Тот или иной тип устремлений молодежи, с одной стороны, формируется в определенных условиях среды, а с другой стороны, влияет на поведенческие практики молодежи, прежде всего такие, как получение образования, выбор профессии и т.д.

На вопрос исследования «Нравится ли вам ваше поколение?» 2/3 молодежи дали положительный ответ, они позитивно относятся к современному поколению, и это естественно, поскольку социальная идентификация и признание за людьми принадлежности к конкретной группе со стороны внешнего окружения имеет значение для социализации современной молодежи. Современный социокультурный контекст идентификационных процессов имеет ряд особенностей, в их ряду: реорганизация политических и экономических структур, усложнение социально-стратификационной системы, расширение рамок социального взаимодействия, нарастание информационных потоков, культурное многообразие.

Наиболее существенными индикаторами из исследования ценностных ориентаций студенчества, сформулированные в виде шкалы ответов на вопрос «Что для вас означает хорошо жить?», ответы распределились следующим образом. Достижение материальной обеспеченности – наиболее распространенная в молодежной среде ценностная ориентация. Тем не менее, она

не исчерпывает представления о «хорошей жизни», в отношении которой высока значимость ценностей хорошей семьи (73% по всей выборке), хорошей работы (71%), здоровья (71%), любви (65%). Эти компоненты по сути и формируют сегодняшнее понимание счастья у молодежи, рисуют картину ожидаемого качества жизни в будущем. Современная провинциальная молодежь планирует многого добиться в жизни, при этом она рассчитывает на свои силы, т.к. в основном полагает, что материальное положение человека зависит прежде всего от него самого: в этом убеждены 67% молодых людей в возрасте от 17 до 26 лет. Молодежь в основном (63%) считает, что человек должен сам добиваться своих успехов в жизни.

Молодежь до 18 лет представляет в основном учащихся средних школ, профессиональных училищ, начальных курсов вузов. В основном они не вовлечены в трудовую деятельность. Однако значительное снижение жизненного уровня большей части населения изменило жизненную позицию этой категории молодежи. Молодежь в возрасте 18–24 года – это студенты и молодые люди, завершающие или завершившие в основном профессиональную подготовку. Они являются самой уязвимой группой, вступающей на рынок труда, так как не имеют достаточного профессионального и социального опыта и в силу этого менее конкурентоспособны. В 25–29 лет молодые люди в основном уже делают профессиональный выбор, имеют определенную квалификацию, некоторый жизненный и профессиональный опыт. Они знают, чего хотят, чаще всего уже имеют собственную семью и предъявляют достаточно высокие требования к предлагаемой работе.

Ответы молодежи 27–29 лет на вопрос «Если вам удалось приспособиться к нынешним условиям жизни в обществе, то что главным образом способствовало этому?» преимущественно получены следующего содержания: 35% собственная целеустремленность, 27% предприимчивость, 31% активность, 23% требовательность к себе, 18% коммуникабельность, 21% уверенность в себе, 15% оптимизм, 12% вера в будущее.

Важнейшими показателями ситуации на рынке труда являются динамика уровня безработицы, емкость и конъюнктура рынка труда, соотношение спроса и предложения, его структура. Однако такая статистика не отражает в полной мере ситуацию на рынке труда, и особенно в его молодежном сегменте. Более 50% молодежи, занятой на пред-

приятных государственного сектора, работает по совместительству, около 25% – подрабатывает в различных альтернативных формах занятости. Снижение общего уровня жизни населения привело к сверхзанятости среди учащейся молодежи, вынужденной работать в свободное от учебы время.

Сегодняшний рынок труда предъявляет новые требования и к системе образования: необходимо не только дать знания, но и подготовить выпускников к жизни в новых экономических условиях, привить навыки социально-профессиональной адаптации на рынке труда, навыки самосовершенствования, т.е. подготовить специалистов, способных выдержать конкуренцию.

Существуют стереотипы о статусе и стоимости труда рабочих и специалистов и причинами их явились:

- недостаточная информированность молодежи о профессиях и специальностях, пользующихся спросом на рынке труда;

- наличие значительной дифференциации в уровне оплаты труда между сферой услуг и производственной сферой, бюджетным и внебюджетным сектором;

- низкое качество рабочих мест в отдельных отраслях (сельском хозяйстве, легкой промышленности, образовании, культуре, здравоохранении и т.д.). Данное обстоятельство способствует углублению диспропорций на рынке труда и приводит, во-первых, к оттоку квалифицированных кадров в другие сектора экономики; во-вторых, к снижению спроса на профессиональное образование по низкооплачиваемым специальностям.

Следует отметить, что Томская область – регион с поликонфессиональной и многонациональной культурой. На её территории проживают 80 национальностей и народностей, в том числе представители 22 народностей Севера, осуществляют свою деятельность 16 конфессий. Самыми многочисленными являются русские – 88,2%, украинцы – 2,6%, татары – 2,1%. В структуре населения по национальности молодежная группа представлена большей численностью русской молодежи. Среди них основная часть составляет городское население – 209303 человека, в сельской местности – 70512 человек.

Томская область среди российских регионов занимает четвертое место по удельному весу лиц, имеющих ученую степень доктора наук в общей численности преподавателей вузов. Третье место (после Москвы и Санкт-Петербурга) – по числу студентов на 10 тысяч человек населения, третье место по охвату молодежи в возраст-

те 17–26 лет программами высшего профессионального образования.

Согласно теории социальной идентичности человек стремится к позитивной социальной идентичности так же, как и позитивному самоуважению. Потребность в самоуважении люди реализуют через отождествление себя с группой, которая оценивается ими позитивно. Если группа, с которой человек себя отождествляет, в силу каких-то обстоятельств теряет в его глазах свой положительный статус, он будет стремиться либо выйти из нее физически или психологически, либо же прилагать усилия к восстановлению ее позитивного значения. Сильнейший и, может быть, универсальный мотив – это мотив думать хорошо о самом себе, иметь позитивную оценку идентичности или иметь позитивное самоуважение [10]. Этот мотив приводит в движение социальное поведение и влияет на тенденцию оценивать собственное членство в группе и соответствующие социальные категории. В то же время нельзя не отметить рост социального «Я» у молодежи. Культура отношений, сложившаяся в России, благоприятна для поддержания ощущения своей принадлежности к той или иной социальной группе в соответствии с работами Э. Эриксона о позитивной и негативной сторонах идентичности, в которых данный показатель соответствует больше позитивному направлению формирования идентичности [9]. Низкий показатель глобального «Я» свидетельствует о слабом отнесении молодежи себя к общности европейской и мировой (особенно это характерно для выходцев из сельской местности).

Надо сказать, что на территории Томской области действует большое количество общественных объединений, национальных культурных центров, способствующих толерантности в регионе, возможности и поддержке этнической идентификации молодежи.

К примеру, самая многочисленная Томская региональная общественная организация «Российско-немецкое молодежное объединение «Югендблик» («Молодежный взгляд») входит в состав МОО «Немецкое молодежное объединение» (Jugendring der Russlanddeutschen). Объединение активно участвует в строительстве российской государственности, демократических преобразованиях и развитии гражданского общества. В его составе 58 молодежных организаций и клубов в 38 регионах России. Постоянно сотрудничает с молодежными организациями стран СНГ и Европы.

Одна из целей – развитие межнациональных взаимодействий среди молодежи:

организация дискотек, проведение конкурсов, выставок, проведение летних кемпингов. Это одна из возможностей (учитывая дисперсное проживание российских немцев) сохранить немецкий народ как этнос с их историей, культурой, традициями и языком на территории Томской области, построение дружбы между странами: Россией и Германией.

Ценностное культурное пространство российской молодежи региона характеризуется следующими особенностями: в ряду жизненно важных ценностей наиболее популярными являются материальное благополучие, интересная работа, здоровье, любовь; среди повседневных ценностей молодых россиян преобладают ярко выраженные тенденции прагматизма и индивидуализма, что обусловлено переходом российского общества к рыночным отношениям; все, что выходит за рамки повседневности, будь то проблемы общественного устройства, внешней политики или экологии, находится на периферии молодежного внимания; образование как ценность воспринимается через призму социальной востребованности специалистов с высшим образованием, что свидетельствует об утилитарном отношении к нему; в российской ментальности по-прежнему серьезное значение имеют семейные ценности; высокий ранг в системе важнейших свойств личности и как общественная ценность получает такое качество, как ответственность; в ценностной иерархии современной российской молодежи позитивные ценностные ориентации преобладают над негативными.

В условиях трансформации российского общества появляются новые экономические приоритеты, что актуализирует индивидуализированную направленность молодежи на личные интересы и субъектную ориента-

цию личности на ценности, удовлетворение которых связано с другими людьми.

Потенциал регионального социума характеризуется непростыми климатическими, социально-экономическими условиями Томской области (отдаленность от центра, большая часть года низкие температуры, высокая плотность населения в городах по сравнению с сельскими районами, ведущие отрасли – машиностроение и металлообработка, лесная и нефтяная), что детерминирует специфику провинциальной молодежи и проявление региональных особенностей социализации. Наряду с нравственными качествами в число ведущих способов достижения жизненных целей включен комплекс волевых (твердая воля и самоконтроль) и деловых (предприимчивость, независимость) качеств. Эти способы достижения целей характеризуют общую направленность личности – способность выстоять, отстаивать свое достоинство, не отступая перед трудностями, действовать самостоятельно и решительно в сложных социальных и экономических ситуациях. Такие нравственные компоненты, как «следование морали» и «терпимость», отражают нравственный стандарт личности и общества, в совокупности они показывают степень свободы, предоставляемой обществом индивиду в этих вопросах. Изменение социальных условий, смена общественных ценностных ориентиров ведут к тому, что механизм воспроизводства ценностных ориентаций перестает быть ведущим, уступая место адапционным механизмам. Динамику этого процесса можно проследить через анализ индивидуальной ценностной системы личности: сохранение прежней ценностной системы субъекта, несмотря на происходящие общественные перемены.

1. Аналитический доклад «Молодежь новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? Москва – 2007 [Текст]. – С. 83–162. [Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Ф. Эберта РФ].

2. Бурдые, П. Структуры, habitus'a практики [Текст] / Бурдые, Гидденс, Хабермас // Современная социологическая теория. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1995. – С. 19–21.

3. Дарендорф, Р. Социология [Текст] / под ред. Ю.Г. Волкова. – М.: Гардарики, 2005. – С. 247.

4. Дюркгейм, Э. Социология образования [Текст]: пер. с фр. – М., 1996.

5. Миллс, Ч. Высокая теория [Текст] / Ч. Миллс // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М., 1994. – С. 153.

6. Мудрик, А.В. Социализация [Текст] / А.В. Мудрик // Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х тт. – М.: Большая российская энциклопедия, 1999. – Т. 2. – С. 359.

7. Парсонс, Т. Функциональная теория изменения [Текст] / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 474–476.

8. Тихонова, Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике [Текст] / Н.Е. Тихонова. – М. 1999. – С. 61.

9. Эрикссон, Э. Детство и общество [Текст]: Пер. с англ. – СПб., 1996, Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис [Текст]: Пер. с англ. – М., 1996.

10. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior [Text] / H. Tajfel and J. Turner // Psychology of intergroup relations. – Chicago, 1986. P. 7–24.

РУССКИЙ ФАШИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 316.482.5

А.С. ВАТОРОПИН

В последние годы общественное мнение в России все чаще обращается к проблеме распространения националистических и расистских идей среди представителей некоторых социальных слоев, особенно молодежи. В прессе эти настроения и идеи часто называются фашистскими. В то же время в отечественной социологической и политологической литературе понятие фашизм трактуется по-разному. Обычно его определяют как радикальный, крайний национализм и расизм, однако подобные характеристики, на наш взгляд, довольно расплывчаты и оставляют возможность для неадекватных толкований.

Пожалуй, одно из наиболее приемлемых определений фашизма разработано представителями Российской академии наук: «Фашизм – это идеология и практика, утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленные на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов; отрицание демократии, установление культа вождя; применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства решения международных проблем» [7]. В этом определении достаточно полно указаны основные признаки фашизма, но все же, как нам кажется, оно требует некоторого существенного дополнения, позволяющего окончательно выявить специфику фашизма, отграничить его от других националистических направлений.

Мы предлагаем следующую дефиницию, которая дает возможность решить поставленную задачу: *фашизм – это идеология и практика абсолютного национализма/расизма, признающего право на существование и достойную жизнь только для одной нации/расы (или, в крайнем случае, родственников), понимаемых в контексте биологического подхода, и отрицающего такое право за другими нациями/расами, которым уготовано истребление или роль рабов.* Другими словами, фашизм – это абсолютный национализм/расизм, подразумевающий в конечном итоге по существу уничтожение других наций/рас.

И еще один момент, на который стоит обратить внимание. Некоторые авторы (например в электронной еврейской энциклопедии) склонны разводить понятия «фашизм» и «национал-социализм» («нацизм»). На наш взгляд, этого делать не следует: германский национал-социализм является высшей ступенью развития фашистской идеологии и практики; именно его можно назвать «аутентичным фашизмом».

Теперь, определившись с понятием, перейдем к *русскому* фашизму. Первые русские фашистские организации возникли в 20–30-е гг. XX века: это Национальная организация русских фашистов (создана в 1924 г., Сербия, руководители – проф. Д.Рузский и генерал П.Черский); Всероссийская фашистская организация (создана в 1933 г., США, лидер – Анастас Вонсяцкий); Всероссийская фашистская партия (создана в 1925 г., Маньчжурия, лидер – Константин Родзаевский; с 1937 по 1943 гг. – Российский фашистский союз) [12]. Эти организации в основном опирались на идеи итальянских и германских фашистов и в сороковых годах прекратили свое существование.

Возрождение русского фашизма происходит в России в конце 80-х – начале 90-х гг. Современный русский фашизм – довольно сложное явление, которое требует определенной теоретической рефлексии. Прежде всего отметим следующее. Данное нами определение фашизма позволяет сразу исключить из объекта исследования националистические организации и движения (как умеренного, так и довольно радикального толка), которые не настаивают на уничтожении или порабощении других наций, народов, рас (например, бывшая партия «Родина», Союз русского народа А.Турика и др.).

Далее возникает вопрос: есть ли в современной России «аутентичные» русские фашисты? Анализ показывает, что ответить однозначно на него не так просто. С одной стороны, в нашей стране существуют движения, организации, которые вроде бы вписываются в предложенное определение фашизма. Как правило, они либо генетически связаны с западными (европейскими и американскими) аналогичными структу-

рами, либо заимствовали их фашистскую идеологию, их понимание нации как биологической, основанной на генетических связях общности. С другой стороны, эти движения и организации объективно сталкиваются с пока непреодолимыми для них проблемами: как в такой многонациональной стране определить «истинно русского по крови» и что делать с так называемыми коренными «небелыми» российскими нациями (татарами, башкирами, мордвой и т.д.)?

Судя по всему, ответы на эти вопросы отсутствуют, а данные проблемы по сути игнорируются. Это дает нам право говорить, что «аутентичных» фашистов в России практически нет (вообще неясно, возможно ли их появление в такой стране). В то же время нам кажется, что для обозначения указанных движений и организаций может быть применено такое понятие, как *протофашизм* (кстати, этот термин уже достаточно распространен в политологической литературе). По сути это уже фашизм, однако он еще не достиг «чистоты» «аутентичного» фашизма.

Что же из себя представляют протофашисты в России? Довольно отчетливо выделяются два направления, которые условно можно назвать *политическим* и *социально-бытовым*. Первое представлено небольшими «партиями» (полулегальными и нелегальными), например Русским национальным единством, точнее, его «осколками», или Народной Национальной партией (лидер – Александр Иванов-Сухаревский). Очевидно, что сегодня эти организации не являются серьезной политической силой в России, – пока не являются.

Гораздо больший интерес представляет второе направление протофашизма – социально-бытовое.

Наиболее заметным в рамках этого направления является движение праворадикальных скинхедов («скин-движение»). Анализ его генезиса позволяет однозначно утверждать, что это движение заимствовано на Западе. В настоящее время, по разным данным, в России несколько десятков тысяч (примерно 50000) скинхедов, в том числе более 5000 в Москве. По приблизительным оценкам, в Екатеринбурге их также насчитывается около 1000 [14]. Констатируется заметный количественный рост движения в последние годы. Впрочем, проверить эти данные довольно сложно.

Российские скинхеды имеют свои организации, наиболее известные из них – московские «Объединенная бригада 88»

(«88» – это принятая в неонацистских кругах зашифрованная аббревиатура от «Neil Hitler», по порядковому номеру буквы «Н» в латинском алфавите), «Русское отделение Blood & Honor», «Легион Русская атака».

Известна структура движения и его социальный состав. Массовая база – т.н. «пионеры» (иногда их подразделяют на «малолеток» 12–14 лет и «молодняк» 14–16 лет). Это в основном старшеклассники, учащиеся средних и начальных профессиональных учебных заведений, реже – студенты вузов. Они, как правило, плохо разбираются в тонкостях идеологии, но объявляют себя «арийцами» и «расистами».

Более подготовлены в *идеологическом* отношении т.н. «старшаки» (средний возраст до 30 лет). Они знают также музыку скинхедов (это важный элемент субкультуры движения). Одна из главных их функций – пропаганда фашистской идеологии в Интернете и издание журналов таких, как «Под ноль» и «Уличный боец» (г. Москва), «Русский кулак» (г. Санкт-Петербург). «Пионеров» в Москве тысячи, тогда как «старшаков» не более 200. По сути это интеллектуальная элита «бритоголовых» [13]. Стоит заметить, что в последние годы идет пополнение скинхедовского движения за счет молодых родственников солдат, погибших в Чечне.

Таковы общие характеристики двух основных направлений протофашистского движения. Надо сказать, что это движение продолжает развиваться, в нем появляются новые направления. Одним из них является *православный фашизм*. Вообще сам по себе этот термин выглядит внутренне противоречивым, так как даже чисто логически довольно трудно соединить православную *духовность* и *биологический* нацизм. Однако такие попытки осуществлялись с момента зарождения русского фашизма. Так, один из членов уже упоминавшейся Всероссийской фашистской партии Н.Иванов писал: «...Российское фашистское движение построено на началах религиозных, национальных и трудовых. Неслучайно одним из лозунгов русских фашистов является: «Бог. Нация. Труд»... Русские фашисты считают, что Россия испокон веков была оплотом православия, и православие являлось одним из объединительных факторов для создания Русского государства из разрозненных до тех времен славянских племен, что именно православие осветило их путь светом истины и указало дорогу к дальнейшему нравственному совершенствованию, поэтому необходимо почитать

культ святого равноапостольного князя Владимира, как утвердившего православие на Руси...» [12]. Впрочем, анализ программы этой организации показывает, что религиозные вопросы не были главными для нее [9].

Большинство современных русских фашистских организаций также достаточно далеки от православной религии. В частности, это относится к скинхедам. Например, в «Азбуке славянских бритоголовых», пропагандируемой в Интернете, очень много расистских и националистических идей, но ни слова не говорится о религии [1].

Однако есть и примеры другого рода. В последнее время особую позицию занял некогда наиболее известный лидер русского фашизма А. Баркашов, ныне возглавляющий одну из фракций расколовшегося Русского национального единства. Начать с того, что на его сайте фото бойцов РНЕ обрамляется высказываниями отцов Церкви (Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Феофана Полтавского и др.) и лозунгом «Вера превыше всего!» (о какой вере идет речь, каждый, видимо, решает сам) [2].

Стоит заметить, что А. Баркашов активно вмешивается во внутренние дела Русской православной церкви. Он поддержал выступление епископа Диомида против руководства РПЦ в 2007 г., по существу заняв солидарную позицию с лидерами радикально-фундаменталистского крыла церкви. Очень характерны (с точки зрения фашистской идеологии) обличения патриарха Алексия II со стороны баркашовцев: «...13 ноября 1993 года Алексий № 2 был с визитом в городе Нью-Йорк (США). Там он выступал с речью перед иудейскими раввинами. Правило 11 Шестого Вселенского Собора запрещает православным христианам всяческое общение с иудеями...» [5]. Далее даются жесткие оценки Патриарха за то, что он назвал раввинов «братьями». Не менее жестко критикуется и будущий патриарх Кирилл, в то время лидер умеренного крыла в РПЦ [5].

По некоторым данным, А. Баркашов стал православным монахом, правда, не в РПЦ, а в Истинной православной церкви. У него в доме свастика соседствует с православными символами и иконами. Сам себя он называет «православным националистом» или «православным национал-социалистом» [15]. Видимо, не будет преувеличением сказать, что Движение «Александр Баркашов» эволюционирует в направлении именно «православного фашизма».

Можно обнаружить некоторую апелляцию к православию и в статьях лидера ННП А. Иванова-Сухаревского. При этом он также критически настроен к РПЦ [6].

В целом, однако, положение православных фашистов в русском фашизме сегодня можно оценить как маргинальное. Пока это движение находится в зачаточном состоянии и серьезного влияния даже среди фашистов в России не имеет. Но потенциал его развития, на наш взгляд, существует. Не исключено, что те же скинхеды рано или поздно осознают необходимость апеллировать не к Гитлеру и его приспешникам, а к русской истории. И здесь нам видится определенная опасность альянса русских фашистов и неадекватных представителей радикально-фундаменталистского направления в Русской православной церкви.

Теперь коротко остановимся на *практике* русского фашизма. Прежде всего речь идет о скинхедах. Отметим, что здесь за последнее время произошли существенные изменения. Еще не так давно практика скинхедов была довольно примитивной и сводилась в основном к применению грубой физической силы: это нападения на представителей «небелых» рас (кавказцев, среднеазиатов, корейцев, индийцев и др.) и участие в драках футбольных фанатов на стадионах при проведении футбольных матчей. При этом нападения на «иностранцев» ничем не были спровоцированы, кроме идеологических соображений, суть которых сводится к яростной ксенофобии.

Эти нападения продолжают и сейчас. Так, за первое полугодие 2010 г. было зафиксировано 79 нападений, итогом которых стали 22 погибших и 105 пострадавших. Наиболее неблагополучные регионы – Москва и Московская область (11 убитых, 37 раненых), Петербург и Ленинградская область (17 пострадавших), Нижегородская область (2 погибших, 3 пострадавших), Алтайский край (1 погибший, 3 пострадавших) и т.д. Соответствующие преступления совершаются в большинстве регионов России [3].

В последнее время практика русских фашистов приобрела еще более опасный характер: они начали использовать террор. В феврале 2010 года фашистская организация «NS-WP Невоград» организовала взрыв на Октябрьской железной дороге, 18 апреля скинхеды попытались взорвать временное общежитие дворников-гастарбайтеров на северо-западе Москвы. Но, пожалуй, самым знаковым преступлением фашистов является т.н. «партизанская вой-

на» на Дальнем Востоке [16]. Хронология этой «войны» такова:

27 мая: убит сотрудник патрульно-постовой службы в Дальнереченском районе Приморья;

29 мая: в Яковлевском районе обстрелян милицейский автомобиль, ранен милиционер;

8 июня: ранены 2 милиционера в Спасском районе;

11 июня: банда, в которую входили скинхеды, после многочасового боя была обезврежена в Уссурийске, причем 2 милиционера получили ранения.

Эта «партизанская война», удар по государственным органам, по сути является одним из первых проявлений радикальной политической борьбы скинхедов. Это качественный скачок в их методах действий (хулиганские действия превратились в военно-политические).

Итак, мы можем констатировать, что протофашистское движение в России развивается и в количественном, и в качественном отношении. Какова же реакция на это общества?

Чтобы выявить эту реакцию, нужно провести анализ соответствующих социологических исследований. А вот здесь существуют определенные проблемы. Дело в том, что таких исследований явно недостаточно. Так, среди исследований за 2009-10 гг., которые проводили такие службы, как Левада-центр, ВЦИОМ, ФОМ, Индем, а также журналы «Социс», «Социологический журнал», «Полис», нет ни одного полноценного исследования фашизма в России. Есть только несколько исследований, посвященных национализму и ксенофобии в этот период.

Имеющиеся исследования русского фашизма заметно устарели: Левада-центр проводил такое исследование в 2004 г., ВЦИОМ – в 2006 г. Кроме того, стоит упомянуть работу Л. Дадияни «Фашизм в России: мифы и реалии» (опубликованную в журнале «Социс» за 2002 г., № 3). За неимением более свежих данных нам придется апеллировать и к этим исследованиям. Так, Дадияни, например, утверждает, что по некоторым оценкам за фашистов готовы проголосовать до 5 % населения [4]. По данным Левада-центра, таковых 4 % [8]. Как видим, цифры практически совпадают, правда, они в пределах статистической погрешности.

Более значимые результаты получены в результате *современных* исследований распространения *национализма* в России. Так, по данным ВЦИОМа (август 2009 г.),

35 % опрошенных респондентов заявили, что испытывают неприязнь к представителям других наций (самое отрицательное отношение к кавказцам – 29 %, к выходцам из Средней Азии – 6 %, к китайцам – 3 % и т.д.) [11].

Но еще более интересны результаты другого опроса, в котором выявлялось отношение к лозунгу «Россия для русских!». По данным Левада-центра (ноябрь 2009 г.), этот лозунг в той или иной мере поддерживают 54 % россиян [10]. То есть более половины наших сограждан имеют националистические настроения, и потенциально это социальная база для распространения фашистской идеологии. Впрочем, конечно, при этом надо иметь в виду, что не каждый националист готов стать фашистом.

Тем не менее, проблема налицо: нельзя забывать о том, что лозунг «Россия для русских!» провозглашают именно фашистские организации и на него в российском обществе реагируют положительно.

Как же проинтерпретировать полученные результаты? На наш взгляд, ответ может быть следующим. Лозунг «Россия для русских!» является пограничным, т.е. некоей границей, отделяющей русских *протофашистов* от других, более умеренных *националистов*. И те, и другие поддерживают этот лозунг, но понимают его по-разному. Для фашистов он означает изгнание из России и даже истребление неугодных наций, для умеренных националистов – особое внимание к русскому народу. Кстати, упомянутое исследование подтверждает такой подход: 2/3 из тех, кто поддержал данный лозунг, сделали соответствующую оговорку (этот лозунг «было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах») [10].

В итоге мы можем отметить, что сегодня в нашей стране есть, пусть небольшая, электоральная поддержка протофашистов и достаточно неопределенная, неясная в своих границах, но потенциально большая социальная база их движения.

Что же необходимо сделать, чтобы не допустить реализации мрачных сценариев развития фашизма в России, и какова может быть в этом роль социологии?

Прежде всего, мы исходим из того, что националистические и ксенофобские настроения в российском обществе, которые являются питательной средой для распространения русского фашизма, устранить практически невозможно, так как, во-первых, иммигрантов из ближнего и дальнего зарубежья в ближайшие годы в нашей стране не убавится, скорее наобо-

рот, следовательно, проблемы в межнациональных отношениях объективно будут нарастать; во-вторых, нынешний режим, который, по-видимому, сохранится и после 2012 года, опирается на идеологию патриотизма, оборотной стороной которого является все тот же национализм, и последний, безусловно, будет воспроизводиться в массах независимо от желания высшей политической элиты.

В этих условиях, с учетом не очень развитой структуры гражданского общества в России и заметного контроля со стороны власти над электронными СМИ, главным борцом с фашизмом может быть только сама эта власть (можно использовать термин «просвещенная власть»).

Две основные задачи, которые перед ней стоят:

Первая. Не допустить, чтобы значительная часть националистически настроенных граждан перешла границу между умеренным национализмом и фашизмом. Сделать это будет не так просто, так как эта граница в значительной степени размыта и завуалирована. Мы уже говорили, что русский фашизм – это протофашизм, а не его классический нацистский вариант, и,

кроме того, сами фашисты часто отказываются от признания себя таковыми (что понятно в стране, победившей фашизм такой страшной ценой). Отсюда сложности с идентификацией. Вероятно, эту проблему надо решать на нормативно-правовом уровне самой власти, четко определяя и запрещая соответствующую организацию. И, безусловно, нужна мощная ПР- и пропагандистская работа с населением.

Вторая. Необходимо всячески препятствовать интеграции политического и социально-бытового направлений русского фашизма. Здесь нужна практическая организационная деятельность соответствующих органов, направленная на разоблачение существующих фашистских группировок.

И в заключение отметим, что свой вклад в эту борьбу может внести и социология. Например, проводя регулярный мониторинг общественного мнения и доводя его результаты до властьпредержащих (было бы неплохо, если бы власть сама инициировала такое сотрудничество). В любом случае, социологи, как нам кажется, должны проявлять больший интерес к рассматриваемой проблеме, не ограничиваясь исследованиями раз в несколько лет.

1. Азбука славянских бритоголовых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anticom-promat.org/skinny/salazar_azbuka.html (дата обращения: 12.11.2010 г.).
2. Александр Баркашов. PHE [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://barkashov.com/#> (дата обращения: 12.11.2010 г.).
3. В России в первом полугодии 2010 года от рук скинхедов чаще всего погибли кыргызстанцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://24kg.org/cis/80615-v-rossii-v-pervom-polugodii-2010-goda-ot-ruk.html> (дата обращения: 12.11.2010 г.).
4. Дадиани, Л. Фашизм в России: мифы и реалии [Текст] / Л. Дадиани // Социологические исследования. – 2002. – № 3. – С. 14.
5. Движение «Александр Баркашов» в поддержку обращения Епископа Анадырского и Чукотского ко всем архипастырям, пастырям, клирикам, монашествующим и всем верным чадам Святой православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rne-center.org/propaganda/p_2007-03-08.html (дата обращения: 12.11.2010 г.).
6. Иванов (Сухаревский) А.К. Русская национальная идея. Тезисы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nprp.ru/stat/iv/rni.htm> (дата обращения: 12.11.2010 г.).
7. Направления общего реформирования действующего права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.panorama.ru/works/patr/govpol/book2/napravl.html> (дата обращения: 12.11.2010 г.).
8. Националистические настроения россиян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2004101401.html> (дата обращения: 12.11.2010 г.).
9. Родзаевский, К. Программа Всероссийской фашистской партии [Электронный ресурс] / К. Родзаевский. – Режим доступа: http://www.anticompromat.org/naziki/progr_vfp.html (дата обращения: 12.11.2010 г.).
10. Россия для русских или для всех россиян? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2009120702.html> (дата обращения: 12.11.2010 г.).
11. Россияне о приезжих “нерусских национальностей” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2009120704.html> (дата обращения: 12.11.2010 г.).
12. Русский фашизм. Из истории возникновения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus-sidea.rchgi.spb.ru/libruss/index.php?ELEMENT_ID=1564 (дата обращения: 12.11.2010 г.).
13. Скинхеды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://suncharion.narod.ru/Text2/skinheads/Part09.html> (дата обращения: 12.11.2010 г.).
14. Тарасов, А. Наци-скины в современной России. Доклад для Московского бюро по правам человека [Электронный ресурс] / А. Тарасов. – Режим доступа: http://scepis.ru/library/id_605.html (дата обращения: 12.11.2010 г.).
15. «Ультраправославные» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rne-center.org/massmedia/m_2006-04-27_1.html (дата обращения: 12.11.2010 г.).
16. Уничтожение банды в Приморье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/06/15/dela.html> (дата обращения: 12.11.2010 г.).

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ В РОССИИ

(на материалах Челябинской области)

УДК 316.356.2

А.С. СМЕРНОВА

На протяжении двух последних десятилетий происходят трансформационные процессы во всех сферах общества, его структурах и институтах.

В частности возникла дисфункция социальных институтов, связанных с производством и социализацией потомства: как самой семьи, так и институтов, ее поддерживающих и стабилизирующих. Происходит нарушение семейной структуры и ее функций. Снижение доходов абсолютного большинства семей, рост числа разводов, катастрофическое сокращение числа детей, отказы от новорожденных, психологические и эмоциональные стрессы, увеличение числа семей социального риска и социально опасных – причины роста социальных рисков для детей вплоть до полного разрыва с семьей. Главным последствием неустойчивого положения детей в семье стало стабильное увеличение числа детей, оставшихся без попечения родителей. В настоящее время на территории Челябинской области проживает 16,3 тыс. сирот, 95% из которых – социальные [5, с. 4].

Воспитание детей-сирот сталкивается с проблемой формирования эффективно замещающего биологическую семью института, если и не равноценного (в смысле выполнения по отношению к ребенку важнейших социализирующих функций), то хотя бы приближающегося к ней. Поэтому исследование закономерностей и особенностей формирования института приемной семьи как наиболее перспективной формы жизнеустройства детей-сирот является актуальной научной проблемой.

На практике используются несколько вариантов жизнеустройства, которые можно свести к двум основным видам – несемейное (интернатское воспитательное или образовательное учреждение) и семейное (передача на воспитание в семью).

Для реализации первого варианта в области имеются 87 сиротских детских учреждений, в том числе 9 домов ребенка, 55 детских домов и школ-интернатов, 23 специализированных учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в реабилитации. В них воспитываются 3,6 тыс. детей [5, с. 15].

Второй вариант реализуется в разных организационных формах – усыновление (удочерение), опека (попечительство), приемная семья, патронатная семья, семейная воспитательная группа в интернатском учреждении, возвращение социальных сирот (при соблюдении определенных условий) родителям. В замещающих семьях в области воспитывается 10,4 тыс. детей и 1,1 тыс. остается неустроенными.

Современная российская государственная политика направлена на замещение несемейного жизнеустройства детей семейным [4, ст. 152; 3, с. 9–10]. Особенно активно этот курс реализуется в последнее пятилетие. Динамика процесса развития семейных форм жизнеустройства в Челябинской области отражена в таблице.

Таблица.

Динамика семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Челябинской области [5, с. 23].

Формы устройства	Годы					Всего
	2005	2006	2007	2008	2009	
Опека и попечительство	1070	1894	2329	1847	1771	8911
Усыновление российскими гражданами	169	198	231	228	221	1047
Усыновление иностранными гражданами	196	156	114	90	120	676
Приемная семья	9	30	224	328	228	819
Семейная воспитательная группа	–	34	54	65	0	153
Возвращение родителям	336	431	554	630	689	2640
Итого устроено в семьи	1780	2743	3506	3188	3029	14246

За последние пять лет число детей, устроенных или возвращенных в семьи, увеличилось на 70,2 % (с 1780 человек в 2005 г. до 3029 в 2009 г.). Однако разные формы семейного устройства демонстрируют разную динамику. В абсолютных цифрах, как и в целом по России, преобладала передача под опеку и попечительство. С 2005 по 2009 годы число взятых в семьи опекунов выросло на 65,5%. Пик же пришелся на 2007 г., когда было взято под опеку 2329 детей, после чего началось снижение. Объясняется это тем, что опекуны осознали выгоду статуса приемной семьи и стали чаще оформляться в качестве приемных родителей. В 2009 году удельный вес опекунских семей среди всех форм семейного устройства составил 58,5%. По сравнению с предшествующими годами он снизился.

На втором месте стоит возвращение в биологическую семью (336 и 689 соответственно). Увеличение составило 105%. Удельный вес вырос с 18,9 до 22,75%. Связано это, прежде всего, с политикой органов социальной защиты населения, реализующих соответствующие региональные программы.

Затем следует усыновление (365 и 341). Число усыновлений сократилось как абсолютно, так и относительно (до 11,3%). Произошло это в основном за счет сокращения передачи сирот в семьи иностранцев при росте отечественных усыновителей. Однако и с отечественными усыновлениями не все просто: с 2007 года удельный вес их также падает. Причина, видимо, та же, что и с опекунскими семьями. И, наконец, в приемные семьи помещено соответственно 9 и 228 человек. И, хотя это менее 8% от общего числа устроенных в семьи, высокие темпы роста говорят о том, что в будущем их доля может заметно вырасти. В 2005 году в Челябинской области было всего 13 приемных семей (57 детей), а на конец 2009 года уже 542 семьи, в них 743 приемных ребенка.

Следует напомнить, что на 2009 год пришелся пик экономического кризиса. Это отразилось и на динамике устройства в замещающие семьи. Заметно увеличилось число детей, возвращенных биологическим родителям и усыновленным иностранными гражданами. Впервые с 2005 года их число увеличилось, причем существенно: на треть. Зато устройство во все другие типы семей сократилось. Осо-

бенно это заметно в отношении приемной семьи – на 30%.

Исходя из теоретических взглядов на роль семьи как института социализации и эмпирических фактов (к сожалению, недостаточно многочисленных для окончательных обобщений), можно предположить, что семейные формы устройства и воспитания таких детей эффективнее несемейных. Однако современные возможности такого устройства ограничены. Наиболее распространены его «простые» формы, прежде всего опека и попечительство. Их основное преимущество заключается в том, что около 80% осиротевших детей попадают в семьи родственников. Наиболее «сложная» форма, то есть максимально приближенная к биологической семье и, следовательно, наиболее эффективная, – усыновление (удочерение) – наоборот, является менее распространенной (за пятилетие 12,1% от общего числа устроенных в семьи).

По ряду причин в настоящее время основная ставка делается на приемную семью как наиболее перспективную форму семейного жизнеустройства. Приемная семья – новое для России явление. В ней дети на основании договора между органами опеки и приемными родителями могут находиться от нескольких месяцев до нескольких лет независимо от того, лишены их биологические родители родительских прав или нет [2; 1.]. Хотя развитие приемной семьи в России (особенно после принятия стимулирующих нормативных правовых актов) происходит довольно быстро, по числу воспитываемых сирот она по-прежнему занимает последнее место. На начало 2010 года в Челябинской области насчитывалось 542 такие семьи, в них – 743 приемных ребенка. За пятилетие в приемные семьи передано 819 детей (5,7% от общего числа устроенных в семьи).

Отсюда вытекает задача повышения результативности жизнеустройства детей в разных типах замещающих семей (от семейной группы в сиротском доме-интернате до приемной семьи включительно), поскольку только разнообразие форм жизнеустройства может в настоящее время гарантировать право на воспитание абсолютному большинству детей, лишенных родительского попечения. Главное здесь не столько характер юридических отношений между органами опеки и попечительства,

воспитателями и воспитуемыми, возникающих при помещении ребенка в замещающую семью, сколько качество самой семьи, ее способность эффективно осуществлять свои функции.

С институциональной точки зрения замещающая семья – это такая же семья, как и любая другая. Она обладает всеми качествами обычной семьи, исключая биологическое родство между родителями и приемными детьми. Поэтому именно здесь кроются все основные проблемы социализации и защиты ребенка. Следовательно, внимание исследователя должно быть сосредоточено преимущественно на данном направлении. При этом наиболее перспективным представляется ценностный подход к проблеме, исходящий из восприятия родительско-детских отношений как некоей ценности, в основе которой лежит эмоциональная близость. Именно на этой основе формируются семейное благополучие и семейный лад. Задача состоит в том, чтобы сформировать такую ценность без кровной связи.

Для этого в частности необходимо выяснить мотивы приемных родителей на принятие чужого ребенка в семью и определить, как в такой семье формируются условия и возможности для нормального развития ребенка и какова в этом роль государственной семейной политики.

Поскольку государственная политика может реализоваться только будучи превращенной в правовую норму, рассмотрим последние изменения в нормативно-правовых документах, регулирующих помещение ребенка в замещающую семью.

Предварительный общий анализ показывает, что изменения происходят в трех направлениях:

- упрощается сама процедура помещения ребенка в семью;
- выравнивается объем пособий и льгот, получаемых опекунами, приемными родителями и усыновителями для содержания ребенка (теперь он меньше зависит от формы устройства);
- разрешительный характер принятия в семью (кроме усыновления и в значительной мере опеки и попечительства) заменяется на гражданско-правовое регулирование путем установления договорных отношений между приемными родителями и органами опеки и попечительства. Всё это должно стимулировать развитие института приемной семьи.

В этой связи высказывалось опасение, что договорные отношения заметно повлияют на мотивацию: мотивы психологического и нравственного характера уступят место экономическим (родительство становится способом извлечения дохода, профессией). На эту мысль наводит то обстоятельство, что рост числа приемных семей идет исключительно за счет опеки. Опекунами же в подавляющем числе случаев являются ближайшие родственники, не желающие, чтобы ребенок попал в детский дом или в чужие руки (мотив кровного родства). Кроме того, срочность договора и несложность его расторжения могут неоднократно привести к отказу приемных родителей от взятого ребенка или к изъятию его по инициативе органов опеки и попечительства из приемной семьи, что, несомненно, будет иметь для него психотравмирующие последствия. Так, в Самарской области, где институт приемной семьи стал создаваться еще с середины 1990-х годов, за 11 лет было расторгнуто свыше половины заключенных договоров, четверть из них в связи с конфликтами либо из-за болезни ребенка [3, с. 10]. Дополнительным негативным следствием может стать и проблема неравного отношения приемных родителей к усыновленным и родным детям, а также биологических детей к приемным.

Под опеку обычно берется только один ребенок. Исключением являются те случаи, когда сиротами становятся несколько детей из одной семьи. В приемную семью позволяет одновременно помещать до восьми детей, при этом вознаграждение, выплачиваемое приемным родителям, пропорционально увеличивается. Налицо экономический стимул, который может вступить в противоречие с нравственными мотивами.

Что касается условий и возможностей социализации ребенка, то в литературе наиболее распространен тезис, будто опекуны из родственников (обычно ими становятся родственники старшего поколения – бабушки, реже дедушки) проигрывают в следующем:

- преклонный возраст затрудняет уход и воспитание;
- доходы их невелики и это ведет к экономическим проблемам;
- в свое время они не смогли достойно воспитать собственных детей (внуки стали

социальными сиротами), следовательно, не смогут организовать и адекватную социализацию внуков. Однако данные тезисы научно не подкреплены, являются, скорее, «психологическим оружием» в борьбе за приемную семью и объективно нуждаются в проверке методами социологического исследования.

С целью уточнения мотивов принятия ребенка в приемную семью нами в сентябре–ноябре 2009 г. был проведен опрос 450 приемных родителей из всех районов Челябинской области. На вопрос о причинах взятия ребенка на воспитание 56,6% респондентов ответили, что преобладают мотивы психологические (желание ухаживать за ребенком, жалость к сироте и т.д.), на втором месте (15,1%) мотивы кровного родства (ребенок является внуком, племянником или состоит в иной степени родства с приемными родителями), экономические причины оказались на третьем месте (7,55%). Остальные респонденты не смогли или не пожелали дать однозначный ответ. Таким образом, увеличение выплат, связанных с воспитанием приемного ребенка, существенным экономическим стимулом не стало.

Необходимо отметить, что известным потенциалом обладает и патронатная семья, не получившая в России широкого распространения и совершенно отсутствующая в Челябинской области, сочетающая в себе преимущества приемной семьи и интернатского учреждения. Как семья она практически не отличается от приемной. Преимущества интернатского учреждения заключаются в возможности использовать

в процессе социализации ребенка профессионально обученных специалистов, социальные и реабилитационные программы и прочие возможности специализированного учреждения, недоступные обычной приемной семье.

Главная причина слабой распространенности патронатного воспитания в большинстве регионов России заключается в отсутствии специализированных служб по устройству и сопровождению детей (на языке юристов – уполномоченных организаций), с которыми патронатные воспитатели заключают договоры. Указанные договоры являются юридической основой для профессионального сопровождения ребенка, находящегося в патронатной семье. Впрочем, определенные шаги на пути решения проблемы уполномоченных организаций в Челябинской области делаются, однако основной целью профессионального сопровождения в данном случае является не создание патронатных семей, а профилактика вторичного сиротства.

Поскольку наиболее эффективная форма семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, до настоящего времени окончательно не определена, очевидна объективная необходимость сравнительного научного исследования преимуществ и недостатков всех его форм, в том числе и методами социологии. В этом случае возникает проблема критериев оценки форм устройства. Основой методологического подхода к таким исследованиям должны быть интересы приемного ребенка, способность выполнять основные семейные функции по отношению к нему.

1. Гурко, Т.А. Опыт организации приемных семей в Самарской области [Текст] / Т.А. Гурко, В.Б. Тасеев // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 78–85.

2. Гурко, Т.А. Приемные семьи в России (на примере Самарской области) [Текст] / Т.А. Гурко, В.Б. Тасеев / Актуальные проблемы семей в России / под ред. Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – С. 74–91.

3. Гурко, Т.А. Трансформация российской системы устройства детей, лишенных родительского попечения [Текст] / Т.А. Гурко // Актуальные проблемы семей в России / под ред. Т.А. Гурко. – М.: Ин-т социологии РАН, 2006. – С. 8–20.

4. Семейный кодекс Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 24.04.2008 N 49-ФЗ) [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/law/10005807006>.

5. Социальная защита населения Челябинской области: Информационно-аналитический бюллетень за 2009 г. [Текст]. – Челябинск: Министерство социальных отношений, 2010. – 99 с.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТА ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ И ЛИБЕРАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 321.01

Р.В. БУРЦЕВА

Любые изменения в научных исследованиях обусловлены изменениями в окружающем мире, появлением новых реалий политической, общественной и культурной жизни. Трансформация научных парадигм происходит путем накопления новых знаний, ревизии старых концепций и постулатов, она происходит под влиянием меняющихся условий жизни, с возникновением новых вызовов, на которые прежняя система науки не может дать ответ. Пересмотр главенствующих в советский период концепций, понятий и положений, связанных с вопросами этничности, или так называемым «национальным вопросом», начал происходить в политической науке относительно недавно. Оценка событий, связанных с распадом СССР, изучение этнополитических процессов на постсоветском пространстве поставили перед научным сообществом задачу выработки новых подходов и идей, отвечающих реалиям развития Российского государства.

Актуальные вопросы политики задают определенное направление в исследовательском поле науки, формируют повестку дня и ставят новые задачи перед научным сообществом. После распада Советского Союза и образования Российской Федерации, после многочисленных конфликтов, связанных с процессом оформления новых национальных государств на территории бывшего СССР, появление концепта гражданской нации в современной науке отразило стремление к осмыслению вопросов этничности, государственного и территориального устройства, определению общезначимых ценностей для российского общества.

Проблемы интеграции российского общества являются важными на сегодняшний день, несмотря на сохранение стабильности и устойчивого развития нынешней социально-политической системы, существуют вызовы и угрозы такие, как этнический национализм, с которыми сталкивается современная Россия. В этой связи наиболее актуальными для современной российской политической науки становятся вопросы гражданской

идентичности и гражданской интеграции российского полиэтничного общества.

Концепт гражданской нации появился в отечественной науке не столь давно, в конце 90-х – начале 2000-х. Несмотря на недостаточное теоретическое осмысление и многочисленные споры, неприятие и даже отрицание этого понятия некоторыми учеными, концепт гражданской нации уже довольно прочно укрепился в публичном дискурсе и на уровне языка государственной власти. И, что еще более важно, идея гражданской нации существует в сознании граждан РФ. В публичном дискурсе все чаще звучат такие понятия, как «россияне», «российская нация» или «российский народ», «национальные интересы». На законодательном и государственном уровне дискурс гражданской нации, находя свое отражение в официальных документах и посланиях президента Российской Федерации, появляется все чаще и, можно даже сказать, является преобладающим.

В обращении президента РФ Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» идет речь о путях будущего развития России и говорится следующее: «Как мы распорядимся этим наследством? Как приумножим его? Какой будет Россия для моего сына, для детей и внуков моих сограждан? Каково будет ее место, а значит, и место наших потомков, наследников, будущих поколений россиян среди других наций – в мировом разделении труда, в системе международных отношений, в мировой культуре? Что нужно сделать, чтобы качество жизни граждан России и сегодня, и в будущем неуклонно повышалось?»[2]. Дискурс данного послания формирует образ российской нации с ее национальными интересами. Осмысление тех вопросов, которые поднимаются в обращении, происходит в рамках концепта гражданской нации. Показательными являются те ключевые моменты, которые определены в послании, – это общее историческое наследие и общая судьба народа, экономическая модернизация, развитие гражданского общества и правовая культура. В послании многократно повторяется

тезис об общем историческом наследии, преемственности поколений, делается акцент на национальном единстве в его политическом, общегражданском значении.

Как в общественном сознании, так и в сфере политической науки и политики переход от этнического понимания нации к гражданскому происходит постепенно. Долгое время в отечественной науке преобладала советская традиция, согласно которой нация трактовалась в категориях этничности. Отдельные элементы этой традиции сохраняются в академическом и политическом дискурсе до сих пор.

Центральной категорией теории либерального национализма является понятие нации как политического сообщества граждан. «Согласно гражданской концепции нации все граждане государства формируют единую нацию независимо от их расовой, национальной либо религиозной принадлежности, если они граждане не только формально, но и объединены единым гражданским самосознанием. Прежде всего речь идет об осознании народа-общества как источника власти, т.е. суверена в государстве. Таким образом, в этой концепции в качестве государствообразующего субъекта выступают все граждане страны... Этой идее противостоит этнический национализм, предполагающий, что каждый народ-этнос должен иметь свое отдельное государство, как семья – отдельную квартиру. Следовательно, некая этническая общность должна иметь доминирующие права в своем национальном государстве и называться в нем государствообразующей нацией» [4, с. 38–39].

Ключевым элементом концепта гражданской нации является понятие национальной (то есть гражданской) идентичности. Национальную идентичность можно определить как «общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним» [7, с. 28]. Национальная идентичность определяется гражданским самосознанием и включает в себя такие чувства, как патриотизм, гордость за свою страну, представление об общеразделяемой судьбе, культурных ценностях, чувство общности целей и интересов с другими согражданами. Гражданская идентичность существует наряду с другими формами идентичности – групповыми и личностными, такими, как: профессиональная, социальная, региональная, этническая идентичность и т.д. Только в данном случае она представляет собой категорию более широкого порядка. «Категория гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность

включает не только лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, представлениями об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства (гордость, обида, разочарование, пессимизм или энтузиазм)» [1, с. 69].

М.А. Фадеичева выделяет такой аспект гражданской идентичности, как «легитимное гражданство», под которым понимается осознанное принятие гражданином требований, возлагаемых на него государством. Оно основано на экономической и политической свободе индивида. «Именно два признака – право на собственность и участие в решении государственных дел, отличают гражданина от заурядной человеческой особи. Политические права и обязанности, соблюдение законов, гражданская вовлеченность как интерес к общественным делам и активное в них участие, солидарность, доверие и терпимость превращают человека в гражданина» [8, с. 12].

У истоков развития теории гражданской нации и либерального национализма в отечественной политической науке стоит В.А. Тишков. Еще в 90-е годы он выдвинул идею о необходимости пересмотра самого понятия «нации». В его работах впервые был поставлен вопрос о гражданском национализме, российской идентичности и российском народе как «гражданской, исторической и социально-культурной общности». Им был собран и проанализирован большой эмпирический материал, который положен в основу его исследований, посвященных вопросам этничности, национализма, этнических конфликтов. Он занимается этнографическими, региональными исследованиями, изучением этнополитических конфликтов, в частности конфликтов на Северном Кавказе. В.А. Тишков убедительно показал, как идеология этнического национализма становится одной из главных причин возникновения и эскалации конфликтов [5].

Теоретико-методологическая база современных этнополитологических исследований формировалась во многом под влиянием советской традиции этнографии и советской теории нации. В.А. Тишков предложил «постнационалистическое понимание национализма», которое опирается на понимание нации как политического сообщества. Согласно этой точке зрения нация представляет собой совокупность граждан одного государства как политического сообщества. «Члены нации отличаются общегражданским самосознанием (например, американцы, британцы, испанцы, китайцы, мексиканцы, россияне, французы), чувством

общих исторической судьбы и культурного наследия, некоторыми общими элементами материальной и духовной культуры, а в редких случаях общностью языка и даже религии» [6]. Так, российская нация представляет собой сложившуюся социально-культурную общность, которая постепенно должна превратиться в нацию политическую. Способствовать этому должен отход от этноцентристской парадигмы в политической науке, пересмотр ключевых категорий, а также отход от этнонационалистического принципа в сфере государственной этнической политики и нациестроительства.

Вместе с появлением понятия «гражданская нация» в отечественной науке началось исследование теории либерального национализма. Впервые концепт «либеральный национализм» начинает появляться и активно задействоваться в политической науке во второй половине 90-х годов XX века. В академическом сообществе появление данного понятия было встречено по большей части настороженно или скептически. Так, например М.О. Мнацаканян пишет: «В национальной жизни немало латентных, скрытых феноменов, не всегда поддающихся определению и идентификации, носители которых обычно выступают с претензиями называться патриотами, выразителями воли нации, национального сознания и т.д. Речь прежде всего о «либеральном» национализме, в адрес которого все еще продолжается комплиментарная риторика в научной литературе и публицистике. Я уже отмечал в одной из своих работ, что «либеральный» национализм, сегодня «тихий», «незаметный», «неконфликтный», завтра может проявить все свойства агрессивной ксенофобии...» [3, с. 29]. Вероятно, проблема восприятия и принятия нового для российской общественной и научной сфер жизни понятия заключается в закрепившейся за самим термином «национализм» трактовок в категориях этничности.

Понятие «либеральный национализм» в российской политической науке еще не в полной мере освоенное. Связанные с этим методологические трудности становятся источником многочисленных дискуссий, до сих пор ведутся споры о сущности понятий «нация», «национальная политика», «этничность». Зачастую в политологическом дискурсе происходит смешение понятий «национальное» и «этническое». Нечеткость и двусмысленность категорий затрудняет формирование научного консенсуса. Отсутствие согласия по поводу базисных категорий – это проблема не столько развития науки самой по себе, но и, в первую очередь, проблема, имеющая значение

для политической практики и связанных с ней вопросов определения политического курса, разработки законодательства и проведения этнонациональной политики. Политика не может не использовать категориальный аппарат современной науки.

Что касается либерального национализма, то суть его зачастую толкуется скорее превратно в силу самого непривычного сочетания понятий «либеральный» и «национализм» и в силу того, что под «национализмом» принято понимать национализм этнический. В то время как в западноевропейской традиции уже давно закрепилось понимание нации как политического сообщества (так называемая «французская» модель или понимание нации). До сих пор не укрепилось понимание либерального национализма как явления другого порядка, не связанного с категориями этничности. Зачастую он искаженно понимается как национализм «мягкий» или «тихий» и соотносится все с тем же этническим национализмом. Либеральный же национализм исходит из понимания нации как социально-политического единства, главным критерием которого является наличие институтов гражданского общества.

Существует множество типологий национализма (Р. Брубейкер, К. Хайес, Б. О'Лири, Х. Чилкот, Л. Гринфелд, Л.М. Дробижина, В.С. Малахов). Изучением феномена и идеологии национализма посвящены работы зарубежных авторов, чьи теории довольно известны и популярны среди российских исследователей. Это прежде всего Э. Смит, Г. Кон, Б. Андерсон, Т. Эрикссон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум. Как правило, выделяются этническую и гражданскую формы национализма. Это разделение связано с существованием двойственной трактовки понятия «нация».

Традиционно в научной литературе признается существование двух типов нации – гражданской и этнической. Либеральный национализм восходит именно к гражданскому пониманию нации, как объединению граждан одного государства не только на основе общей территории, исторически сложившейся экономики и культуры, но и, в первую очередь, как объединение политическое, характеризующееся взаимодействием гражданского общества и государства, гражданской инициативой, политическим участием, выражением общей воли и стремлений граждан.

Главный вопрос теории либерального национализма – это вопрос о становлении гражданской нации: какие черты, критерии характерны для гражданской нации, в чем ее сущность, как она формируется и в чем ее особенность. «Но можно ли назвать на-

циональным по его сущности государство, которое выражает своекорыстные интересы правящей элиты, в котором несчастная человеческая популяция пытается выжить, дистанцируясь от власти? Можно ли назвать национальным государство при отсутствии развитого гражданского общества и нации как социально-политической общности? Государство, отвечающее потребностям народа, выражающее его коллективную волю, и есть народное, т.е. национальное государство» [8, с. 9].

Либеральный национализм воспринял идеи, появившиеся в XVII–XVIII веках, идеи гуманизма, правового равенства, демократии и суверенитета. Он исходит из понимания нации как гражданского сообщества, объединения людей на основе единой политической воли. Либеральный национализм – это идеология, положенная в основу национального государства, опирающаяся на традиционные либеральные ценности такие, как личная свобода, индивидуализм, плюрализм и толерантность, верховенство закона, правовое равенство.

В центре внимания либерального национализма находится отдельный индивид, гражданин. Это является одним из существенных признаков данной теории, отличающей ее от прочих теорий национализма, основанных на социоцентрическом, групповом подходе. В ее основе лежит антропологический принцип, согласно которому общество представляет собой объединение отдельных индивидов, а не групп. Согласно либеральному национализму нация рассматривается как сообщество, состоящее не из этнических или каких-либо других групп, а из индивидов, обладающих определенными качествами такими, как гражданское самосознание, солидарность, чувство принадлежности к единому политическому сообществу и общности национальных ценностей и интересов.

Ценность отдельного человека явля-

ется ключевым элементом либерального мировоззрения. Либеральный национализм, опираясь на традиционную для либеральной идеологии ценностную систему, настаивает на приоритете индивида по отношению к общности. Однако индивидуалистический и личностный подход в рамках либерального национализма предусматривает и ответственность гражданина, его лояльность государству, участие в политическом процессе, гражданскую инициативу.

Появление и развитие концептов гражданской нации и либерального национализма в российском обществе как в публичной сфере, так и в академической среде неслучайно. Это требование времени, которое ставит перед развивающимся, проходящим сложный этап демократизации обществом новые задачи и определяет поиск путей их решения. Поэтому актуальность и необходимость дальнейшей разработки идеи гражданской нации и либерального национализма несомненна. Развитие этих идей и воплощение их в жизнь являются путем к формированию стабильного общества, разрешению социальных и политических противоречий, связанных в первую очередь с межэтническим взаимодействием. Либеральный национализм способен противостоять этническому национализму с его деструктивным характером. Именно либеральный национализм содержит в себе интегрирующий потенциал, поскольку предлагает такую модель общественного устройства, которая основана на включении в политический процесс представителей всех этнических, религиозных групп на их равноправном участии в политической и социальной жизни государства на основе гражданства. Идея гражданской нации является противовесом центробежным тенденциям, способна противостоять этническому национализму и препятствовать расколу общества по этническому, религиозному или территориальному основанию.

1. Дробижина, Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе [Текст] / Л.М. Дробижина // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 68–77.
2. Медведев, Д.А. Россия, вперед! [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения: 05.11.09).
3. Мнацаканян, М.О. Национализм: идеальный тип и формы проявлений [Текст] / М.О. Мнацаканян // Полис. – 2007. – № 6. – С. 24–35.
4. Паин, Э.А. Распутица: Полемические размышления о предопределенности пути России [Текст] / Э.А. Паин. – М., 2009. – 272 с.
5. Тишков, В.А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография Чеченской войны [Текст] / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 552 с.
6. Тишков, В.А. О нации [Электронный ресурс] / В.А. Тишков. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_nacii1.html (дата обращения: 30.10.09).
7. Тишков, В.А. Что есть Россия и российский народ? [Текст] / В.А. Тишков // Pro et Contra. – 2007. – Май-июнь. – С. 21–41.
8. Фадеичева, М.А. Перспективы либерального национализма в России [Текст] / М.А. Фадеичева // Без темы. – 2007. – № 1(3). – С. 6–12.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА РОССИЙСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ ЭЛИТ

УДК 323.22/28

Т.Б. ВИТКОВСКАЯ

Локальные элиты представляют несомненный интерес для исследователей современных российских политических реалий. Научный интерес обусловлен тем, что на локальном уровне сформировались группы ведущих игроков, обладающие приоритетным влиянием на локальные политические процессы. Появляются новые исследования, посвященные проблемам локальной политики, однако большая их часть сводит элитистскую проблематику к эмпирике. Многие теоретические вопросы в этой связи остаются вне поля зрения специалистов. Недостаточно разработанной остается и методологическая база подобных исследований.

Мы рассмотрим основные методологические проблемы, с которыми могут столкнуться исследователи политических элит на уровне локальных территорий в регионах современной России. Интересно, что в рамках элитистской проблематики попытки разрешить вопросы методологического характера с неизбежностью обращают нас к более общим дискуссиям о проблемах иного свойства от терминологических до этических.

Первая методологическая проблема связана с самим термином «локальная политическая элита». Этимологически элита – это высшие, первые, лучшие, то есть социальная верхушка, высший слой общества и лучшие его представители*. Классическая трактовка этого понятия не вполне коррелирует с распространенными сегодня представлениями о локальном уровне политики и управления как о низшем, последнем и наименее значимом. С точки зрения классической теории элит понятие «локальная элита» (впрочем, как и «региональная») не вполне корректно.

Современная элитология, напротив, поднимает проблему иерархии элит и, соответственно, вопрос о том, как распределяются элитные страты. Тем самым происходит расширение содержания это-

го термина, допускающее его распространение на представителей различных уровней властной иерархии. Изменение содержания понятийного аппарата элитологии было обусловлено очевидными изменениями политической реальности, в частности – характера социальной и административной стратификации общества.

Таким образом, целесообразность изучения субэлит уже получила необходимое научное обоснование, хотя именно локальные элиты российских регионов не могут похвастаться заметным вниманием со стороны политологов и социологов.

Для отечественных исследователей поводом для рассмотрения, помимо элиты национальной, региональной элиты и локальной элиты, является существование нескольких уровней управления. В политико-административной системе современной России выделяется три уровня управляющих структур – федеральный, региональный и локальный. Это разделение основывается на принципе распределения властных полномочий и компетенций между субъектами власти «по вертикали» – между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления.

Однако сам факт существования органов управления не дает достаточных оснований говорить о наличии политической элиты на этом уровне. Понятие «политическая элита» определяется через понятие власти, причем речь должна идти о наличии власти реальной, а не формальной. Именно наличие автономного субъекта политической власти на определенном уровне реализация власти в пределах данного уровня свидетельствует о существовании на этом уровне политической элиты.

Соответственно мы можем говорить о существовании особой политической элиты, только когда есть основания говорить и

* Термин «элита» произошел от латинского *eligere* – выбирать; в современной научной литературе получил широкое распространение от французского *elite* – лучший, отборный, избранный.

об автономном политическом процессе на данном уровне вертикального разделения власти. Другими словами, политический процесс на локальном уровне свидетельствует о наличии локальной политической элиты, которая выступает субъектом политической власти, реализуемой в пределах данного уровня. Локальная элита – это политический феномен, который не может быть понят и определен в отрыве от феномена локальной политики.

Таким образом, с точки зрения методологии целесообразно анализировать локальную политическую элиту (как и локальную политику в целом) в контексте системы властных отношений между локальным и региональным уровнями власти – так как именно с этим уровнем и только с ним должно происходить возможное разграничение.

Феномен локальной политики предполагает процесс принятия и реализации политических решений, касающихся всего локального сообщества, на локальном уровне и локальными лидерами. Степень автономности данного процесса может быть большей или меньшей, но он не должен подменяться принятием всех важных для локальной территории политических решений «наверху», органами государственной власти регионального и федерального уровня.

Иными словами, утверждение о наличии локальной политической элиты означает, что существует неизбежно узкий круг представителей локального сообщества, обладающих приоритетным политическим влиянием на дела муниципалитета, достаточно независимый от региональной элиты, от других влиятельных игроков на своем уровне и отграничившийся от прочей массы населения.

Мы полагаем, что для понимания сущности локальной политической элиты и ее роли в политическом процессе необходимо четко разграничивать региональную элиту и локальную элиту. В данном случае исходное методологическое утверждение о необходимости такого рода разделения создает основу для анализа в практических исследованиях. Вопрос о возможности такого разграничения, однако, является спорным в современной отечественной политологии.

Восприятие локального уровня управления как «низшего», «наименее масштабного», и, часто, как «менее интересного», влияет на отношение исследователей к

теме локальной политики. Подобные оценки ведут к тому, что во многих конкретных исследованиях локальный уровень политики либо исключается, либо игнорируется. При таком подходе нет необходимости в отграничении локальной элиты от элиты региональной. В этом случае деятельность локальных лидеров интересует исследователей, только если оказывает определенное влияние на региональный политический процесс. При этом некоторые локальные лидеры включаются авторами исследований в состав региональной политической элиты [3].

Другой взгляд на проблему предполагает выделение в структуре региональной политической элиты двух уровней: первый (верхний) – уровень региона, второй (нижний) – уровень локальных территорий. В этом случае, как и в первом, представители локального уровня рассматриваются как малочисленная и наименее влиятельная группа в составе региональной элиты [2, с. 268].

Мы полагаем, что подобный подход не позволяет объективно оценить политический процесс на локальном уровне, поскольку не учитывает характера властных отношений внутри локального сообщества, ограничиваясь анализом взаимодействий локальной и региональной власти. Данный подход также не позволяет многое добавить к описанию политической жизни региона, потому что представители локальной элиты действительно, как правило, не оказывают решающего влияния на принятие решений на региональном уровне.

В соответствии с другим подходом, который представляется более эффективным, наличие и функционирование органов управления и сформированная система властных отношений на локальном уровне позволяют рассматривать локальную политику и локальную элиту как самостоятельные политические феномены, хотя их анализ и невозможен вне контекста региональной политики.

Это поднимает проблему взаимодействия локальных и региональных элит. Локальная элита, претендуя на монополизацию властных полномочий, стремится ослабить влияние вышестоящих органов власти (прежде всего – региональных государственных структур) на локальный политический процесс. Ресурсная база локальной элиты позволяет ей принимать и реализовывать решения, отличающиеся от позиций региональной элиты. Это обеспе-

чивает решение ряда вопросов местного значения в пределах территории, представителями локального сообщества. Практически это может обеспечить местному самоуправлению системную, функциональную самостоятельность.

При этом политическая реальность такова, что влияние региональных элит на решения, касающиеся муниципалитетов, – обычная практика. Речь не идет о полной независимости муниципалитетов. Самостоятельность локальной политической элиты проявляется не в закрытости или полной автономности протекающих на локальном уровне политических процессов (что на практике невозможно), а в возможности формулировать собственную позицию и отстаивать ее в постоянном диалоге с региональной элитой. Периодическое участие региональной власти в процессе принятия решений, касающихся муниципалитетов, целесообразно расценивать не как посягательство на элитный статус локальных лидеров, а как неизбежное следствие связи локальной экономики с экономикой региона и локального политического процесса – с региональной политикой [4, с. 88].

Вторая методологическая проблема обусловлена тем, что существует множество определений элиты и сводится к необходимости выбрать определяющие показатели элитарности. Фактически мы должны сосредоточиться на трех основных подходах к определению этого понятия, определив возможность применения каждого из них при анализе именно локальных политических элит.

Ценностный подход акцентирует внимание на особых качествах, характеризующих представителей элиты. Главным недостатком этого подхода является отсутствие ясности при определении необходимых качественных характеристик. Это делает его очень субъективным, ставя результаты исследований в зависимость от личных идеологических взглядов и даже нравственных установок конкретных авторов.

Если исходить из этимологии термина, основное содержание качественных характеристик сводится к тому, что элита – это лучшие в обществе, лучшие чем большинство, то есть представители локальной элиты – лучшие по сравнению со всем прочим локальным сообществом. При этом термин ассоциируется исключительно с положительными характеристиками: элита – мудрые, достойные, образованные, добродетельные и т.п. Однако эмпирические

исследования современных российских локальных элит (кстати, как и политических элит других уровней или временной локализации) опровергают эти предположения. Представителей элиты часто можно справедливо характеризовать как корыстолюбивых, коррумпированных, циничных, ограниченных и пр. Подход оказывается неприменим к российской политической действительности [1, с. 214].

Если считать определяющей характеристикой элиты наличие особых качеств, которые обеспечивают ей превосходство над большинством и в итоге – политическую власть, то подход представляется более продуктивным. При этом акцент делается на таких качествах, как активность, инициативность, компетентность, одаренность, возможны и негативные характеристики (например властолюбие, алчность). Однако и в этом случае ценностный подход остается достаточно субъективным и может быть использован для описания, социометрической или психологической характеристики локальных элит, но не для глубокого научного анализа.

Структурный подход главным критерием элитарности называет «присутствие во власти». К элите могут быть отнесены те, кто занимает руководящие посты в важнейших политических и социальных институтах (администрации, законодательные органы, партии и пр.).

Структурный подход достаточно прост и технологичен. Он предоставляет исследователям эффективную методiku: выделение представителей локальной элиты путем анализа должностных и статусных позиций. По этой причине большинство прикладных политологических исследований на локальную и региональную тематику (кстати, не только с позиций элитологии) ведется в рамках данного подхода.

Недостатком структурного подхода является отсутствие четкого разграничения между собственно элитной и административно-управленческой структурой. Между тем, практика доказывает, что не все руководители властных структур имеют элитный статус.

Как мы отмечали выше, показателем элитарности является обладание властью реальной, а не формальной. По этой причине локальную политическую элиту нельзя отождествлять с высшими муниципальными служащими.

Проблемой при применении структурного подхода для анализа локальных

процессов является и свойственная ему формализованность, унифицированность оценок. Если критерием элитарности является должность, то возникает своеобразная «иерархия должностей»: те, что гарантируют элитный статус, и те, что нет. Однако практика доказывает, что в разных политических условиях один и тот же пост дает разные политические дивиденды.

Мы полагаем, что на локальном уровне существуют три категории «потенциально статусных» позиций: глава муниципалитета, депутат представительного органа местного самоуправления и партийный лидер муниципального уровня. При этом указание на конкретный статус достаточно формально, поскольку отдельные персоны могут обладать несколькими, таким образом, расширяя сферу своего влияния в территории. Подобное «совмещение статусов» формирует локальную элиту из наиболее влиятельных представителей общественной и политической жизни территорий.

Единственный официальный статус, который гарантирует вхождение в состав локальной политической элиты «сам по себе», – статус главы муниципалитета. Все прочие статусы (депутатский, партийный, общественный и др.) гарантией включения в локальную политическую элиту являются не всегда. Многое зависит от политического влияния данной структуры (представительного органа самоуправления, партийной организации, общественного объединения и т.п.) в конкретной локальной территории, в данных политических условиях и от собственных возможностей (финансовых ресурсов, авторитета, отношений с прочими представителями элиты и др.) участника локальной политической жизни.

С нашей точки зрения, структурный подход может эффективно использоваться в исследованиях локальных элит, если критерием элитарности считать занятие ключевых для принятия решений и распределения ресурсов позиций в политических и социальных структурах.

Указание на то, что элита контролирует значимую долю ресурсов общества, присутствует во многих определениях элиты (не только сформулированных в рамках структурного подхода). Мы полагаем, что акцент на обеспечении ресурсами важен, поскольку он создает предпосылки для определения автономии локальной политической элиты

исходя, кроме прочего, из ее ресурсного потенциала. О том, что вопрос автономии является принципиальным для существования локальной элиты, мы уже писали выше.

Участие в процессе принятия важнейших решений также является определяющей характеристикой элиты. Применительно к локальному уровню это означает, что локальная элита принимает и реализует стратегические решения, влияющие на все локальное сообщество и территорию. Российский элитолог А.В. Дука констатирует, что определение элиты через занятие позиций, которые дают возможность непосредственно и регулярно влиять на принятие политических решений, является в настоящее время стандартом в исследовании элит, несмотря на то, что разные авторы используют различные прилагательные или глаголы для определения «принимающих решения» [5, с. 11].

Определение элиты через выполняемую функцию (в данном случае – функцию принятия решений) сближает структурный подход с функциональным*.

Функциональный подход определяет элиту через присущие ей функции. Значимость этих функций для общества определяет особое положение персон, которые их выполняют, детерминирует их элитный статус.

Элита выполняет целый ряд функций (служит стабилизатором социальных отношений в обществе, является неким «образцом» для прочего населения и др.), но ее важнейшей и определяющей функцией является управление обществом. Большинство дефиниций (не только тех, что сформулированы в рамках функционального подхода) напрямую связывают элиты с данной деятельностью – управлением, властвованием, руководством.

При этом на уровне исходных методологических утверждений между функциональным и структурным подходами нет принципиальных противоречий. Выполнение названных функций становится возможным, поскольку в распоряжении элиты находятся соответствующие ресурсы. Концентрация значительных ресурсов в руках представителей элиты, в свою очередь, обуславливается тем, что они монополизируют позиции, обеспечивающие контроль над этими ресурсами [6, с. 8].

Функциональный подход работает и при анализе локальных элит. При этом он предоставляет не конкретный инструмента-

* Ряд исследователей, и среди них классик отечественной элитологии Г.К. Ашин, объединяют названные подходы в один подход, который именуется структурно-функциональным.

рий, как структурный подход, а прежде всего исходные теоретические установки. Речь идет о базовых теоретических положениях, поскольку функциональный подход в целом отражает активистские представления элитистов: именно властные интенции элит предопределяют возможность и необходимость их существования.

Третья методологическая трудность связана с определением внутренней структуры и состава локальной элиты.

Выше мы указали три поста во властных структурах локального уровня, которые позволяют претендовать на элитный статус. В соответствии с этим логично выделить три группы в структуре локальной элиты: корпус глав местного самоуправления, депутатский корпус локальных legislatures и корпус лидеров муниципальных отделений политических партий.

Мы полагаем, что целесообразно выделять не только политическую (представители МСУ, партий), но и экономическую (политизированный бизнес) составляющие в структуре локальной политической элиты. Оправданность включения бизнеса в состав локальной элиты вызывает вопросы, поскольку его политическая деятельность не всегда легитимирована постами во властных структурах. Это связано с тем, что вопрос об институционализации своей политической активности не является проблемой для локального бизнеса. Главным для него остается возможность конвертировать накопленные экономические ресурсы в политическое влияние в ходе неформального взаимодействия с представителями самоуправления. Данное

политическое влияние не обязательно нуждается в легитимации, но в случае необходимости формальный политический статус представители бизнеса могут приобрести, получив депутатский мандат либо пост в партийной структуре или общественной организации. Эти обстоятельства позволяют считать локальный бизнес, имеющий интересы в сфере политики, отдельной, достаточно активной и влиятельной группой в составе локальной элиты [7, с. 37, 52–53].

Кроме того, имеет смысл выделение иных персон или групп, претендующих на элитный статус. В конкретных исследованиях можно проанализировать степень политического влияния представителей общественных организаций и объединений, медиаструктур, бывших глав муниципалитетов советского и постсоветского времени. Однако претензии представителей данных категорий на особый статус редко оказываются обоснованными.

Таким образом, проблема методологических основ анализа локальных политических элит важна и имеет не только сугубо теоретическое, умозрительное значение. Обзор основных методологических трудностей, с которыми неизбежно столкнутся исследователи локальных элит, и вариантов их преодоления убеждает нас в важности адекватного выбора методологических оснований подобных исследований. Исходные теоретические и методологические установки, на которые опирается автор, не только предопределяют методику исследования, но и в целом влияют на восприятие и трактовку феномена локальных элит.

1. Ашин, Г.К. Элитология: история, теория, современность [Текст] / Г.К. Ашин. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 600 с.

2. Взаимодействие элит в социально-политическом процессе современной России [Текст] / В.Г. Игнатов, И.Ф. Денисенко, Ф.А. Кислицин, З.Д. Михайлова, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону, 2001. – 513 с.

3. Гаман-Голутвина, О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции [Текст] / О.В. Гаман-Голутвина // Самые влиятельные люди России 2003. – М., 2004; Тарусина, И.Г. Динамика политических установок региональных элит России (На примере Саратовской области) [Текст] / И.Г. Тарусина // Полис. – 2003. – № 1; Макарычев, А.С. Взаимодействие научной и политической элит: теория вопроса и практика Нижегородской области [Текст] / А.С. Макарычев // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. – М., 1999.

4. Гельман, В.Я. Политические диффузии в условиях пространственно гибридного режима: институциональное строительство и выборы мэров в городах России [Текст] / В.Я. Гельман, Т.В. Ланкина // Полис. – 2007. – № 6. – С. 86–109.

5. Дука, А.В. Исследования элит: поиск теоретических оснований [Текст] / А.В. Дука // Власть и элиты в российской трансформации. – СПб, 2005. – 296 с. – С. 11–29.

6. Дука, А.В. Легитимация произвола как основание функционирования элит [Текст] / А.В. Дука // Элиты и власть в российском социальном пространстве. СПб.: Интерсоцис, 2008. – 268 с. – С. 7–28.

7. Ледяев, В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования [Текст] / В.Г. Ледяев // Политическая наука (Локальная политика, местное самоуправление: российский и зарубежный опыт). – 2008. – № 3. – С. 32–60.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 316.7

Г.Ф. КУНГУРЦЕВА

Интеллектуальный потенциал является базовым ресурсом развития и преобразования общества. Практика убеждает в том, что социальные изменения тесно связаны с совершенствованием форм и способов интеллектуальной деятельности людей, осуществляющих материальное и духовное производство. В современном обществе управление выступает самостоятельным интеллектуальным образованием, способным влиять на социальные процессы и кардинально изменять социум. А динамика общественной жизни и эффективность управления все больше зависят от уровня развития интеллектуального потенциала общества, субъектов и объектов управления, от форм и способов интеллектуальной деятельности людей, занимающих управленческие позиции.

В целом интеллектуальный потенциал личности можно определить как совокупность сущностных сил (социальных и духовных качеств), реализация которых, при определенных условиях, обеспечивает возможность ее саморазвития и развития социальной системы*.

Диалектическая взаимообусловленность развития и формирования интеллектуального потенциала общества и личности позволяет определить интеллектуальный потенциал как явление социальное, уровень развития которого определяет функционирование всех социальных институтов, эффективность и качество управления социальным развитием общества. Но реализация интеллектуального потенциала личности имеет смысл только в том случае, если результаты ее направлены на поддержание жизнедеятельности и саморазвитие индивида и являются условием и источником развития другого человека и общества. Социальная сущность интеллектуального потенциала человека заключается в способности развивать других людей,

иначе его существование теряет смысл. Тем самым, чем выше уровень интеллектуального развития человека и оптимальных возможностей для реализации его сущностных сил, тем богаче общество и выше мощь общественного потенциала, так как реализация сущности человека, всех способов его жизнедеятельности происходят в общественной среде.

Интеллектуальный потенциал человека обладает, по крайней мере, четырьмя свойствами. Во-первых, он способен актуализироваться, быть реализованным в деятельности. Во-вторых, он способен аккумулировать деятельность множества людей в целом как условие преемственного существования любого общества, то есть новые поколения наследуют знания, ценности, нормы, созданные в результате деятельности прошлых поколений. В-третьих, он объединяет все виды деятельности. Духовное образование пронизывает производственную, научную, воспитательную, образовательную, управленческую и т.д. деятельности, а непосредственным механизмом их функционирования выступает интеллектуальная деятельность. В-четвертых, не исчезает и не уменьшается, а восполняется и увеличивается при его активном использовании.

Данный методологический ориентир позволяет утверждать, что объектом исследования выступает не только интеллектуальный потенциал субъектов управления, но и результат организации их интеллектуальной деятельности, как источник и фактор формирования, развития и изменения сущностных сил других людей, условия их социальной жизни, общественного интеллекта в целом в конкретно-исторические периоды и на определенных уровнях управления.

Но следует особо отметить, что традиционно управление понимается преимуще-

* Содержательный и категориальный анализ данного феномена, учитывающий общесоциологические аспекты, социальную значимость интеллектуального потенциала личности и общества, взаимозависимость интеллекта человека и состояния общественного развития, осуществлен автором в следующих работах. См.: Кунгурцева Г.Ф.: 1) Интеллектуальный потенциал управления. – М.: ИИ СПИ РАН, 2003. – 168с.; 2) Социологический анализ понятий «интеллектуальный потенциал личности» и «интеллектуальный потенциал общества» // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 5. – С. 128–138.

щественно как однонаправленное воздействие субъекта управления, имеющего свои цели, на объект. В этих условиях эффективность управления обусловлена уровнем развития интеллектуального потенциала только субъектов управления и определена мерой его реализации, а объект управления теряет право выступать в качестве интеллектуально развитого, мыслящего субъекта, способного понимать, воспринимать, оценивать систему управленческих отношений и реагировать на весь управленческий процесс. Безусловно, мы согласны с тем, что значение интеллектуальной составляющей в управленческой деятельности играет первостепенную роль. Сегодня, как никогда, интеллектуальный потенциал руководителя является основой управления как на уровне государства, так и конкретного предприятия. Но абсолютизация только его интеллектуальных способностей сужает сущность предназначения управления, его общественной миссии. В современных условиях управление как социальное явление представляет собой взаимодействие субъекта и объекта, в качестве которых выступают индивиды, обладающие определенным уровнем интеллекта, имеющие собственные представления о социальных процессах, целях и задачах управления, способных реагировать на любое управляющее воздействие с учетом собственных потребностей и интересов, вносящих определенные коррективы. К тому же каждый человек управляет самим собой, уровень его благополучия и благосостояния во многом зависит от того, насколько разумно осуществляется самоуправление. Каждый человек является одновременно и управляемым, и управляющим.

В этих условиях весь управленческий процесс – это проявление различных уровней и форм организации интеллектуальной деятельности субъектов и объектов управления. Кроме того, управление, являясь своеобразным интеллектуальным продуктом, преломляет в себе, содержит в снятом виде результаты управленческой деятельности, следовательно, результаты реализации интеллектуального потенциала предыдущих поколений. Тем самым, управление как социальное явление, проявляющееся в форме социального взаимодействия, реализуется в феномене интеллектуального потенциала управления.

Здесь уместно обратить внимание на то обстоятельство, что эффективность управления обнаруживается в степени реализации интеллектуального потенциала управленцев, а это, в свою очередь, зависит от состояния общества. Поэтому, с одной сто-

роны, интеллектуальное развитие субъекта управления является одним из источников развития другого человека и общества, следовательно, источником эффективности управления. Выполняя свои управленческие функции, руководитель, являясь элементарным носителем интеллектуального потенциала, реализуя его, тем самым способствует развитию социальных связей и отношений, то есть его деятельность проявляется как определенный способ межличностного взаимодействия, направленный на изменение окружающего мира. Но мера интеллектуальной активности, в определенной степени, зависит от уровня развития интеллекта. «Интеллект – это целостность и гармоничность отражательной деятельности мозга, вся совокупность умственных способностей человека» [2, с. 184]. Он вбирает в себя обширные пласты человеческой культуры, и отражение окружающей действительности осуществляется на разных интеллектуальных уровнях: здравый смысл (опыт), рассудок (устойчивые структуры научного знания, законы, предписания), разум (высшая умственная способность, проявляющаяся в интеграции и создании новых форм человеческой деятельности. Для него характерны ясное осознание цели, направленность в будущее, возможность предвидения). Реализуя свой интеллектуальный потенциал на уровне разума, субъект управления тем самым способствует развитию социальной системы, улучшению качества жизни, удовлетворению потребностей объектов управления, инициирует инновационные процессы в обществе.

С другой стороны, воспроизводство творческого, талантливого, интеллектуально развитого управляющего напрямую зависит от степени зрелости, уровня развития интеллектуального потенциала общества, и чем он богаче, чем глубже, обширнее и эффективнее существующие социальные связи и отношения, тем больше шансов получить компетентного и профессионального управленца. Оба этих взаимосвязанных процесса олицетворяют идеальную модель управления, построенную на современной основе соотношения субъекта и объекта в системе управления. Известный британский ученый С. Бир, характеризуя взаимоотношения субъекта и объекта, писал: «Первый принцип управления сводится к тому, что управляющий является частью управляемой им системы. Управляющий не является человеком, посаженным над системой высшей властью, который в дальнейшем реализует свои полномочия. В любой системе... функции управления распределены по всей архитектуре. Управление совершенно невозможно

отделить от организма, но его существование вытекает из поведения самой системы. Более того, управление совершенствуется с ростом системы, и если оглянуться на историю, то станет видно, что и управляющий развивался вместе с системой» [1, с. 31].

То есть качество управления в той или иной степени определяется обществом, его интеллектуальным потенциалом, культурой, нравственным обликом. А управленцы являются продуктом определенной системы и результатом ее процветания или деградации.

Таким образом, интеллектуальный потенциал управления – это сложное социально-духовное явление, состоящее из совокупности социальных параметров (сущностных сил личности, совокупного интеллекта), функционирующее в результате диалектической взаимосвязи интеллектуального потенциала субъектов, объектов управления и общественного интеллекта. Управление может стать мощной интеллектуальной силой только в том случае, если сконцентрирует в себе интеллект не только субъектов управления, но и всего общества, высшие достижения человеческого разума и будет опираться на современные знания, талант, творчество объектов управления, а, главное, вовлекать их в управленческий процесс.

Крайне актуальной становится задача обеспечения интеллектуального управления для жизни нашего общества. Российское общество находится на такой стадии развития, когда существенно увеличился разрыв между потребностями и интересами социальных общностей, групп и слоев и потребностями и целями субъектов управления, что является основанием нарастания процесса отчуждения субъектов управления от управляемых объектов и от жизнедеятельности общества в целом. Существующая культура управления не в состоянии обеспечить процесс целостного воспроизводства как социума, так и личности. Глубинные изменения произошли в социальной структуре нашего общества. Изменилось социальное положение личности, общественных групп с высоким образовательным и профессионально-квалификационным уровнем. Деформировалась общественная оценка интеллектуального потенциала как социальной ценности, когда социальное положение все в меньшей степени зависит от уровня развития интеллектуального потенциала личности, социально-профессиональных групп.

Кризис управления во многом объясняется личностными и институциональными противоречиями, обусловленными противоречием между интеллектуальным

потенциалом общества и уровнем интеллекта субъектов управления. Это противоречие основано на классической парадигме управления, в которой господствовал механистический тип мышления, характеризующийся отношением к личности как к «винтику» технической системы. В образе нынешнего уровня интеллектуального потенциала субъектов управления это отношение проявилось особенно отчетливо.

Управление в широком смысле может рассматриваться как механизм организации общественных связей. Задачей управленческой деятельности является оптимизация и регулирование связей, основанных на контроле над поведением индивидов. Основой контроля является власть. Объем и характер власти субъектов управления в значительной мере влияют на осуществление совместной деятельности. Что касается российской действительности, то особенность управленцев заключается в стремлении овладеть и удержать статусы, связанные с властными функциями. Более того, монополия на власть превращает ее в главную ценность и мерило общественного успеха. Неконтролируемое обладание властью лишает управленцев рациональности и предсказуемости, предоставляет им неограниченные возможности манипулирования сознанием и поведением других людей. Обществом не осознается место и роль управления в рационализации и повышении эффективности жизнедеятельности людей. Управление воспринимается не как ценность, а как некий довесок к начальнику, органу или структуре.

К тому же фактически и потенциально управленческая элита на любом уровне социальной организации, придя к власти, проявляет сверхмерную заботу о собственном благополучии. Тем самым, разум, не подкрепленный гуманистическими и моральными ценностями, легко трансформируется в чрезмерную сообразительность меньшинства, и тогда общий интерес превращается в личные намерения. То есть мотивация управления, основанная на нравственных ценностях, практически отсутствует.

История свидетельствует, что передовые позиции нашей страны в науке, образовании, военном деле, которыми можно по праву гордиться, во многом были обусловлены созидательной деятельностью некоторых руководителей и управленческих прорывами. Официально провозглашенная концепция качественного преобразования всех сторон жизнедеятельности в 90-х годах прошлого столетия превращается в попытки бесконечного реформирования лишь некоторых структур методом проб и ошибок и

пока не дает ощутимых результатов. Для развития общества необходимы целостное видение ситуации, основанное на научных управленческих знаниях; системно организованное управляющее интеллектуальное взаимодействие, талантливые и хорошо подготовленные люди. Практика функционирования нашей управленческой системы показывает, что появляется новое поколение управленцев, склонных к осуществлению инновационного менеджмента, обладающих творческим, нестандартным подходом к делу, высокой мотивацией достижений, ориентацией на будущее, достигающих успеха в некоторых сферах деятельности. Но преобладающий традиционный тип управленческой культуры не способствует системному, эффективному и максимально полному использованию их инновационного потенциала, преодолению инертного, безразличного, исполнительского мышления большинства субъектов управления. Тем самым образованность, интеллектуальная самостоятельность, высокая квалификация, талант подменяются клиентельными, верно-подданническими принципами формирования управленческих кадров.

Закрытая система рекрутирования, отсутствие подлинной конкурентности дают основание утверждать о вытеснении общественного интеллекта из сферы управления социальными институтами, обеспечивающими приток молодых творческих управленческих кадров, аккумулирующих знания законов социального управления и способных их реализовать в интересах общества. Общество, где не развиты общественные организации и социальные институты, отнюдь не свободные от государства, не только не способствует социальному контролю над управленческой деятельностью и эффективному ее осуществлению, но и ограничивает многообразие деятельности индивида и подминает его под себя. Управляющая система оказывается оторванной от управляемой. В результате управляющая система, демонстрируя нарастающую безответственность, начинает работать на себя, власть используется в личных интересах и в интересах клиентельной группы. Общественные публичные интересы вытесняются частными. Но, поскольку личность и общество имеют свои потребности и цели, то в итоге социальная система начинает функционировать за счет запуска своих механизмов, основанных на доминировании принципа индивидуального самообеспечения, — каждый выживает, как может.

Таким образом, существующая модель управления функционирует преимущественно на человеческих страстях, мотивах

страха, принуждения, юридических санкциях, насилии. Интеллектуальный потенциал субъектов управления оказывается реализованным на уровне личных потребностей и интересов и является созидательным для себя и разрушительным для других. То есть, общество и индивид превращаются в средство достижения цели узкого круга лиц.

Сохранение данной тенденции способствует появлению серьезных патологий в обществе. По мнению А.И. Пригожина, «будем считать организационными патологиями причины устойчивого целедостижения организаций. Это значит, что если организация по каким-либо причинам постоянно не в состоянии достичь поставленных целей, либо это достижение затруднено (по затратам, по времени, по полноте), значит, в ней завелась некоторая патология» [3, с. 96]. Думается, что патологии в социуме обусловлены проявлениями патологий в реализации интеллектуального потенциала субъектов управления, в результате чего система управления лишается внутреннего совершенствования, развития и самоуправления, снижается ее интеллектуальный потенциал и культура в целом.

Между тем, управление призвано обеспечить не только существование, воспроизводство системы, но и порядок ее постоянного обновления и развития. Управление представляет собой диалектическое единство преемственности и инновации.

В российском обществе назрела серьезная проблема отставания управления от динамики социально-экономических процессов, происходящих в социальной системе. Это выражается в противоречии между наличием старых, а иногда и патриархальных методов, форм и средств управления и новыми требованиями и целями современных социальных процессов, прослеживается нарушение баланса между мерами оперативно-технического регулирования и его концептуальными формами. Это подтверждается отсутствием конкретных программных установок, научного анализа экономической, социальной, интеллектуальной реальности и потенциальных возможностей общества. Тем самым наблюдается отсутствие как прогрессивной доктрины развития общества, так и соответствующей ей доктрины управления [4, с. 18].

В современных условиях возросла степень разнообразия общественной системы. Реализация общественного интеллекта осуществилась в различных формах собственности, усложнении политической системы, многопартийности, идеологического плюрализма, развития науки, знаний, инфор-

мации и т.д. Переход к информационному этапу развития мирового сообщества, возможность инкорпорации России в международное информационное пространство объективно предполагают замену традиционных систем управления, формирования принципиально новых подходов в управлении, изменения принципов и технологий информационного и коммуникативного взаимодействия в управленческом процессе и трансформации знаний в управленческие инновации.

Культура управленческой деятельности связана, прежде всего, с развитием и реализацией интеллектуальных, нравственных и творческих сил человека, со способом его самореализации и самовыражения. Сама инновация выступает как целенаправленная реализация именно того потенциала, который заключен в творчестве, присущем инновационному типу личности управленца. Изменение вектора и динамики развития России осуществимо в атмосфере социального творчества, поиска, инициативы, знаний и таланта, которые поддерживаются и укрепляются обществом.

Актуальность изменения культуры управленческой деятельности определяется необходимостью: 1) преодоления сопротивления социальных групп, участников процесса управления, не желающих терять свой статус, общественное положение, менять социальные роли и формы активности; 2) качественного обновления участников процесса управления, вовлечения в управленческую деятельность наиболее талантливых, имеющих высокий духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал, профессионально состоятельных людей; 3) поиска и активного использования источников саморазвития профессиональной группы управленцев, совершенствования на этой основе методов социальной диагностики, разработкой и внедрением инновационных социальных технологий.

Современная культура управления должна основываться на новой парадигме интеллектуального управления, на разуме, максимально эффективной его реализации, управленческих знаниях, научном проектировании и программировании, инновационной доминанте в управленческом процессе.

Предлагаемая концепция новых управленческих отношений базируется на следующих методологических принципах. Во-первых, характер и природа связей и взаимоотношений между объектами и субъектами управления обусловлены типом социально-экономического и общественно-политического развития общества. Хотя культура управления основывается на исторически сложившихся формах, однако она во многом зависит от индивидуальных особенностей управленческого взаимодействия. Формы и способы этих взаимосвязей определяют положение субъекта и объекта управления в социальной системе. Во-вторых, современная эпоха предполагает переход к новому типу мышления и новым социально-организационным формам интеллектуального взаимодействия, направленным на восприятие человека как главной цели и «меры всех вещей». Гуманизация общественных отношений заключается в создании оптимальных условий и эффективной адекватной среды для актуализации потенциальных сил человека, в развитии свободного и творческого индивида. В-третьих, свобода личности зависит, прежде всего, от степени овладения ею знаниями о законах развития природы, общества, мышления, управления, возможности эффективного применения этих знаний в общественной практике. Знания и информация являются формами актуализации интеллектуального потенциала и неизбежно становятся стратегическими ресурсами управленческого процесса. Современный руководитель – это «человек, отвечающий за применение и эффективность знания». Управленец, реализующий эти знания, способен эффективно регулировать разнообразные социальные и экономические процессы на основе творческого поиска оптимальных управленческих решений.

Задача современного управления – это поиск новых форм социального взаимодействия, реальное вовлечение общественного интеллекта в процесс принятия решений, превращение его в главную производительную силу и форму общественного богатства.

Таким образом, свойство интеллектуального потенциала – разумность – должно стать лекарством от патологических отклонений в развитии общества.

1. Бир, С. Мозг фирмы [Текст] / С. Бир; пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 416 с.

2. Крамаренко, В.Ю. Интеллект человека [Текст] / В.Ю. Крамаренко, В.Е. Никитин, Г.Г. Андреев. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 183 с.

3. Пригожин, А.И. Методы развития организаций [Текст] / А.И. Пригожин. – М.: МЦФЭР, 2003. – 864 с.

4. Управленец-менеджер XXI века. Проект: выявление и развитие управленческих способностей учащихся [Текст] / А.Г. Гладышев [и др.]; под общ. ред. В.Н. Иванова; Акад. наук социал. технологий и мест. самоуправления. – М.: Муниципальный мир, 2003. – 151 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И СТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ

УДК 329:0/9

А.В. СКИПЕРСКИХ

Процесс демократизации политических институтов происходит при непосредственном участии такого актора, как интеллектуалы. Объективации участия интеллектуалов, презентовавших в идеологическом вакууме трансформаций собственные политические проекты, имели и имеют место даже в тех политических системах, где демократические достижения не выглядят значительными. Исключением не стал постсоветский политический процесс. Наша задача – постараться разобраться в политическом многообразии групп интеллектуалов, претендовавших на институционализацию как в период, предшествовавший распаду СССР, так и в первые годы узбекской независимости. Выявление специфики легитимации оппозиционных интеллектуальных проектов в Узбекистане, на наш взгляд, может способствовать определению некоего фреймового сценария легитимации демократических институтов (и, конкретно, роли интеллектуалов в их проектировке и сопровождении) в республиках Средней Азии в целом. Интеллектуалы как творческие политические акторы принимали в них непосредственное участие. Масштабы политической партиципации представителей университетской профессуры, артистической богемы, писателей, поэтов и музыкантов были действительно очень значительными. Референтность акций культурной элиты не вызывала сомнений. Вообще, интеллектуал осуществляет важную функцию аккумуляции и трансляции знания, заметно редуцирующуюся в периоды политических трансформаций, в условиях идеологического вакуума и ценностных коллапсов. Как отметит Р.Арон, «всякий политический режим открывает

возможности перед теми, кто обладает способностью манипулировать словами и идеями» [1, с. 183].

Демократические перспективы в Узбекистане были почувствованы оппозицией из интеллектуалов ещё задолго до постсоветских трансформаций, что позволило ей вполне организованно заявить о своих намерениях. Рост движений узбекских интеллектуалов синхронизируется с институционализацией подобных движений в других постсоветских системах. Распад монопартийной системы и переход к многопартийности оптимизировал политическое и партийное строительство и в Узбекистане.

В 1988 году была основана партия «Бирлик» (Единство). В «Бирлике» нашли общий язык известные узбекские интеллектуалы – университетская профессура, музыканты, писатели, учёные. Все творческие площадки узбекского общества так или иначе были представлены интеллектуальным референтным движением, что поддерживало его массовизацию и популярность. Ядро «Бирлика» составляли М.Салих, А. Пулатов, В.Иноятова, Д. Хасанов, З. Хакназаров*. Партия приобрела огромную популярность, что позволило ей значительно расширить социальную базу поддержки. Всё чаще акции «Бирлика» находят понимание у городской интеллигенции и студенчества, поддерживающего М. Салиха в противостоянии с республиканской властью. Именно студенты стали главной движущей силой турецко-месхетинских погромов в Ферганской долине в 1989 году. Идеологически программа «Бирлика» была для них вполне привлекательна.

Как и другие демократические движения, возникающие в то время на пост-

* Мухаммад Салих (Салай Мадаминов) – узбекский поэт, сценарист, один из основателей движения «Эрк». Депутат Верховного Совета Узбекистана. В настоящий момент преследуется режимом И.Каримова и проживает в Швеции.

Абдурахим Пулатов (Пулат) – узбекский учёный, доктор технических наук, один из основателей и руководителей «Бирлика». В настоящий момент проживает в США.

Васила Иноятова – правозащитница, лидер правозащитной организации «Эзгулик».

Дадахон Хасанов – популярный узбекский поэт и певец, основатель движения «Бирлик».

Захид Хакназаров – дирижёр, композитор, профессор, сопредседатель «Бирлика».

советском пространстве, «Бирлик» был преимущественно ориентирован на национальное узбекское возрождение, понимаемое и интерпретируемое в различных ипостасях. Об этом, на наш взгляд, достаточно красиво высказался тот же М.Фуко: «для интеллектуала занятие политикой было обусловлено его собственным дискурсом <...> в той степени, в какой он открывал определённую истину, находил политические отношения там, где их не замечали» [14, с. 67]. Отсюда «бирликовцы» акцентировали своё внимание на многих неудобных для правящего режима темах, стремясь почувствовать политическую проблематику в дискурсах, казалось бы, не связанных с ней напрямую. Идеологи «Бирлика» выступали с достаточно релевантной тогда риторикой, призывая республиканскую власть решить вопрос статуса узбекского языка, обратить внимание на экологические проблемы (высыхающее Аральское море), покончить с беспределом в армии, от которого страдали узбекские призывники. Призывы оставлять служить узбекских юношей на территории Узбекистана находили большую общественную поддержку. М. Салих акцентировал внимание общественности и на проблемах образования, говоря о том, что «резко сокращено количество часов узбекского языка и литературы в младших классах» [11, с. 235]. Количество сторонников «Бирлика» быстро увеличилось и по некоторым оценкам к началу 1990-х гг. (самый романтический период в деятельности партии) могло достигать порядка 300 тысяч человек. В 1991 году «Бирлик» был официально зарегистрирован. Через 2 года деятельность «Бирлика» в Узбекистане была прекращена – режим И. Каримова усиливался, что делало данную меру вполне оправданной. Сейчас «Бирлик» не является официальной партией, что исключает её из числа соискателей парламентских мандатов, права выдвижения кандидатуры на пост президента и т.д. Подобная конъюнктура неизбежно сказывается на оттоке электората «Бирлика». Отчасти именно этим объясняется стремление лидеров «Бирлика» искать новые формы институционализации (участие в новой политической силе – «Солнечной коалиции»).

Деятельность «Бирлика» становится полуправовой и сводится к выпуску

различных изданий. Издаётся интернет-журнал «Харакат», позволяющий себе достаточно смелые высказывания в адрес власти. В свою очередь власть выстраивает отношения с «Бирликом» в предельно жёстком формате, включающем тотальное давление на отдельных интеллектуалов, запугивание, избиение, поджоги, похищение людей [9]. Отсутствие гарантий безопасности заставляет бирликовцев уезжать из Узбекистана в Турцию, Норвегию, США, Украину. Лидер «Бирлика» А. Пулатов проживает в Вашингтоне. Технологии противодействия интеллектуалам узбекской государственной машиной охватывают и информационное поле. Весьма резкие риторические фигуры периодически выбрасываются в сторону интеллектуалов-оппозиционеров. Советник И. Каримова Л. Левитин определяет звёздные часы таких оппозиционеров – «периоды социального и духовного кризиса общества, распада государственности, смены общественных вех. Дьявольский инстинкт ведёт их (интеллектуалов) при всей их несоместимости к объединению в борьбе с властью, к консолидации усилий для того, чтобы у власти власть отнять» [7, с. 344].

Другим проектом стала политическая партия «Эрк» (Воля), созданная в 1989 году по инициативе некоторых интеллектуалов, отделившихся от «Бирлика». Одним из основателей «Эрка» стал поэт М. Салих. В то время имя Мухаммада Салиха стало упоминаться в качестве одного из символов национального возрождения, а вокруг него объединялись представители национальной интеллигенции – деятели культуры, гуманитарии, активное студенчество. Важную роль в деятельности «Эрка» играли такие популярные фигуры, как А. Арифов, К. Разыков, Т. Юлдашев.

Автором политической программы «Эрка» является известный узбекский оппозиционный политик – Т. Юлдашев. Она представляет собой призывы «установить в Узбекистане всеобщее благоденствие (бесплатное образование, здравоохранение, услуги ЖКХ, установить за счёт государства в каждом доме компьютер с выходом в Интернет и т.д.), чтобы страна через 5–10 лет стала величайшей в мире. Программа предполагала и частичную приватизацию земли [13, с. 159–160]. «Эрк», выражая радикальные требования к власти, завоевывает популярность у городской интеллиген-

ции и просвещённых провинциалов, ориентированных на агрикультурный сектор. «Многие молодые узбеки уже приобрели достаточные навыки работы с компьютером, чтобы получить материалы, которые государство старается сделать недоступными», замечает американский специалист по Средней Азии М. Олкотт [10, с. 63]. В этой связи идеолог «Эрка» неслучайно заявляет в программе «Эрка» тему Интернет, особенно актуальную для узбекской молодёжи, стремящейся к расширению информационных горизонтов.

В декабре 1991 года М. Салих баллотируется на пост президента Узбекистана от «Эрка» и набирает 12,54 % голосов. Поражение М.Салиха вызвало возмущение сторонников и становится одной из причин студенческой демонстрации в январе 1992 года в Ташкенте, разогнанной властями. Популярность «Эрка» заставляет режим пойти на крайние меры – оппозиционная партия прекращает свое юридическое существование в Узбекистане. Некоторые надежды партия связывала с возможностью поучаствовать в президентских выборах 2007 г., но правящий режим Узбекистана обезопасил себя от гипотетической делегитимации. М.Салих проживает в Швеции, как и большинство других узбекских оппозиционеров, появление которых в Узбекистане сопряжено с многочисленными рисками.

В условиях жесткой конкуренции на правом фланге политического спектра Узбекистана «Бирлик» и «Эрк» так и не могли обойтись без политических разногласий. Определенная напряженность может существовать и в данный момент. Внутри самих партий наблюдается высокая текучесть. Некоторые интеллектуалы, нуждаясь в трибуне, склонны давать собственную интерпретацию происходящим конфликтам и их причинам [4]. Атмосфера подозрительности провоцирует взаимные обвинения в «двурушничестве», в лояльности властям. Так, «часть эрковцев открыто призывают к свержению «режима Каримова» и при этом свободно ездят по стране, агитируют, живут на широкую ногу. Других арестовывают, пытаются, подвергают гонениям. И те и другие обвиняют друг друга в сотрудничестве с узбекскими, американскими и турецкими спецслужбами» [13, с. 161].

В начале 1990-х гг. из структур «Бирлика» вышла и партия «Озод дехконлар

партияси» (Свободные крестьяне). Потенциальная социальная база данного проекта – узбекские дехкане – уже находилась в сфере интересов власти. Но это происходило лишь на этапе становления узбекской многопартийности. Потом партия на некоторое время выпадает из реального политического дискурса. Тем не менее, в начале 2000-х гг. происходит ее возрождение, причем бренд «Озод дехконлар партияси» удается интеллектуалам удержать за собой. На I Курултае партии, состоявшемся 6 февраля 2003 года в Ташкенте, было объявлено о создании в Узбекистане новой оппозиционной силы и при этом обнародованы устав партии и программа, определены цели и задачи. Ядро «Озод дехконлар партияси» составляют такие политические деятели, как М. Маликов, О. Каримов, З. Саидов. Весьма популярны у сторонников партии и политики-женщины – кандидат исторических наук Н.Хидоятова и правозащитник Е.Урлаева.

«Озод дехконлар партияси» ориентирована на зажиточных фермеров, на предпринимателей, ориентированных на село, наконец на самих дехкан. По различным данным, в партии состоит порядка 100000 человек, преимущественно из крестьянского населения Ферганской долины. Н.Хидоятова в интервью независимому изданию «Фергана.РУ» подтверждает это. «Прежде всего – почему идет такое стремительное обнищание дехкан [крестьян]? Почему до сих пор не решен земельный вопрос? Почему в кишлаках [селах] такая массовая безработица? Почему женщины из кишлаков идут наниматься мардикерами [поденными рабочими] на базарах? Почему приходят в негодность сельские школы? Почему наши дехкане до сих пор бесправны и на них смотрят как на людей второго сорта. <...> И делаем это не ради власти, а ради того, чтобы жил наш народ – крестьянин, кормилец, защитник, труженик – жил достойной жизнью, а не как гражданин второго сорта» [16]. Из обращения Н.Хидятовой видно, что партия использует весьма популярную риторику – её требования понятны и лаконичны. Интеллектуалы «Озод дехконлар партияси» выступают весьма референтной группой. Популярность «Озод дехконлар партияси» увеличивалась на фоне большого количества массовых и стихийных акций протеста узбекских крестьян, прока-

тившихся по ряду регионов Узбекистана в 2004 году. Тогда крестьяне проявили себя как оппозиционная сила, способная, с одной стороны, переворачивать милицейские машины и торговые ряды, а интеллектуалы, с другой, выглядеть искусственным переговорщиком, решая вопросы с властью с пользой для себя.

Конечно, трудно говорить о том, что «Озод дехконлар партияси» является наиболее оптимальным оппозиционным проектом в современном Узбекистане, хотя руководством партии предпринимаются активные попытки позиционирования именно такой единственной силой. «Озод дехконлар партияси» активно сотрудничает с американскими НПО, занимающимися развитием демократии в Средней Азии, с блоком «Наша Украина», киргизскими и грузинскими партнёрами. «Озод дехконлар партияси» выступила с резким осуждением действий И.Каримова по событиям в мае 2005 года в Андижане, что, несомненно, прибавило ей рейтинговых очков.

Интересно, что андижанские события мая 2005 года стали результатом деятельности организации «Акримийя» – радикального религиозного течения, по мнению узбекских властей, связанного с «Хизб-ут-Тахрир» и с ИДУ (Исламским движением Узбекистана). К деятельности «Акримийи» также могли быть причастны интеллектуалы, иначе сложно было бы говорить о ее популярности, достигшей серьезных масштабов. Понимая, какую роль может сыграть мобилизованный и управляемый ислам в отдельных узбекских регионах, некоторые интеллектуалы пытаются разыграть и эту карту. Так, основателем «Акримийи», в данный момент отбывающим наказание, является А.Юлдашев, у которого существует много прозвищ, каждое из которых так или иначе выдает в нем интеллектуала – «мулла», «учитель математики», «независимый исламовед». За короткий промежуток времени А. Юлдашев смог создать достаточно независимую организацию – общину, защищавшую своих членов экономически, что для многих неопитов было важным аргументом в пользу вступления в неё. Официальный Ташкент разглядел в деятельности «Акримийи» экстремистские мотивы, что послужило прекращению ее деятельности. Понимая, как важно по горячим следам сформулировать собственную позицию в

отношении андижанских событий, «Озод дехконлар партияси» попыталась заявить о себе рядом акций, способных вызвать к жизни информационные поводы. Важным имиджевым решением «Озод дехконлар партияси» была попытка подсчитать количество жертв андижанской трагедии. Активисты партии ходили по домам и записывали имена и данные о погибших. Достаточно жесткая реакция на андижанские события последовала и со стороны зарубежного сообщества, позиция которого во многом совпадала с позицией узбекской оппозиции. «За Андижан и суд власти Узбекистана уже понесли суровое наказание. Их страна стала классическим «изгоем» [15, с. 44]. Некогда стратегические отношения с США, являвшимися ключевым геополитическим партнером Узбекистана в регионе, начинают стремительно портиться.

Вместе с тем, «Озод дехконлар партияси» не удалось консолидировать узбекскую оппозицию и выступить авторитетной политической силой для узбекских правых националистов из «Бирлика» и «Эрка». Узбекские оппозиционеры в то же время не могли не понимать, что для успешного сопротивления правящему режиму И.Каримова необходим один проект, который сможет выразить в своем политическом тексте наиболее репрезентативные программные положения для всех оппозиционных сил узбекского политического спектра. Вполне вероятно, что это послужило причиной институционализации еще одного проекта – «Серкуеш Узбекистоним» («Солнечный Узбекистан», другое название «Солнечная коалиция»). Лидерами коалиции являются Н. Хидоятова и С. Умаров. В «Солнечную коалицию» вступает и молодежно-демократическая партия «Довюррак».

По словам С. Умарова, программа «Серкуеш Узбекистоним» «начала привлекать многих предпринимателей, научных сотрудников, артистов и правительственных служащих среднего звена» [6]. К данному проекту также имеют отношение узбекские интеллектуалы, сумевшие вовремя оценить политическую конъюнктуру в республике накануне предстоящих электоральных циклов. Целью «Серкуеш Узбекистоним», озвученной на учредительном съезде 20 апреля 2005 года, является «не организация массовых акций протеста или подготовка «цветной революции», а объ-

единение демократических сил страны для конструктивного диалога с властью о необходимости политических и экономических реформ» [13, с. 163]. Но С. Умаров высказается, что создание коалиции было во многом вдохновлено «тюльпановой» революцией в Кыргызстане и что «та же самая участь ждет и узбекский режим, и когда он падет, то на его месте должен быть план по спасению нашей страны от экономического и политического хаоса» [6].

Апелляции к экономическим и политическим реформам со стороны лидеров «Серкуеш Узбекистоним», с точки зрения автора, выглядели недостаточно акцентированными. И на это были свои причины, скрывающиеся в опыте предыдущего сопротивления правящему режиму.

Несомненно, данные декларации позволяли почувствовать, что «Серкуеш Узбекистоним» опасался судьбы своих политических предшественников, поэтому «мягкость» риторики должна была как-то сказаться на гипотетических шансах правящего режима и легитимировать данный проект. Тем не менее, через месяц произошли беспорядки в Андижане, которые привели к их подавлению правящим режимом. Разумеется, представители «Серкуеш Узбекистоним» не могли не высказать своего резкого отношения к действиям режима, потребовав немедленной отставки правительства и проведения досрочных выборов президента Узбекистана в трехмесячный срок. Дальнейшее развитие политического процесса показало, что высказанное отношение к андижанским событиям и призывы отправить в отставку правительство и президента выглядели скорее как популистские ходы. В условиях, когда Конституция Узбекистана является единственной на постсоветском пространстве, исключающей процедуру импичмента президенту, данный шаг мог выглядеть довольно смешным. Трудно было представить себе правящий режим Узбекистана внимающим данным требованиям оппозиции. Поэтому и выходит, что подобная риторика остается и используется оппозицией. Используется за неимением других более эффективных средств контроля и выражения собственного мнения.

Р. Дарендорф заметил однажды, что «непрерывной составляющей гражданского общества являются интеллектуалы.

Свободная страна нуждается в критиках, не повязанных структурами власти» [2, с. 74]. В этом отношении, конечно, ситуация в Узбекистане значительно отличалась от других постсоветских государств, где интеллектуалам на короткое время удалось легитимироваться в структурах власти (Украина, Грузия, Азербайджан, Армения). В условиях политических постсоветских трансформаций слабость институтов во многом создавала интеллектуалам оптимальную диспозицию, позволявшую им задавать вопросы режиму, подвергая сомнению его легитимность. М. Доган подтверждает, что «когда интеллектуалы ставят под сомнение существующий режим, его легитимность оказывается более слабой» [3, с. 155]. Ситуация в Узбекистане на начальном этапе постсоветского транзита подтверждает это. Будучи не обремененными обязательствами перед обществом и его ожиданиями, интеллектуалы получили некоторое преимущество, позволявшее им критиковать режим. Правда, развитие узбекского политического процесса показало, что интеллектуалы не превратились в заметного и активного политического актора. Этому способствовал целый ряд причин, связывающихся, прежде всего, с дефиницией правящего режима в Узбекистане [13, с. 78–79]. К слабости позиции интеллектуалов имеет отношение и внешний фактор. Сближение с мощными геополитическими союзниками, заинтересованными в стабильности, позволяет правящему режиму проводить весьма бесцеремонную политику в отношении узбекских интеллектуальных сил, потому как именно при их непосредственном участии поддерживается нестабильность в стране, гипотетически способная распространиться и на весь регион в целом.

Содействует правящему режиму в устранении интеллектуалов с политического поля и Россия, больше заинтересованная в стратегическом партнерстве в Центральной Азии, нежели в продвижении и развитии демократии в регионе. Собственную незаменимость И. Каримов демонстрирует практически всем авторитетным геополитическим партнерам: «Ислам Каримов в течение практически всего своего правления умудрялся искусно лавировать между основными внешнеполитическими партнерами, сохраняя хорошие отношения и с США, и с Россией, и с Китаем. За эти годы

президент Узбекистана почти убедил все эти страны в своей незаменимости» [5, с. 54]. Понятно, что в подобных условиях, когда у правящего режима существует достаточно высокая внешняя легитимность и когда по многим причинам И. Каримов оказывается выгоден в контексте существующих геополитических трендов, говорить о том, что интеллектуалы могут превратиться в ключевых политических акторов, не приходится.

Таким образом, ресурсы интеллектуальной оппозиции значительно проигрывают ресурсам правящего режима. Несмотря на демонстрируемые претензии на легитимацию, интеллектуалы пока не могут инкорпорироваться в узбекскую правящую элиту. Правящий режим, будучи сильно консолидированным, блокирует подобные вызовы со стороны интеллектуалов как оппозиции. Здесь можно найти определенные параллели с выведенной М. Фуко зависимостью, заключающейся в том, что «власть господствующих пытается удерживаться с тем большей силой,

с тем большей хитростью, чем сильней сопротивление» [14, с. 240]. Подавление интеллектуалов в большей степени устраивает правящий режим И. Каримова, нежели поиск вариантов дорогого консенсуса. В то же время, следуя логике других известных формул, следует отметить, что «усиление власти в политической системе делает возможным смену представителей власти, по крайней мере, на самых высших позициях» [8, с. 132]. Это означает, что усиление правящего режима И. Каримова может неизбежно привести к смене элит. Внутреннее напряжение режима может обеспечить власти неблагоприятные эффекты. Интеллектуалы, понимая это, продолжают осторожные попытки расшатывания режима как изнутри, так и снаружи, используя для этого все имеющиеся у них ресурсы, начиная от относительно политических методов и заканчивая радикальными, относящимися к исламскому фактору техниками. Как будет развиваться ситуация в Узбекистане в дальнейшем, – покажет время.

1. Арон, Р. Опиум интеллектуалов [Текст] / Р. Арон // Логос. – 2005. – № 6 (51). – С.182 – 205.
2. Дарендорф, Р. Дорога к свободе: демократизация и её проблемы в Восточной Европе [Текст] / Р. Дарендорф // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 69 – 75.
3. Доган, М. Легитимность режимов и кризис доверия [Текст] / М. Доган // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 147 – 155.
4. Захидов, М. Как на скандалах разваливалось оппозиционное и правозащитное движение в Узбекистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://salay.wordpress.com/2007/12/03/uzbek/> (дата обращения: 03.08.2010).
5. Зыгарь, М. Мастер-класс Ислама Каримова [Текст] / М. Зыгарь // Коммерсант-Власть. – № 20. – 2005. – 21 мая. – С. 52 – 55.
6. Интервью с Санжаром Умаровым – лидером оппозиционной Коалиции «Солнечный Узбекистан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irinnews.org/> (дата обращения: 03.08.2010).
7. Левитин, Л. Узбекистан [Текст] / Л. Левитин. – М., 2001. – 351 с.
8. Луман, Н. Власть [Текст] / Н. Луман. – М., 2001. – 256 с.
9. Микеладзе, Н. Последний враг Ислама Каримова (Быть узбекским диссидентом грустно. И опасно) [Текст] / Н. Микеладзе // Новые Известия. – 1998. – 17 февраля.
10. Олкотт, М.Б. Центральная Азия: перспективы смены власти [Текст] / М.Б. Олкотт // Pro et Contra. – 2005. – № 1. – С. 52 – 72.
11. Салих, М. Опасная зона? [Текст] / М. Салих // Дружба народов. – 1987. – № 12. – С. 233 – 236.
12. Скиперских, А.В. Оппозиционные партии в России и Узбекистане: специфика институционализации в постсоветский период [Текст] / А.В. Скиперских, А.В. Толочко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – № 1. – С. 72 – 79.
13. Средняя Азия: андижанский сценарий? [Текст]. – М., 2005. – 192 с.
14. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью [Текст] / М. Фуко. – М., 2002. – 320 с.
15. Хайден, У. Стратегия узбека [Текст] / У. Хайден, И. Ротарь // Русский Newsweek. – № 44. – 2005. – 21–27 ноября. – С. 44 – 45.
16. Хидоятова, Н. Надо учиться жить в современном, цивилизованном демократическом обществе [Электронный ресурс] / Н. Хидоятова. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1106787780> (дата обращения: 03.08.2010).

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СИНДРОМ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ДОЛГОСРОЧНЫМ РАЗВИТИЕМ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 323

Е.А. ПОПОВА

Влияние политического действия представителей правящей элиты на экономическое развитие регионов практически не исследуется представителями общественных наук, главным образом из-за трудностей, связанных с выявлением соответствующих детерминант. В лучшем случае все ограничивается констатацией существующего положения без анализа возможных сценариев трансформации политико-экономической системы.

Однако усложнение экономических взаимосвязей подразумевает необходимость выявления взаимосвязей между политикой и экономикой, которая должна иметь не только объяснительную ценность, но и ценность для осуществления прогнозов, подразумевающую ответственность политиков за принятые решения и ограничительные рамки для вмешательства в экономические процессы. Рамки для осуществления политики очень важны. Считается общепризнанным, что без уточнения обстоятельств рассмотрения функционального или целевого контекстов политической задачи невозможно дать ее однозначного универсального определения [7, с. 15], а значит и выбора оптимального варианта решения.

В современной России формальная политическая инфраструктура встроена в социально-политическую систему и «вертикаль власти». При этом используемые модели управления и анализа результативности управленческих воздействий очень инертны и не соответствуют требованиям модернизационного развития страны.

Ведя речь о механизмах государственного регулирования социально-экономического развития регионов современной России, мы должны учитывать, что такие механизмы имеют отличия, связанные с

особенностями соответствующих политических режимов. В настоящее время эти различия мало существенны, что, впрочем, не означает возможности роста их важности в кризисных ситуациях. С точки зрения автора гораздо важнее базовые детерминанты, определяющие главное воздействие на элементы сложной системы экономико-социальных взаимодействий.

Для понимания онтологической сущности детерминант обратимся к особенностям становления современной системы политического управления региональными экономиками. Хотя Россия перешла от государственной экономики к экономике, включающей рыночные элементы, тем не менее, набор методов управления, который был типичен для Советского Союза, применяется и в настоящее время, что может быть названо *постсоветским политико-психологическим синдромом*. Поясним смысловое наполнение приведенного словосочетания. Акцент на психологической составляющей неслучаен, поскольку через ментальность можно понять противоречия между декларируемыми политическими целями и практикой политических действий, обусловленной накопленным опытом функционирования бюрократического аппарата.

В СССР коллегиальность управления фактически маскировала авторитаризм при принятии решений, затрагивающих сферу как краткосрочного, так и долгосрочного развития. Культ власти представителей бюрократии – это критическая проблема повседневных управленческих практик, позволяющая найти ключ к пониманию системных свойств существующей модели развития.

Несмотря на произошедшие в 1988–1991 годах качественные изменения при переходе от партийной системы руко-

водства экономикой к демократическим формам управления и осуществление изменений в конфигурации властных структур, бюрократия сумела приспособиться к новым формам существования. В результате складывались системные условия злоупотребления властью. Россия стала одной из самых коррумпированных стран [1, с. 4].

В России нео-патримониальное государство и патерналистски ориентированный социум влияют на принципы работы политических, экономических и социальных акторов. Несмотря на существующие электоральные механизмы, политическая власть воспринимается правящей бюрократией как имманентно принадлежащая элите. Поскольку административные ресурсы достаточно легко могут конвертироваться в богатство, то интересы долгосрочного развития региональных экономических систем отходят на второй и даже на третий план. На первом же плане оказываются интересы получения статусной ренты.

В результате государство в его нынешней форме не отражает интересы всего общества, а только его части. Углубляющийся раскол между государством и обществом можно рассмотреть как одну из главных причин неудавшихся попыток модернизации страны в целом и экономических систем регионов. В этом контексте для развития государства становится актуальной потребность в новом механизме планирования долгосрочного развития, обеспечивающем координацию между местными и федеральными властями.

Этот механизм должен предусматривать многовекторность и многоуровневость. Существующее разнообразие форм осуществления экономической политики, а также разнообразие капиталистических форм отношений, в экономически развитых странах не просто факт, но также и факт, достойный похвалы.

Развитые рыночные экономики ориентированы на поиск эффективных решений на микроуровне – муниципальном и неформализованных местных сообществах. Результатом становится вовлечение в политику развития большого числа ранее незадействованных акторов. Такой подход в настоящее время в России отсутствует, что также является следствием

постсоветского политико-психологического синдрома.

Было бы ошибкой противопоставлять сильное государство и социально-политические сети негосударственных акторов. При рассмотрении развитых рыночных экономик необходимо констатировать, что каждая из них имеет, кроме развитого рыночного сектора (автономная экономическая система), эффективную *власть*, способную на нормативном уровне регулировать процессы развития, а также эффективно функционирующее гражданское общество, в котором воспроизводятся неформальные нормы и стимулы развития.

Системная проблема современной России состоит в том, что в каждой из упомянутых трех критически важных для развития сфер наличествуют глубоко внедренные системные дисфункции. Россия только не сталкивается с трудностями внедрения рыночных форм хозяйствования, но и с неэффективностью «вертикали власти», а также недостаточным развитием гражданского общества. Корни указанных дисфункций находятся в политических ограничениях, формируемых правящей элитой, и в процессе присвоения представителями бюрократии избыточных прав. Неспособность общества ограничить власть чиновников на всех уровнях через установление прозрачных процедур для управления возможными противоречиями и конфликтами интересов становится угрозой для достижения долгосрочных целей развития.

В России представители бюрократии отдают предпочтение политической лояльности в ущерб процедурной рациональности. Типичны для государства: недостаток организационного дифференцирования и ясного установления границ компетентностей и межорганизационных границ, низкий уровень ответственности за исполнение решений, обусловленные неприятием со стороны бюрократии прозрачности процедур регулирования экономической жизнью.

К примеру, в настоящее время неоправданно усложнен доступ к документам территориального планирования, общественность практически не привлекается к обсуждению проектов развития территорий и т.д. Соответственно невозможно адаптировать политические структуры к

изменениям социальных потребностей населения, что в экономически развитых странах является предварительным условием эволюционного развития регионов и муниципальных образований.

Председатель Счетной палаты РФ С.В. Степашин утверждает: «Эта проблема решается через повышение эффективности и результативности бюджетных ресурсов. Через критическое сопоставление доступных финансовых средств и целей, на достижение которых они будут потрачены. Однако правовые основы социально-экономического прогнозирования, созданные в 1990-е годы, выполнили свою миссию. Сейчас они нуждаются в серьезном совершенствовании, так как не отвечают современным задачам прогнозирования. Все это тесно связано с поиском новых ориентиров развития для посткризисного мира, поскольку прежние системы «навигации» как на национальном, так и на международном уровне оказались недостаточно точны» [6, с. 2].

Согласно канонам политической теории высокопоставленные государственные служащие способны поддержать соответствующими управленческими решениями широкие общественные интересы и предотвратить потенциальное злоупотребление властью политических деятелей, ориентированных на политический лоббизм интересов крупных коммерческих структур в ущерб интересам населения. Соответственно важнейший фактор достижения согласия между властью и населением – это политическое доверие.

В развитых странах доверие – это результат традиции гражданского общества, предусматривающий способность и готовность граждан к самоорганизации для решения общественно значимых проблем [10]. Основанная на доверии и при этом правильно выстроенная региональная политика в области пространственного планирования способствует сбалансированному социально-экономическому развитию регионов, улучшению качества жизни людей.

Это особенно актуально для Российской Федерации, где различия между регионами и районами в экономическом и социальном развитии особенно велики, «слаба» и устарела морально и физически

инженерно-техническая инфраструктура. Для экономики России в современных условиях чрезвычайно важны разработки по комплексному развитию и организации территорий федерального, регионального и местного уровней.

Одной из попыток провести изменения в политике пространственного планирования и развития регионов Российской Федерации является создание «Концепции Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации», разработанной Министерством регионального развития. Однако в новом подходе пространственного планирования и развития территорий Российской Федерации недостаточно уделено внимания развитию человеческого капитала, созданию условий для повышения мобильности населения и трудовой миграции, а также полностью исключается политика выравнивания в развитии регионов, в то время как одной из целей пространственного планирования является именно региональное социально-экономическое выравнивание [2, с. 42; 3, с. 16].

Управление требует определенности в части разделения субъектов и объектов управления, управленческих инструментов и ресурсов. Под инструментами понимаются прежде всего нормативно-правовые основания государственных управленческих действий, под ресурсами – административные, природные, материальные, финансовые, информационные, человеческие и иные ресурсы, полномочия и политические возможности.

В результате декомпозиции проблем, требующих управленческого разрешения, формируются пакеты задач, для которых возможно определение конкретных управленческих мер, решений и действий. Каждое из них материально отображается как управленческий документ, нормативный или нормативный правовой акт, оперативно-распорядительное решение и т.п. Они должны быть выписаны в явном виде в порядке, требуемом регламентами соответствующих государственных органов власти для управленческих процедур. Совокупность подобных документов – программная составляющая программно-доктринальных актов [8, с.10]. При этом под государственное управление подпадают не только указанные

проекты, но и долгосрочное прогнозирование (форсайт).

Формирование комплекса мероприятий для включения их в программы экономического и социального развития региона опирается на выбор стратегии развития с выделенными социальными приоритетами, обеспечивающими максимальное удовлетворение региональных потребностей в объектах социальной и экономической инфраструктуры. При этом важным элементом системы критериев, определяющих ориентацию региональных программ социально-экономического развития, следует считать интегральные показатели, характеризующие целевую функцию модернизационного развития.

Оценка эффективности региональных программ социально-экономического развития должна проводиться по качественному и количественному критериям. Проверка по качественному критерию – целесообразность использования, к примеру, при реализации программных мероприятий дорогостоящих строительных материалов, художественных изделий для отделки интерьеров и фасада, машин и оборудования, а по количественному критерию – отношение сметной стоимости мероприятий, включенных в программу, к значениям результатных показателей (реализация программы, которая должна осуществляться путем сравнения анализируемых программ с программами-аналогами). Методологическая сложность подобной оценки состоит в возможности предоставления необходимой информационной базы о проектах-аналогах и максимального совпадения проектных характеристик с аналогом. Создание каталога реализованных инвестиционных проектов капитального строительства, финансируемого из средств бюджета, требует информационных и материальных ресурсов, что само по себе создает дополнительные трудности для оценки инвестиционных проектов на всех стадиях [9]. Необходимо учитывать, что регионы по-прежнему характеризуются неравенством в доступе к телекоммуникационным услугам как населения, так и заинтересованных в пользовании указанными базами данных экономических акторов.

В Российской Федерации понятие «пространственное планирование» часто подменяется его упрощенным аналогом – «территориальное планирование», которое является только инструментальной формой пространственного планирования. Однако само понятие «пространство» не ограничивается только градостроительным пространством, а включает в себя и географическое, политическое, ресурсное, экономическое, социальное, правовое пространство. Таким образом, пространственное планирование придает географическую особенность экономической, социальной, культурной, экологической и другим политикам стратегического развития региона.

Формирование системы пространственного планирования в Российской Федерации, включающей четко определенные уровни управления, а также инструменты регулирования процесса планирования на каждом уровне управления, позволят более четко контролировать процесс эффективного использования территорий с учетом экономических, социальных и экологических факторов и снизить влияние субъективного управленческого фактора. Взаимосвязь всех элементов системы пространственного планирования на всех уровнях управления позволит избежать ошибок на этапе формирования приоритетных направлений пространственного развития региона и муниципальных образований, а также выработать наиболее эффективные механизмы их реализации [3, с. 13; 4, с. 25]. Иначе говоря, чтобы преодолеть специфические региональные проблемы, необходимо широкое внедрение программно-целевого метода.

Этот инструмент обеспечивает прямую связь между распределением бюджетных ресурсов и результатами их использования в соответствии с приоритетами государственной политики как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В основе нового политического дискурса лежит принцип управления по результатам. Упомянутое предполагает установление не только прямых, но и обратных связей между процессом целеполагания и оценкой достижения заявленных политиками целей. Вот почему важным компонентом

стратегического управления выступают инструменты мониторинга и государственного аудита деятельности всех систем государственной власти, подкрепленные эффективно функционирующей системой общественного контроля.

Необходимо признать, что важнейшим условием стабильности и предсказуемости политических решений долгосрочного развития регионов должна быть юридическая определенность, предсказуемость налоговой политики, а также способность существующей в стране и в регионах системы права адаптироваться к динамичным изменениям экономических условий. Только в таком случае возможно преодоление постсоветского политико-психологического синдрома, негативно влияющего на модернизационный вектор развития страны и ее регионов.

Таким образом, современная региональная политика должна включать не только традиционное вертикальное, но и горизонтальное измерение. В частности, государство играет важную роль в международной экономической деятельности и в значительной степени несет ответственность за либерализацию торговли, о чем свидетельствует функционирование Всемирной торговой организации (ВТО) и стремление руководства России вступить в эту структуру.

Интеграция в глобальные экономические потоки означает политическую реформу государственного регулирования долгосрочным развитием. А для этого необходимо окончательно избавиться от постсоветского политико-психологического синдрома в сфере государственного и муниципального управления.

1. Бондаренко, С.В. Коррупцированные общества [Текст] / С.В. Бондаренко. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2002.
2. Никифорова, Е.С. Актуальность создания концепции пространственного планирования в РФ [Текст] / Е.С. Никифорова / Экономика и менеджмент – 2005: материалы Межд. научн. конф. – Каунас, 2005.
3. Никифорова, Е.С. Новый подход в управлении регионами [Текст] / Е.С. Никифорова / Проблемы и перспективы экономического развития Калининградской области – российского региона в центре Европы: сб. научн. тр. – Калининград: КГТУ, 2005.
4. Никифорова, Е.С. Государственная политика в области пространственного планирования в РФ [Текст] / Е.С. Никифорова / Опыт и проблемы социально-экономических преобразований в условиях трансформации общества: регион, город, предприятие: сб. материалов III Междунар. науч.-практич. конф. – Пенза: РИО ПГСХА, 2005.
5. Никифорова, Е.С. Основные направления повышения эффективности экономики, управления и качества подготовки специалистов [Текст] / Е.С. Никифорова / Сб. статей II Междунар. науч.-практич. конф. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2004.
6. Панина, Т. Не счетом единым. Сергей Степашин: Рост или падение ВВП не отражает истинное самочувствие экономики [Текст] / Т. Панина // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2010. – № 5209 (130) от 17 июня.
7. Политология: Лексикон [Текст] / под ред. А.И. Соловьева. – М.: РОССПЭН, 2007.
8. Сулакшин, С.С. Источники и основания государственных политик в России [Текст] / С.С. Сулакшин, М.Ю. Погорелко, И.В. Репин. – М.: Научный эксперт, 2010.
9. Чисников, А.В. Организационно-правовые аспекты планирования капитальных расходов регионального бюджета на основе анализа состояния социальной инфраструктуры Ростовской области [Текст] / А.В. Чисников // Технологии управления. – 2009. – № 1–2 (13).
10. Winięcki, J. Determinants of Catching Up or Falling Behind: interaction of formal and informal institutions [Text] / J. Winięcki // Post-Communist Economies. – 2004. – Vol. 16. – № 2, June.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 323

Е.А. ПУШКАРЁВ

Политическая власть представляет собой отношения между властной и подвластной структурами (государства и общества), в рамках которых предполагается возможность и способность взаимовоздействия политических субъектов с целью управления, согласования и подчинения узкосубъектных интересов политической воле посредством убеждения и принуждения. В зависимости от доминирующей роли убеждения или принуждения выделяются основные режимы существования и функционирования политической власти: тоталитаризм, авторитаризм, демократия, базирующиеся на отношениях зависимости, независимости и взаимозависимости политических субъектов, которые в свою очередь порождают различные модификации этих трех основных режимов политической власти.

Политикой является область взаимоотношений и различных видов деятельности между социальными общностями и группами людей по осуществлению общих интересов, завоевания, удержания государственной власти или влияния на нее. Политика вырабатывается и реализуется институтами власти, ибо достичь поставленных целей невозможно вне принуждения, волевых усилий и воздействий субъектов. Социальное назначение политической власти, ее институтов заключается в том, что она служит способом организации общества, ведения общих дел, обеспечения управления важнейшими сферами общественной и государственной жизни.

Управление – это специфический вид деятельности по определению целей организации, разработке механизмов их достижения и координации труда членов организации для получения результатов, соответствующих целям [3, с. 14]. Политическое управление можно определить как процесс организации политических субъектов – государственной власти и общества в соответствии с базовыми ценностями политического режима.

Процесс демократического реформирования российского общества должен опираться на соответствующую социальную базу и социально-организационные нормы управления. Необходимо, чтобы за госу-

дарственно-политическими решениями стоял не только узкий слой государственной и местной элиты, часть предпринимательских кругов, но также широкие слои общества, само население. В новой модели демократического управления между государством и обществом должны устанавливаться субъект-субъектные отношения, в результате которых значительно более важное место занимает так называемый публичный сектор и государственно-общественные структуры управления (концентрирующие партисипативные подходы).

Принципиальным фундаментом демократического управления является хорошо развитое законодательство, правовая воспитанность граждан, деятельность структур государственной власти, основанная на исполнении законов. Дальнейшее развитие правового пространства страны будет стимулировать применение демократических механизмов государственного управления, расширять возможности их реального действия.

Эффективной моделью политического управления для России современного уровня развития демократии может быть система «демократического администрирования». Прямое администрирование вписывается в традиции политического управления российской государственности, согласуется с ключевым идеологическим императивом стратегии государственного управления – курсом на политическую демократизацию. Система «демократического администрирования» должна законодательно соединить традиционные административные и либерально-демократические политические механизмы с четко обозначенными сферами и пределами действия каждого из них. При этом демократическая составляющая должна быть базовой, приоритетной, ибо через некоторый период переходного политического развития она призвана стать доминирующей в управлении.

Сложившаяся к настоящему времени система государственного управления России представляет собой вынужденное соединение разных по своему характеру типов управленческой деятельности, соединение легальных и теневых механизмов управления. Обращаясь к роли теневых от-

ношений в государственном управлении, следует отметить, что для них характерна глубокая степень интеграции в легальные властные коммуникации: бизнес, политику, науку, безопасность, партийное строительство, избирательный процесс и внешнюю торговлю. Столь значительная распространенность теневых отношений в структурах публичного управления привела к ситуации, в которой на сегодняшний день значительная часть общества уверена, что существующая официальная структура государственного управления не только не способствует консолидации общенациональных интересов, но и реализации различных индивидуальных интересов и потребностей. Нарастает отчуждение людей от государства, ослабляется действенность законодательства, размывается сам смысл права, правовых отношений.

Оперативность и гибкость теневых практик, их тесная взаимосвязь с национальной ментальностью подменяют нерезультативное функционирование официальных институтов публичного управления с крайне высоким уровнем неопределенности в процессах социальной, политической и экономической трансформации российской государственности.

Теневые практики как негативную форму неформальных практик в государственном управлении следует рассматривать в качестве одной из самых серьезных угроз национальной безопасности, способных подорвать основы российской государственности. Замещению выработанных в процессе практического взаимодействия теневых практик управления на легальные механизмы управления, как видится, будет способствовать корректировка вектора модернизационных политических процессов в сторону развития отечественных демократических форм выстраивания властных отношений с минимальным привнесением в них вестернизаторских характеристик.

Существенное воздействие на характер политико-правового управления России оказывает ее федеративное устройство. Региональная власть, являясь политическим субъектом, делит властные полномочия с центром на основе конституционных положений. Все это усложняет механизмы государственного управления, увеличивает значение переговорного процесса, тщательного учета интересов, компромиссного снятия противоречий, подробной правовой регламентации всех управленческих действий. Провозглашенные в статье 5 (п.3) Конституции Российской Федерации

политические основания федеративного устройства нашей страны породили различные политические проблемы: множественность субъектов, их разностатусность, асимметричный и диспропорциональный характер федерации, бюджетный сепаратизм, столичный эгоизм.

В научной литературе можно достаточно часто встретить положительные отзывы об эффективности федеративной модели устройства Российского государства. В частности оппоненты указывают на демократизм структурирования, функциональности и реализации государственной власти в федеративном устройстве, на солидный потенциал минимизации временных, информационных, кадровых, интеллектуальных, материальных ресурсов государства при отсутствии необходимости согласования принимаемых решений региона с центром [6, с. 16, 22]. В то же время в условиях гетерогенности российского общества, возможно, единственно адекватным инструментом эффективного управления обществом является осуществление управления государством из единого центра. Унитарная модель представляется для России более оптимальной и исторически апробированной нежели федеративная. Унитарная модель предполагает перенесение национального вопроса из плоскости государственной и гражданской в плоскость культурную, этническую, обеспечивающую в полной мере равноправие народов, возможность развития языков, культур, традиций в рамках единого государства с национально-территориальными автономиями.

Кроме того, в последнее время федеративная и унитарная модели все более воспринимаются как «чистые» теоретические концепты, идеальные типы. На практике происходит сближение этих моделей в отдельных сегментах. Федеративная модель вбирает в себя опыт и сильные стороны унитарной. Все это свидетельствует о том, что механизм политического управления не является «застывшим», навечно данным феноменом, он имеет свойство оптимизироваться, приспосабливаться в соответствии с требованиями исторического времени и политической конъюнктуры. Положительные коррективы во взаимоотношения центра с регионами внесли федеральные округа. Они несколько компенсировали неустойчивость связей между субъектами федерации, а особенно между субъектами и центром в условиях асимметричной федерации, укрепили и стабилизировали правовой характер политических

процессов, сделали более прозрачными действия региональных властей. Также в результате осуществления курса последних лет на укрепление единства российского законодательства при верховенстве Конституции РФ и федеральной нормотворческой базы преодолены перекосы в законодательстве регионов, обеспечены правовые приоритеты общегосударственного характера.

Эффективность политического управления – это относительная характеристика результативности целенаправленного взаимодействия между государственной властью и обществом. Причем оптимальным взаимодействием является такая система, в рамках которой достижение цели сопровождается затратами, сопоставимыми с возможными выгодами (и последствиями негативного характера), наступающими как в отношении конкретных субъектов, так и в отношении всего общества (государства) в целом.

Критерии эффективности – качественная сторона полученного результата. Комплексный набор критериев эффективности системы управления формируется с учетом двух направлений оценки ее функционирования: по степени соответствия достигаемых результатов установленным целям организации и по степени соответствия процесса функционирования системы объективным требованиям к его содержанию, организации и результатам [3, с. 323].

Критерии эффективности политического управления формируются на базе системы субъективных ценностей, выраженных в идеологии общественно-государственного строя, в стратегических целях правящего субъекта – политическом курсе, в концепциях, политических установках и нормах системы управления, за которыми стоят общественно-государственные интересы.

Критериями эффективности политико-правового управления в России, требующими комплексной реализации, являются:

1. Рациональность структуры и функций власти, включающей укрепление и оптимизацию вертикали власти, переход к модели «управления по результатам», а также совершенствование административных процедур.

Для современной России условием и предпосылкой усиления эффективности деятельности государственной власти является централизация власти на федеральном уровне и создание жесткой вертикали власти, обеспечивающей согласо-

ванное взаимодействие властных структур на всех управленческих уровнях. Реформа управленческих структур должна в первую очередь предполагать не количественное сокращение, которое, как это ни парадоксально, приводит не к уменьшению, а увеличению числа чиновников, а качественную реструктуризацию бюрократического аппарата.

Немаловажным направлением административной реформы следует признать переориентацию государственной власти от «управления затратами» к «управлению по результатам». Применительно к сфере государственного управления понятие «результат» выявляется через раскрытие конечного, итогового (или промежуточного, предварительного) показателя определенного вида деятельности, осуществления или, напротив, невыполнения управленческого решения. Надлежит различать планируемый (ожидаемый) и фактический (достигнутый) результат управленческой деятельности. Чем выше степень совпадения этих двух показателей, тем эффективней процесс управления. В бюджетной сфере модель «управления по результатам» предполагает полномасштабное внедрение программно-целевых методов бюджетного планирования и бюджетирования, ориентированного на результат. В бюджетную документацию необходимо включать не только информацию о результатах деятельности, но и привязывать расходы к целям, оценивать результаты деятельности на основе этих целей и использовать данную информацию для принятия решений о распределении будущего бюджета [1, с. 28–33].

Основными направлениями совершенствования административных процедур в России должны стать: 1) стандартизация выполнения государственных функций и повышение качества публичных услуг; 2) упрощение административных процедур для физических и юридических лиц; 3) правовое закрепление административных процедур; 4) развитие договорных форм предоставления публичных услуг; 5) внедрение новых информационных технологий и возможностей получения информации в электронном виде; 6) передача выполнения ряда функций в органы местного самоуправления, автономные учреждения, в негосударственный сектор [1].

Современной России нужны волевые, решительные, компетентные госслужащие, умеющие сотрудничать с различными политическими силами, обладающие потенциалом управленческих воздействий,

способные объяснить конкретные общественные явления с позиций политической теории.

Как показывает опыт многих стран, ныне существует несколько путей оптимизации системы рекрутирования политико-административной элиты. Прежде всего, это выборность и конкурсы претендентов на государственные посты, квалификационные экзамены и работа с «резервом», конструктивное взаимодействие с общественными организациями. Следует также учитывать то обстоятельство, что в такой огромной стране, как Россия, федеральная элита должна «подпитываться» провинцией, а ее подготовка и рекрутирование осуществляться на возможно более широкой территориально-географической основе.

Неотъемлемыми составными элементами механизма кадровой работы в связи с этим должны стать: а) общегосударственные и региональные выборы; б) система индивидуальных и коллективных собеседований и консультаций с соответствующими государственными и общественными структурами при отборе на работу; в) открытые (внутренние и внешние) конкурсы на замещение вакантных должностей и контракты; г) квалификационные экзамены и тестирование; д) аттестация, стажировка, испытательный срок; е) обучение в системе резерва; ж) материальное поощрение и пропорциональность дисциплинарного наказания; и) служебный и общественный контроль за деятельностью должностных лиц; к) представление декларации о доходах и имущественном положении [5, с. 5–7].

2. Легитимность власти – целенаправленная одобряемая большинством граждан законная политическая деятельность в интересах населения, стабильного без-

опасного и преемственного развития государственности. Легитимность представляет собой качество государственной системы, способствующее признанию населением публично-властных институтов адекватными конкретному этапу исторического развития общества, добровольному согласию каждого индивида следовать установленным нормативно-институциональным правилам. Легитимность власти – это «доверие и оправдание власти, ее нравственная характеристика» [4, с. 42]; это «признание или подтверждение законности права на власть, обладание престижем» [2, с. 42].

В ходе делегитимационного процесса публичная власть, в целях собственного сохранения, неизбежно выходит за рамки ею же установленными правилами социально-властной коммуникации, выраженной в нормах права, переходя в сферу теневых отношений и неправовых методов управления. По мере утраты легитимности действия власти начинают встречать все более активное сопротивление общества, возникают конфликтные условия для реализации государственной правовой политики.

3. Развитое гражданское общество – политическая деятельность граждан, осознанно ограничивающих свои личные потребности и интересы общественно-государственными, использование своих прав исполнением гражданских обязанностей.

Несомненно, определяющим фактором законопослушного поведения граждан является личный пример соблюдения законодательства должностными лицами государственных органов власти, развитые механизмы дифференцированной ответственности должностных лиц в зависимости от нанесенного им ущерба социальному престижу власти, общественным интересам.

1. Барциц, И.Н. Развитие потенциала государственного управления в России: правовые условия и критерии эффективности [Текст] / И.Н. Барциц // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 25–38.

2. Иванников, И.А. Государственная власть в России: проблемы гуманизации [Текст] / И.А. Иванников. – Ростов н/Д., 2006. – 240 с.

3. Игнатов, В.Г. Теория управления: учебное пособие [Текст] / В.Г. Игнатов, Л.Н. Албастрова. – Ростов н/Д., 2009. – 478 с.

4. Малько, А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах [Текст] / А.В. Малько. – М., 1999. – 272 с.

5. Понеделков, А.В. Формирование путей рекрутации административно-политических элит в современной России [Текст] / А.В. Понеделков, А.М. Старостин // Власть. – 2007. – № 6. – С. 3–8.

6. Титаренко, В.А. Политические механизмы управления в Российском государстве: автореф. дис. ... докт. полит. наук [Текст] / В.А. Титаренко. – Саратов, 2005. – 45 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ – ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ УСПЕХ

УДК 32.019.51

О.Н. ПОДОРОВА-АНИКИНА

Стремительные изменения, происходящие в российском обществе в последние десятилетия, требуют переосмысления ситуации в сферах деятельности, неразрывно связанных с общественным мнением, в частности в тех из них, где деятельность осуществляется в условиях конкуренции. К последним относится и политическая реклама, которая невозможна без грамотно выстраиваемых политических коммуникаций. Итак, каковы же особенности коммуникаций в сфере современной политики.

«Наиболее подходящий способ описания коммуникационного акта состоит в том, чтобы ответить на следующие вопросы: Кто? Что сообщает? По какому каналу? Кому? С каким результатом?», – писал полвека назад американский политолог Г.Лассуэлл [6, с. 37].

Эти слова стали основополагающими, так как заложили основу исследований политической коммуникации с использованием графической схемы:

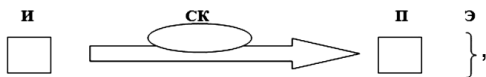

Рисунок 1.

где «И» – источник коммуникации,
«СК» – сообщение, передаваемое по каналу коммуникации,

«П» – получатель,

«Э» – эффект коммуникации.

Это простейший вариант. Гарольд Лассуэлл предложил свою модель коммуникации в 1948 году. Этой моделью пользуются и сегодня. Каждый отдельно взятый элемент коммуникации подробно изучают исследователи всех стран мира.

Эта схема обычно применяется в качестве иллюстрации круга основных проблем, находящихся в поле зрения коммуникационных исследований. Однако многие исследователи, не отрицая определенной практической пользы формулы Лассуэлла, еще в те годы справедливо отмечали, что она является упрощением. Некоторые

из них предлагали усовершенствованные варианты модели, дополняли ее новыми компонентами.

Так, Р. Брэддок включил еще два принципиально важных момента: при каких обстоятельствах и с какой целью направляется сообщение коммуникации [4, с. 88–93].

На разработку ранних моделей коммуникационных процессов оказали заметное влияние идеи, предложенные К. Шенноном и его коллегой У.Уивером применительно к вопросам технико-технологического характера [8, с. 5]. Модель «Шеннона–Уивера» описывает коммуникацию как линейный и однонаправленный процесс. Вначале источник информации создает сообщение, которое затем поступает в передатчик, где принимает форму сигнала, адаптированного для передачи по каналу связи, ведущему к приемнику. Приемник восстанавливает сообщение из полученного сигнала. Затем декодированное сообщение достигает адресата. В процессе передачи сигнал чаще всего искажается шумом или помехами, которые возникают, например, при одновременной передаче нескольких сообщений по одному каналу. Наложение помех приводит к тому, что переданный и полученный сигналы будут вероятнее всего отличаться друг от друга. Данная модель наглядно демонстрирует, что передаваемые по каналам связи сообщения далеко не всегда приводят к ожидаемому результату.

В 1970 году М.Дефлёр предложил существенно видоизменить модель «Шеннона–Уивера». Новая интерпретация коммуникационного процесса выдвигает на первый план проблему соотношения двух смысловых значений – первоначального сообщения, отправленного «источником», и восстановленного сообщения, поступающего к «управляемому адресату». По сравнению с исходной моделью эта схема коммуникационного процесса дополнена петлей обратной связи [5, с. 90–91].

Далее последовали все новые и новые разработки в области схематизации

процессов коммуникации, исследователи продолжили выделять элементы, составляющие их.

Что же касается коммуникации в сфере политики, то современные политологи уделяют большое внимание данному вопросу. Сегодня на передний план выходят проблемы оценки роли коммуникационных технологий в политическом процессе. Их в действительности сложно недооценить, признаком чего служит увеличение количества услуг, предлагаемых различными специалистами и компаниями:

1. Политический консалтинг (в том числе разработка рекомендаций по ведению избирательных кампаний).

2. Социально-политическое прогнозирование.

3. Выполнение разовых политических мероприятий и заданий.

4. Психологический анализ всех видов политической рекламы (содержание и оформление листовок, плакатов, статей, текстов публичных выступлений, рекламных роликов).

5. Политический спичрайтинг.

6. Разработка идеологии политической партии.

7. Психологический анализ и коррекция имиджа политика, кандидата, партии, сравнительный анализ имиджей конкурентов.

8. Методы противодействия пропагандистским кампаниям соперников, нейтрализация деструктивных политических технологий...

Политика невозможна без опосредованных и непосредственных форм общения и специальных средств связи между различными субъектами. Это обусловлено самой природой политики как сложно организованной целенаправленной деятельности, специализированной формы общения людей для реализации групповых целей и интересов, затрагивающих все общество.

Сегодня одними из наиболее эффективных коммуникационных каналов для передачи политической информации служат такие виды СМИ, как телевидение, периодическая печать. Происходит увеличение роли политических коммуникаций через сеть Интернет.

Сегодня мы можем видеть обилие появившихся в последнее время работ, посвященных различным аспектам политической коммуникации и избирательным

технологиям, исследованиям политической рекламы. С их помощью можно определить основные теоретические моменты изучения политических коммуникаций.

Научные точки зрения рознятся. Так, например, под политической коммуникацией Р.-Ж. Шварценберг понимает «процесс передачи политической информации, посредством которого информация циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальными системами» [3, с. 174]. А Л.Пай включает в политическую коммуникацию «весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое различное влияние на политику» [7, с. 443]. По его мнению, политическая жизнь любого общества включает в себя использование различных методов политической коммуникации.

Что касается отечественной теоретической науки, то, например, А.И. Соловьев определяет политическую коммуникацию в качестве «процесса установления осмысленных контактов между отправителями (коммуникаторами) и получателями (реципиентами) политической информации» [2, с. 393].

Существует множество моделей коммуникационного процесса, следует рассмотреть универсальную схему применительно к политической сфере.

Самая простая и общепризнанная модель коммуникации – это S-M-R, где S (source) – источник, посылающий сообщение M (message) получателю R (receiver). R и S соединяются обратной связью. Именно из-за наличия обратной связи она применима к оптимальному описанию процесса коммуникации в сфере политических отношений. Ведь чаще всего политические коммуникации выстраиваются с целью достижения электорального успеха.

Разберем особенности составляющих элементов политической коммуникации по простейшей формуле Лассуэлла и уделим внимание категории обратной связи.

Главная особенность политических коммуникаций заключается в том, что в качестве источника может выступать политик, пресс-секретарь, информационное агентство, компания-рекламодатель, политическая партия и т.д. Иницируя коммуникацию, политик стремится донести до получателя (целевой аудитории) некоторую идею. Так, например, идеей сообще-

ния пресс-релиза, в котором говорится о высоких достижениях и успехах политика, может быть: «политик – сильный лидер, который нам нужен».

Целевая аудитория – термин, широко используемый для обозначения группы людей, объединенных общими признаками, или определенная ради какой-либо цели или задачи. Под общими признаками могут пониматься любые характеристики, требуемые организаторам: работающее/неработающее население, женщины/мужчины, мужчины-пенсионеры/женщины-пенсионеры, домохозяйки, студенты и другие.

В рекламе целевой аудиторией называют группу лиц, на которую направлено рекламное сообщение или мероприятие. Это основная и наиболее важная для рекламодателя категория получателей рекламного обращения. Этот термин вполне применим и в сфере политической рекламы. Целевая аудитория – получатель сообщения политической коммуникации.

Для того чтобы довести идею, заложенную в сообщении политической коммуникации, до целевой аудитории, её нужно представить в определенной форме – закодировать. Кодирование – это представление сообщения, которое стремится донести до получателя источник, в кодах или символах. Таким образом, кодирование – это перевод главной идеи сообщения на язык, понятный получателю. Кодирование должно обеспечить интерпретацию сообщения получателем в соответствии с целью коммуникации, поставленной источником сообщения. В качестве кодов могут использоваться слова устной и письменной речи, визуальные образы (людей, товаров, предметов интерьера) и их движение, запахи (цветов, духов), звуки (мелодии, интонация и тембр голоса), цвет (яркий, приглушенный, агрессивный), жесты.

Таким образом, сообщение – это закодированная идея, то, что хотел сообщить источник получателю.

Политик и его команда формируют сообщение для определенного канала коммуникации. Сегодняшний мир дает множество вариантов среди популярных и наиболее эффективных: сеть Интернет, телевизионные, радио и печатные СМИ, слухи, специальные акции и массовые мероприятия, печатные варианты политической рекламы в виде баннеров, буклетов, календарей.

Составляя вербальное сообщение, важно правильно использовать семантику, воспринимаемое значение слов. Так, например, слова «партия реальных дел», «земляк», «выбери меня», «голосуй», «человек слова», «честный человек», «демократия» вызывают весьма различные ассоциации у людей с различным жизненным опытом.

Кодирование сообщения зависит и от того, кто его принимает. Разные люди, получающие одно и то же сообщение, интерпретируют его по-разному, приписывают ему разные значения и реагируют на это сообщение по-разному.

Декодирование сообщения – перевод его на язык получателя. Декодирование определяется личным восприятием получателя, его отношением к каналу передачи сообщения и способностью распознавать и интерпретировать коды, использованные для передачи идеи. Поэтому декодирование носит в определенной степени субъективный характер.

Кодирование и декодирование сообщений, отсылаемых источниками информации, – одна из функций политических связей с общественностью и политического консалтинга в современных коммуникациях. Кодированием занимаются те, кто готовит сообщение к отправке (спичрайтеры, редакторы, художники-дизайнеры, политтехнологи). Анализом правильного декодирования занимаются те, кто ведет мониторинг СМИ, занимается анализом поступающих сообщений и делает выводы для политика или кандидата, ведет общественные опросы. Адекватность восприятия сообщения (в соответствии с изначальной его идеей) может варьировать от ста процентов (полностью адекватное восприятие) до минус ста процентов (нежелательная и неожиданная реакция). К такому результату может привести неправильное построение коммуникации, ошибки кодирования, декодирования, шумы коммуникации, неудачный выбор канала.

Получатель сообщения – лицо или группа лиц (целевая аудитория). Принимающий сообщение вне зависимости от его реакции – неотъемлемый элемент политической коммуникации. Важно, чтобы сообщение было доставлено именно до целевой аудитории. В противном случае цель коммуникации может быть просто не достигнута.

Реакция получателя определяет ре-

зультативность коммуникации. Желаемый результат – это, например, обратная связь в форме голосования на выборах депутатов в представительный орган местного самоуправления за политика, ставшего источником сообщения.

Обратная связь, позволяющая оценить результативность сообщения, часто игнорируется практиками политического манипулирования. Между тем степень достижения цели коммуникации часто может быть оценена количеством полученных писем и звонков, принятием или отменой политических решений, участием избирателей в митингах в поддержку кандидатов. Обратная связь должна быть оценена, даже если никаких явных действий получателем не предпринято. Люди могут понять сообщение и передать его дальше, не предприняв активных действий. Такая реакция на сообщение тоже важна, ее сложно заметить вначале избирательной кампании, но уже на избирательном участке, например, она сыграет свою роль.

Уже на этом этапе описания коммуникации в сфере политики важно отметить характерные черты успешной коммуникации в сфере политических отношений.

Существуют две модели коммуникации – односторонняя и двусторонняя. Мы имеем дело с односторонней моделью коммуникации, когда один человек говорит, а другой слушает, ничем не проявляя своих чувств. Изучая эффективность односторонней и двусторонней коммуникации, психологи пришли к выводу: односторонняя коммуникация не столь надежна, как двусторонняя, хотя и позволяет сэкономить время передачи информации. При односторонней коммуникации политик не может быть уверен в том, что избиратель правильно понимает его.

При двусторонней коммуникации политик выводит целевую аудиторию на ответное сообщение. Поэтому сегодня стали часто использоваться такие формы печатной политической рекламы, когда в листовках с биографией политика, например, напечатан пустой бланк «Наказы избирателей», в котором потенциальный избиратель, являющийся получателем сообщения в этом случае, выражает свое персональное мнение о кандидате (авторе сообщения) и озвучивает свою проблему, которую он хотел бы, чтобы политик помог ему решить. Так, получив листовку,

потенциальный избиратель делится своими проблемами с кандидатом, а агитаторы политика через какое-то время этот бланк-ответ собирают и он подвергается тщательному анализу. Результаты такого взаимодействия в отличие от не нацеленной на обратную связь коммуникации, вероятнее всего, успешнее: избиратель, получив сообщение, его прочитал, о чем свидетельствует его ответ, и дал поручение кандидату – в случае избрания выполнить наказ. Таким образом, вероятность того, что после получения такой листовки потенциальный избиратель станет реальным и поддержит кандидата на голосовании, очень высока.

Таких «коммуникационных ухищрений» множество.

Однако не стоит забывать, что на двустороннюю коммуникацию уходит обычно значительно больше времени, чем на одностороннюю. И двусторонняя коммуникация сложнее, следовательно, возможно столкновение с дополнительными трудностями.

Однозначно то, что двусторонняя коммуникация необходима для политика, обратная связь должна состояться, тогда и весь коммуникационный процесс можно будет назвать состоявшимся.

Достаточно часто в политической коммуникации имеют место факторы искажения восприятия рекламного сообщения. Для классификации данных факторов в представленном исследовании использованы агитационные материалы (плакаты, листовки, буклеты, газеты, календари и открытки), распространенные в ходе избирательных кампаний в различных городах Республики Коми: Ухта, Сыктывкар и Сосногорск. Анализу было подвергнуто более двухсот образцов визуальной политической рекламы.

Сопоставив выделенные Е.В. Егоровой-Гантман и К.В. Плешаковым факторы искажения восприятия политического рекламного сообщения (две группы: технические факторы искажения сообщения и психологические [1, с. 41]) с исследуемыми визуальными агитационными материалами политической рекламы, можно сделать следующие выводы.

Как подтверждают исследования, первую группу составляют технические факторы искажения сообщения. В печатной политической рекламе это, во-первых, простые технические визуальные факторы:

плохая печать фотографии в газете, листовке... Во-вторых, сложно-технические визуальные факторы – опечатки, ошибочно помещенные фотографии и рисунки, меняющие смысл сообщения.

Что касается второго вида факторов – психологических факторов, то, по Е.В. Егоровой-Гантман и К.В. Плешакову [1, с. 41], здесь мы отмечаем: индивидуальные (чаще всего зависят от психологического состояния человека, декодирующего сообщение, в данный момент времени), социально-психологические фильтры (значимость того или иного понятия для данной группы) и психологические фильтры, связанные с социальной средой (стереотипы, свойственные человеку как представителю той или иной социокультурной среды).

Выделяют множество основополагающих правил, которые помогают политтехнологам, спичрайтерам и копирайтерам избегать психологических искажений агитационного сообщения.

Каждый носитель сообщения должен пройти несколько видов экспертиз. Необходимо выяснить, как в конкретном населенном пункте относятся к определенным технологиям, рекламным носителям. Не будет ли рекламный щит раздражать взгляд жителей? Это касается и символики. Могут случиться некие казусы с использованием символов, известных жителям интересующего нас города по другим информационным поводам. Необходимо учесть и религиозные взгляды.

Углубляясь в описание всем известных правил использования каналов передачи сообщения коммуникации, отметим, что зная «свою» аудиторию, легче подобрать формат отображения текста, фотографии, иллюстрации. Например, пенсионеры имеют ослабленное зрение, для них необходимо печатать плакаты и буклеты с увеличенным шрифтом. Даже исполнение материалов политической рекламы на дорогостоящей бумаге возможно лишь при выявлении высокого достатка жителей района. Ведь у многих такие затраты вызовут негодование. Кому-то наоборот дешевая бумага листовки покажется неинтересной.

Проведя подробный анализ печатных агитационных материалов, распространенных в ходе предвыборных кампаний последних лет в Республике Коми, автор исследования предлагает добавить к вы-

шеуказанным общим лингвистический и технологический факторы.

Самое мощное оружие любого печатного агитационного материала политической рекламы – слово. Визуальный образ, создаваемый в ходе выстраивания политических коммуникаций, формируется на основе соблюдения общепринятых требований, но что касается текста в печатном образце распространяемых и распространенных агитационных материалов, их «политического языка»?

В настоящем исследовании под термином «политический язык» понимается особая подсистема национальной речи, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе.

Содержание рекламных носителей должно разрабатываться с учетом лингвистических особенностей региона и доминирующего уровня образования. Сложный и чужой для жителей язык в лучшем случае оставит их равнодушными, а в худшем – породит негативные чувства к кандидату. Таким образом, в ходе проведения исследования было отмечено, что частым явлением и важным фактором, влияющим на восприятие сообщения политической рекламы, является нарушение норм и правил русского языка. Общий лингвистический фактор автор выделяет в третью группу.

В четвертую группу факторов искажения сообщения в политической рекламе автор предлагает выделить технологические факторы, здесь есть определенные требования, соблюдение которых поможет внедрить в сознание и подсознание аудитории необходимое сообщение. Например, интересны закономерности восприятия в политической рекламе: слева мы традиционно «помещаем» в своем сознании нечто уже данное, знакомое. Справа же мы склонны видеть нечто новое, то, что еще требуется познать, переосмыслить. Так, к правой части зрительного поля привлекается больше внимания. Если в рекламе делается сравнение нового и бывшего депутатов, мэров, то вновь избранный должен находиться справа, а бывший – слева. Если же, однако, вы хотите показать, что у экс-мэра есть ре-

зерв, а новый всего лишь другое обличье уже знакомой политической идеологии, то бывшего лидера помещать лучше справа [1, с. 107].

Таким образом, в исследовании на примере избирательных кампаний, проведенных в отдельном субъекте Российской Федерации, были проанализированы наиболее часто встречающиеся факторы, влияющие на восприятие сообщения политической рекламы. Автор, основываясь на результатах анализа агитационных материалов, предлагает добавить к общепризнанным факторам, влияющим на восприятие сообщения политической коммуникации, общий лингвистический и технологический факторы.

Представив краткие результаты, автор приходит к выводу, с которым сложно не согласиться: умелое использование не только технических, психологических, но и грамотное сочетание технологических и языковых ресурсов, творческое сочетание стилистических приемов, – все это способно обеспечить подлинный успех современной политической коммуникации.

Как мы видим, политическая коммуникация – явление сложное и содержа-

тельное. Чтобы ею управлять, нужно комплексно применять навыки из различных научных областей.

Следует также отметить, что в новом веке появляются новые коммуникационные каналы политики, новые услуги на рынке политического консалтинга. Все это говорит о том, что происходит немаловажный и интересный для исследований процесс модернизации политической коммуникации.

Сегодняшние коммуникационные политические технологии в России однозначно намного шире и разнообразнее даже тех, что встречались несколько десятилетий назад. Это обусловлено особенностями исторических изменений политической власти в стране.

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что за последние двадцать лет сильно возросло количество действий политической системы, направленных на получение поддержки: и политическая коммуникация, и политическая реклама, и политическое участие, и, наконец, политическое образование. Все эти процессы требуют особого внимания, всестороннего рассмотрения и являются полем для новых научных исследований и разработок.

1. Егорова-Гантман, Е.В. Политическая реклама [Текст] / Е.В. Егорова-Гантман, К.В. Плешаков, В.Б. Байбакова. – 2-е изд. – М.: Никколо-Медиа, 2002.
2. Соловьев, А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии [Текст] / А.И. Соловьев: Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000.
3. Шварценберг, Р.-Ж. Политическая социология [Текст] / Р.-Ж. Шварценберг: В 3 ч. / Пер. с фр. – М., 1992. – Ч. 1.
4. Braddock, R. An extension of the «Lasswell Formula» [Text] / R. Braddock // Journal of Communication. – Vol. 8. – 1958.
5. DeFleur, M. Theories of Mass Communication [Text] / M. DeFleur. – New York, 1970.
6. Lasswell, H.D. The structure and function of communication in society [Text] / H.D. Lasswell // The Communication of Ideas. / Ed.: L. Bryson. – New York: Harper and Brothers, 1948.
7. Pye, L. Political Communication [Text] / L. Pye // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. Oxford – New York, 1987.
8. Shannon, K. The Mathematical Theory of Communication [Text] / K. Shannon, W. Weaver – Urbana: University of Illinois Press, 1949.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

УДК 32.019.5

Д.С. ДЖАНТЕЕВА

Появление многочисленных исследований по этнополитическим процессам актуализировано современной ситуацией глобализации/регионализации и особенностями взаимодействия этнополитических групп/сообществ в информационно-коммуникационной политической системе. «Этнизация» региональных политических процессов и повышенное внимание к межэтническим контактам выдвинули на передний план исследовательского интереса феномен этнокультурной специфики политических коммуникаций в этносоциальной среде.

Этнополитические коммуникации являются частью политической коммуникации, под которой автор понимает информационное взаимодействие между политическими акторами в борьбе за власть или ее осуществление. Исключительная возможность таких контактов между людьми выдает антропоцентрическую природу политических коммуникаций, обусловленных к тому же наличием у каждого актора политики осознанной потребности и права в общении с иноэтничными политическими сообществами. В результате таких контактов этнополитические группы маркируются между собой, и каждый индивид идентифицирует себя с определенным сообществом. По утверждению В.А. Ачкасова, «идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации: только в результате взаимодействия, прямого и опосредованного, с иной группой данная общность обретает свои «особые» признаки» [3, с. 22].

В пространстве власти политическая коммуникация выступает одновременно и фактором, и условием формирования и развития этнополитической культуры, выступающей своеобразным регулятором дифференцированной ориентации коммуникантов. Поскольку дифференцированный подход предопределяется этническими категориями, основанными на принципе биполярности (мы – они) и «этничность продолжает играть исключительно важную роль в политических процессах в стране, а в полиэтничных регионах периодически превращается в центр политической жизни, во многом определяя специфику электоральных процессов, функционирования политических институтов и образовательных систем» [2], следует указать на этноцентричность полити-

ческих коммуникаций в Северо-Кавказском регионе. Наблюдаемые здесь политизация этничности и этнизация политики обусловлены не только предшествующим ходом исторического развития и нацстроительства на Северном Кавказе в 20–30-е годы XX в., но и продолжающейся модернизацией, что отражается в исследованиях, посвященных проблемам функционирования современной политической системы. Безусловно, этнические основания имеет и региональное информационное взаимодействие политических акторов, принимающих этнокультурные методы ориентации в пространстве власти.

Между тем, антропоцентрическая и этноцентрическая природа социальных коммуникаций, включая политические, позволяет нам применить термин «этнополитическая коммуникация» для обозначения рецепционной деятельности коммуникатора и реципиента. Под *этнополитической коммуникацией* мы понимаем информационное взаимодействие политических акторов, соотношенное с особенностями их этнополитической культуры и этнополитической психологии. Конструктивная/эффективная этнополитическая коммуникация возможна лишь при состыковке этноменталитета и этнопсихологии с политическим менталитетом в общественном и личностном измерениях. Поэтому в обозначенном регионе можно наблюдать явление, когда наибольшее влияние на этнополитические коммуникации в нем оказывают не столько отдельно взятые этнокультурные факторы (религия, язык, традиции, обычаи и т.д.), сколько их симбиоз. Это связано с тем, что многие этнокультуры северо-кавказских этнонаций исторически тесно переплелись между собой и потому имеют одних и тех же носителей. Взаимодействие и взаимопроникновение этнокультурных факторов в процессе этнополитической коммуникации способствует росту их влияния на общественное сознание. Вот почему историческую связь национального и культурного в публичной политике используют в своих интересах «этнические предприниматели». Именно они, по замечанию Ф. Барта, играют заметную роль в конструировании организованных и институциональных маркеров-различий этничности.

Этнокультурное измерение этнополитических коммуникаций представляет собой некий «осевой стержень», насквозь прони-

зывающий все коммуникативные акты и реализующий функцию «этнокультурного кода» в рамках определенного этноса. Формирование и действие «этнокультурного кода» предопределены этнополитической культурой, понимаемой нами как комплекс представлений этноса о мире политики, политических отношениях и политической нормативности, а также институциональных моделей, сочетающих идеальные нормы политических процессов с реальными структурами и формами политической организации и взаимодействия субъектов, которые, в свою очередь, используются в политических традициях и практике. Только знание политическим субъектом принятых в этносоциальной среде правил и норм и хотя бы относительное соответствие его «культурной компетенции» компетенции других участников коммуникативного акта/действия выступает условием эффективности этнополитических коммуникаций.

Безусловно, этнополитическая культура обеспечивает внедрение в общественное сознание стандартизированных этнокультурных образов, сформулированных определенным этническим сообществом. Данные этнокультурные паттерны определяют «модели» этнического поведения (этнокультурные аттитюды), которым и следуют акторы политики в инструментальной и коммуникативной деятельности, используя для воспроизводства общественно-политической жизни исторически сложившуюся в данном этническом сообществе систему различных «типов рациональности», определяющих потенциал инновационной активности индивида, т.е. «потенциал этнокультурной инновационности» [7, с. 16].

Сложные вариации этнокультурных аттитюдов и их институционализация, представленные определенным образом (легально/нелегально) в информационно-коммуникационной политической системе Северо-Кавказского региона, выдают ее мультикультурные основания. Правда, полноценное участие этнополитической группы в коммуникативных актах/действиях публичной политики предполагает соблюдение определенных условий. Основные из них заключаются в том, что этнополитическая группа, вступая в политические контакты с иноэтничными политическими сообществами, взаимодействует с ними, в результате чего наблюдается культурный взаимообмен/влияние. Этим объясняется сходство моделей политического поведения у северо-кавказских этнонаций. Вторым условием участия этнополитических групп в обозначенных процессах является наличие возможности у каждого субъекта политики беспрепятственно самоотождествлять себя с воспринятой культурой/средой (имеются в виду родо-

вые отношения). Это условие имеет особую важность для народов Северного Кавказа с их устойчивыми кровно-родственными, клановыми связями, являющимися прочным основанием для проведения политики власти. Этим объясняется стремление к возрождению в национальных республиках Северного Кавказа таких институтов, как Совет тейпов, который, к примеру, создан Юнус-бек Евкуровым, делающим сегодня ставку на тейп-менеджеров в наведении порядка в руководимой им Ингушетии.

При обозначенных условиях участие этногрупп в пространстве власти не только динамично, но и выступает их исторической характеристикой. И тут мы подошли к проблеме проведения актуальной этнополитики в условиях продолжающейся модернизации российской политической системы с включением механизма «трансляции/инновации». В динамично развивающемся социуме этнокультурным механизмом развития этнополитических контактов должна стать не столько традиция, сколько новация, проявляющаяся, в частности, в кризисных формах, что можно обнаружить на Северном Кавказе. Наблюдаемый в регионе «инновационный хаос» или демодернизация (сопровожаемые регенерацией традиционных социальных институтов, механизмов и связей, приводящих к кризисным коммуникациям), объясняется не теорией столкновения цивилизаций, на чем настаивают некоторые известные политологи-кавказоведы, например С. Маркедонов, а включением механизма селекции этнокультурных инноваций в соответствии с ментальными установками этнополитической идентичности и традиционными «ценностно-нормативными системами» [П. Штомпка] в зависимости от инновационного потенциала этнополитической культуры. Признание значимости соотношения модернизации политической сферы, с одной стороны, и преемственности, ценностно-нормативной непрерывности этнополитической культуры – с другой, требует научной рефлексии вопроса о будущем этнополитических коммуникаций при социально-преобразовательном воздействии новейших информационно-коммуникационных технологий на национальные культуры. На сегодняшний момент они еще не растворились в едином «тигле информатизации», но такие риски существуют. В этой связи примечательна теоретическая модель управления этносоциокультурной интеграцией современного российского общества в условиях системной трансформации, предложенная Г. Абдулкаримовым. Вводя ключевое понятие «инновационная этнополитика», автор подчеркивает необходимость выработки не только новых идей и концепций, естественно сохраняющих

культурно-историческую преемственность при отходе от имперских традиций, но и использовании новейших информационно-коммуникационных технологий. «Категория «инновация» является необходимым уточнением и расширением прежнего понимания этнополитики еще и потому, что не только содержание, но и средства реализации современной этнополитики должны быть разработаны применительно к новым технологическим возможностям, которые связаны с high-tech» [1, с. 272].

«Технологизация» политической сферы дает основание некоторым исследователям всерьез задумываться над возможной перспективой существования этничности за пределами политического самоопределения этнонаций. Однако такого рода утверждения не выдерживают критики, когда речь идет о Северном Кавказе – регионе с устойчивым трендом этнокультурной и этнополитической идентичности. Объясняется это общим характером культурно-исторического развития и современными модернизационными вызовами, стимулировавшими, как верно отметили Ф.С.Эффендиев и Т.А. Мазаева, национально-патриотические и культуросберегающие идеалы и ценности и, в целом, процессы этнической мобилизации. Как позитивные, так и негативные этнические мобилизации фрагментированных северокавказских этнополитических групп основаны на ценностно-нормативных подсистемах, выполняющих функции жизнеобеспечения каждого актора политики. Балансируя между полюсами модернизации и традиционализма, данные подсистемы претерпели серьезные изменения вследствие масштабных административно-политических воздействий социалистически-тоталитарного госаппарата и строительства новой России. Поэтому ценностно-нормативные подсистемы северокавказских этносов имеют различия между собой и с другими подсистемами христианской и мусульманской цивилизаций, но, в то же время, имеют много общего с ними. В основе этнополитического сознания и политических действий каждого этноса лежит «своя» ценностно-нормативная подсистема коммуникативных практик, политических стереотипов и манипулятивных технологий, которые определяют «этничность» массовой/групповой политической коммуникации, а также этнокультурный тип коммуникативности политического актора, определяющий его телекоммуникативные действия. Поэтому политические коммуникации, существуя как в общественной, так и в индивидуальной форме, имеют существенные отличия между собой не только в политическом, но и в этнокультурном плане. Здесь уместно отметить неконгруэнтность этнополитической комму-

никации политической картине мира, что предопределено наличием в этнокультурном механизме как осознанной рефлексии на опыт, так и неосознанного компонента. «Коллективно бессознательное» свойство этничности иногда называют этнокультурным архетипом. Неосознанный характер этнокультурного архетипа, с большим трудом поддающийся качественным изменениям, тем не менее, выявляет ситуативность рефлексии индивидов по данному поводу. Так, для активизации этнокультурного архетипа северо-кавказских этнонаций, связанного с архетипом «действия», характеризующим кавказский тип личности, требуется особое оформление транслируемой информации, ориентированное на ментальные структуры этнического сознания. Хотя «доказательств, что архетипы могут влиять на выбор политического устройства или социальных отношений, не существует» [4], недооценка этого иногда приводит к дефициту конструктивных этнополитических коммуникаций.

Этнокультурный механизм включает в себя и инструментальную деятельность субъекта, направленную на достижение политических целей. В свою очередь инструментальная успешность субъекта во многом зависит от его коммуникативной деятельности, связанной с регулированием взаимоотношений с этническим сообществом. Речь идет о формализованных этноструктурах, институтах, субинститутах, представителях этнократии и этномедиакратии, а также субстанциональных субъектах публичной сферы, существующих в неинституциональной форме [8, с. 12]. Но в политической сфере этносоциальной среды требуется высокая политическая активность и сильная этногрупповая сплоченность, обеспечиваемая не формальной дисциплиной и внутриклановой иерархией, а добровольным подчинением уже принятым решениям на основе этнополитической идентичности. Политически активные субъекты с высоким уровнем этнополитической идентичности воспринимают участие в коммуникативных актах/действиях осознанно, а остальные вынуждены подчиниться внутригрупповому давлению, проявляя конформизм, и принять действующие правила игры.

Этнополитическая групповизация накладывает свой отпечаток на формы и методы создания, хранения, распространения и усвоения политической информации, которая может быть использована как для манипуляций этнического сознания, так и для решения реальных этнополитических проблем. В этой связи рационально задаться вопросом о возможности включения обозначенных сообществ в структуру региональной информационно-коммуникационной

политической системы. По мнению известного политолога А.И.Соловьева, «концепт «социальной группы» (фиксирующий помимо статусных параметров функциональное назначение общности) неприменим к анализу информационного пространства, ибо данная конструкция описывает лишь содержательные основания представленных в политико-информационном пространстве интересов корпуса граждан, не раскрывая деятельности тех акторов, которые на практике выражают интересы макрообщностей. В политике никакие социальные общности (как консолидированные акторы) непосредственно не участвуют в информационных обменах» [9].

Однако в современных политических реалиях региона значимость этнополитических сообществ, лоббирующих интересы своих этносов, настолько велика, что имеет смысл задуматься о включении их в информационно-коммуникационную систему Северного Кавказа. Понятно, что в данном случае речь идет о легально признанных этносом этнополитических группах, а не о тех, которые организованы «этническими предпринимателями», спекулирующими на этнонациональных проблемах в корыстных целях. Поскольку участие этнополитических групп в информационном взаимодействии не противоречит известным морально-политическим и правовым нормам, они выступают акторами этнополитических коммуникаций. К тому же, специфичность государственного управления таким сложным в этнокультурном плане регионом, как Северный Кавказ, иногда объективно требует того, чтобы местные власти устанавливали намеренные контакты с теми этнополитическими группами, которые в силу этнокультурных факторов имеют общественное влияние или поли-

тическое поведение которых получает общественный резонанс. Это свидетельствует об «этнокультурном характере властных технологий» (Р.Г.Абдулатипов) и управления информационно-коммуникационными процессами в публичной политике.

В заключение отметим, что политические коммуникации в этносодержательной северокавказской среде подвержены влиянию этнической и политической культуры. С этой точки зрения важно изучать этнополитические контакты в этнокультурном измерении, так как оно, представляя некую «ось», пронизывает все коммуникативные акты и выполняет функцию «этнокультурного кода». Только тогда можно будет понять, почему на Северном Кавказе власть в одних случаях вынуждена прибегать к помощи тейпов, формализует эти отношения, а в других предпочитает заключать с участниками этнополитических коммуникаций устные «джентльменские» соглашения, не декларируемые через СМИ, а передающиеся лектоническим путем через агентов влияния, т.е. лидеров клана и т.п.

Этнокультурными факторами в коммуникативной деятельности не стоит пренебрегать, с какой бы мерой приязни и неприязненности акторы политики ни относились к содержанию этнополитической культуры, ибо, как утверждают исследователи, «культурными факторами, связанными с особенностями предшествующего исторического развития, исключительно трудно манипулировать... Поэтому те, кто озабочен укреплением возможности перехода к стабильному демократическому управлению, сосредотачивают свое внимание на них» [6]. Сказанное напрямую относится и к полиэтничной и поликонфессиональной России, где без учета этнокультурных факторов невозможно адекватно исследовать и понимать современные этнополитические коммуникации.

1. Абдулкаримов, Г. Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России. Этносоциология модернизации современной России [Текст] / Г. Абдулкаримов. – М.: Весь мир, 2008. – 336 с.
2. Авксентьев, В.А. Этнополитическая идентичность в постсоветской России как фактор конфликтности [Электронный ресурс] / В.А. Авксентьев // Вестн. СевКавГТУ. – Сер. «Гуманитарные науки». – 2004. – № 1 (11). – Режим доступа: <http://www.ncstu.ru> (дата обращения: 22.09.2009).
3. Ачкасов, В.А. Этнополитология: Учебник [Текст] / В.А. Ачкасов – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 337 с.
4. Гавра, Д.П. Публичная сфера: культурная и политическая традиция [Текст] / Д.П. Гавра // PR-диалог. – 2000. – № 3 (8).
5. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития [Текст] / М.Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
6. Липсет, С.М. Роль политической культуры [Электронный ресурс] / С.М. Липсет // Пределы власти. – № 2–3. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem32.htm> (дата обращения: 18.09.2009).
7. Мазаева, Т.А. Инновационная динамика в этнокультурной среде: Автореф. дис. ... д. филос. н. [Текст] / Т.А. Мазаева – Ростов н/Д., 2007. – 50 с.
8. Паин, Э.А. Российская интеллигенция перед вызовами времени. Времена перемен и время застоя [Электронный ресурс] / Э.А. Паин. – Режим доступа: http://www.gorby.ru/imggrubrs.asp?img=file&art_id=25949 (дата обращения: 17.07.2009).
9. Соловьев, А.И. К проблеме теоретической идентификации политических коммуникаций [Электронный ресурс] / А.И. Соловьев. – Режим доступа: <http://www.sovetnik.ru/pressclip/more/?id=193> (дата обращения: 26.07.2009).

УПРАВЛЕНИЕ ТОЛПОЙ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

УДК 111.6 + 316.454.3 + 321.021

Г.Ю. ЧЕРНОВ

События конца XX – начала XXI веков свидетельствуют о том, что «массовый человек», как будто бы уже прочно усаженный перед своим телевизором в предвкушении зрелища, прерываемого рекламой, и будущее которого досконально расписано кредитными обязательствами и взносами в банк, время от времени обнаруживает рядом с собой буйствующую или паническую толпу, а зачастую и самого себя в качестве ее активного члена. Фанатские и националистические погромы в России, всплески активности маргинальных масс во Франции и других европейских странах, трагедии, связанные с возникновением панических толп на фестивале рок-музыки в Дуйсбурге, в клубе «Хромая лошадь» в Перми, во время религиозных шествий в странах Востока, охлократические эксцессы в Кыргызстане, а теперь и в Тунисе и Египте, – все это говорит о неизбывной актуальности проблематики исследования механизмов формирования толп и управления ими. Это и станет предметом нашего анализа в данной статье.

Первые попытки научного обоснования стратегии и тактики обуздания толп можно найти уже в трудах родоначальников социальной психологии и социально-психологического подхода к массовым явлениям (Г. Лебон, Г. Тард, Н.К. Михайловский, З. Фрейд). С точки зрения Г. Лебона, для психологии толп основной моделью социальных действий и реакций является гипноз. Вождь же – это своего рода эпицентр, от которого исходит первая волна гипнотического воздействия на превращенных в подобие «сомнамбул» участников коллективного действия (восприятия). В целом, основной технологией управления настроением и действием толпы в классической «психологии масс» признавалась технология коммуникации лидера («вождя») с массой, основанная на учете иррационального характера последней.

Формирование российской традиции анализа толпообразования и «укрощения толпы» активизировалось с начала 1970-х годов, когда после многолетнего «табу» на социально-психологические исследо-

вания в Институте общественных наук при Международном отделе ЦК КПСС появилась первая в СССР кафедра общественной психологии во главе с профессором Ю.А. Шерковиним. Сегодня теоретико-технологический опыт «школы Шерковина», помноженный на авторские разработки и анализ социально-психологической проблематики, представлен наилучшим образом, как нам представляется, в трудах видного российского философа и социального психолога А.П. Назаретяна. А.П. Назаретян выступает против сложившихся, в том числе в чиновничье-управленческих кругах, предрассудков по поводу «непредсказуемости» и «неуправляемости» толп, отождествляемых с социальным беспорядком, хаосом. Он исходит из двух значимых для понимания стратегии управления толпами методологических принципов:

1) «чем хаотичнее система, тем более простым закономерностям она подчиняется»;

2) «иллюзия неуправляемости появляется тогда, когда мы с простой системой пытаемся обращаться как со сложной, а в итоге наши действия оказываются бесполезными» [3, с. 12].

Однако несмотря на то, что в стихийном массовом поведении в толпе реализуются более примитивные механизмы и закономерности, нежели в организованных группах, а участник толпы доступен для элементарных манипулятивных воздействий, – все это не отменяет необходимости изучения механизмов влияния на толпу и практических «тактик» не только (и не столько) для ученых, сколько для субъектов управленческой деятельности.

Толпа квалифицируется А.П. Назаретяном как *скопление людей*, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но *связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием, как социальный агрегат* (неструктурированное множество индивидов) [3, с. 16–17]. Важнейшим типовым механизмом толпообразования является «циркулярная реакция» (эмоциональное кружение) – взаимное заражение

индивидов, передача эмоционального состояния на психофизиологическом уровне контакта между организмами (массовая зевота, смех, ярость, панический страх и т.д.). В ходе эмоционального кружения стираются индивидуальные различия, временно снижается роль личного опыта, ролевой идентификации, даже здравого смысла, и индивид чувствует и реагирует «как все». При этом, как отмечает автор, происходит эволюционная регрессия: актуализируются низшие, филогенетически более примитивные пласты психики. Повышаются восприимчивость членов толпы к внутренним импульсам данной толпы, при снижении восприимчивости к импульсам извне, усиливаются барьеры против всякого рационального довода [3, с. 20–21].

Важным, с точки зрения разработки стратегий воздействия на толпу, является и деление последней по параметрам *пространственной и эмоциональной неоднородности* на плотное «ядро», где аккумулируется активность вожаков и «эмоциональное кружение» и более разреженную «периферию», где проявляются свойства скорее окказиональной толпы «зевак». Соответственно, воздействие на толпу извне нацеливается на ее периферию, с целью переключения внимания и отсечения от толпы ее потенциальных членов, а воздействие *изнутри* обращено на «ядро», с гипертрофированными в нем внушаемостью и реактивностью, куда засылаются подготовленные агенты-«разрушители» [3, с. 31, 34–35].

Приемы управления толпой *изнутри* связаны с намеренной трансформацией наиболее опасного ее подвида – толпы агрессивной, в другие подвиды – паническую, стяжательную, окказиональную (любопытствующую) с помощью специально внедренных в ядро толпы агентов-«провокаторов».

Воздействие на толпу *извне*, как уже отмечалось, прежде всего, направлено на ее периферию с целью отвлечения значительной части массы, раздробления подпитывающей агрессивное «ядро» периферии на ряд окказиональных (любопытствующих) и/или стяжательных толп.

Представитель Санкт-Петербургской школы социальной психологии Л.Г. Почебут дополняет «географию толпы» схемой ролевой дифференциации людей в толпе, выделяя следующие подгруппы: 1) зачинщики или организаторы толпы; 2) агрессоры – члены толпы, действующие наиболее активно и агрессивно; 3) последователи – люди, подра-

жающие «агрессорам»; 4) любопытные; 5) обыватели – люди, случайно попавшие в толпу. Именно «агрессоры» являются индукторами заражения членов толпы определенными настроениями, подражания действиями [4, с. 128]. В соответствии с таким пониманием функциональной дифференциации толпы, именно на потенциальных / действующих «агрессоров» должны быть направлены внимание и действия организаторов массовых мероприятий, сил правопорядка, с целью их изоляции от массы, нейтрализации их вербальной и невербальной активности.

Ряд приемов воздействия на толпу и ее отдельных членов связан с выявленным еще классиками социально-психологической школы (Г. Лебон, Г. Тард, Н. Михайловский и др.) ростом тенденции к анонимности действий индивидов в толпе, к «коллективной безответственности» и деперсонализации. Приемы, направленные на разрушение толпы, соответственно, ориентированы на *деанонимизацию* индивидов (персонализацию их ответственности за беспорядки, преступления). Деанонимизация может опираться на действительную или имитируемую публичную фиксацию происходящего (хорошо заметными камерами слежения на зданиях, охраняемых группами кинорепортеров, снабженных записывающей техникой, фотоаппаратурой, работниками правоохранительных служб и т.д.).

Интереснейший материал для осмысления проблематики толпообразования и управления толпой содержится в работах американского социального психолога С. Милграма. Так, особенности трансформации психики человека в толпе он объясняет при помощи понятия «перегрузка», которое обозначает неспособность нервной системы обрабатывать данные, поступающие из внешней среды, в случае если их чрезмерно много (именно такая ситуация возникает в толпе, когда приходится анализировать действия десятков и сотен окружающих людей). При «перегрузке» вступают в действие процессы адаптации, деформирующие традиционное ролевое поведение, отношение к социальным нормам, когнитивную сферу индивида. С. Милграм выделяет пять видов когнитивных реакций на «перегрузку», из которых наиболее важными представляются следующие:

- перегруженная когнитивная система перекладывает часть нагрузки на другого участника взаимодействия, например, лидера;
- интенсивность входящей информа-

ции снижается с помощью фильтров таким образом, что допускаются только поверхностные формы взаимодействия между индивидами [1].

Таким образом, уже сам факт скопления людей в большие массы является, в соответствии с моделью С. Милграма, предпосылкой формирования толпы, понижения когнитивного потенциала индивидов, «переадресовки» активности и инициативы лидеру и/или окружающим.

Проведенные С. Милграмом эксперименты позволили установить ряд закономерностей толпообразования. Так, было выявлено, что, *во-первых, притягательность толпы и степень интенсивности ее роста зависят от численности данной толпы**; *во-вторых, притягательная сила толпы зависит от характера «стимульного» события (чем ярче, интереснее событие, тем быстрее растет численность толпы)* [см. также: 4, с. 123–124]. Выводы из этого, касающиеся технологии управления толпами, могут быть сведены к следующему:

1) деятельность, направленная на установление контроля над толпой и недопущения превращения последней в агрессивную либо паническую ее форму, должна быть ориентирована на дробление, сегментирование толпы, приостановление к ее численному росту.

2) для нейтрализации стихийных сборищ окказионального или агрессивно-экспрессивного типов исходному стимульному воздействию должно быть противопоставлено большее по интенсивности искусственно созданное стимульное воздействие (событие), либо ряд таких воздействий (событий).

Переходя к обобщению, попытаемся выделить ряд принципов, правил и способов воздействия на толпу безотносительно к ее формам

Первым стратегическим шагом является четкая *идентификация* социальной общности, с которой мы имеем дело: коллектив, организованная группа, аудитория, «летучая демонстрация» либо толпа. Если речь идет о толпе, то необходимо определить ее вид (подвид): окказиональная, конвенциональная, экспрессивная, действующая (агрессивная, стяжательная, паническая либо повстанческая). Такая идентификация является основой стратегии воздействия на данную общность, поскольку, вспоминая посыл А.П. Назаретяна, было

бы наивным и неэффективным воздействовать на простую систему как на сложную, и наоборот, а по С. Московичи, «было бы глубоко ошибочным пытаться убедить и увлечь массы с помощью приемов, предназначенных для отдельных людей» [2, с. 139].

От типа и характера объекта воздействия (общности) зависит и выбор средств этого воздействия. Так, например, в отношении «общественности», собравшейся с целью реализации диалога по спорной проблеме общественной жизни, наилучшими средствами воздействия оказываются вербальная коммуникация и рациональные аргументы, логические доводы, в то время как воздействие на индивидов в толпе, напротив, минимально связано с рациональной вербальной коммуникацией (сводимой к лозунгам, командам, эмоциональным призывам и лестным оценкам в адрес данной толпы). Таким образом, общим правилом взаимодействия с массой в форме толпы является правило *отказа от установки на рациональность коммуникации с ней и сведения вербальной составляющей к необходимо-минимальному уровню*.

Другим важным принципом взаимодействия с толпой является учет свойства ее *превращаемости*, т.е. способности к спонтанному или регулируемым превращениям из одного вида (подвида) в другой. Толпа радостная, праздничная при условии резких изменений ситуации (раздача дефицитных подарков, внезапный ливень, слух о террористе-смертнике и т.п.) способна спонтанно, без воздействия «уличных» вождей или провокаторов, превратиться в стяжательную либо паническую толпу, с последующими жертвами и разрушениями. Типичным являются трансформации толп болельщиков или зрителей поп/рок-концертов по схеме: конвенциональная – экспрессивная (экстатическая) – (стяжательная) – агрессивная (паническая). Поэтому сам факт формирования толпы в любой ее ипостаси должен рассматриваться властью, организаторами массовых мероприятий как сигнал к повышенной бдительности, непрерывному мониторингу состояния толпы, принятию мер профилактического характера (широкие проходы, организация контроля, «противопаниковые команды», «заготовки» для переключения внимания толпы и т.п.).

* При формировании толпы любопытных (окказиональной) к стимульной группе из 1 человека присоединились всего 4% прохожих, в то время как к группе из 15 человек – уже 40 % прохожих.

Профилактика толпообразования со стороны агентов политического управления должна, прежде всего, опираться на познание макрофакторов данного процесса. Анализируя последние, П.А. Сорокин, в духе ленинского учения о революционной ситуации, отмечает ряд причин революций и сопровождающих их охлократических эксцессов, роста толп и их удельного веса в социальной жизни. Первая причина заключается, по его мнению, в усиливающейся репрессии базовых «инстинктов» (по сути дела, Сорокин пишет о потребностях) населения: голод или его опасность, деспотические экзекуции, притупляющие инстинкт самосохранения, осквернение коллективных святынь, господство бедности и лишений на фоне благоденствия немногих, игнорирование достоинств большинства при незаслуженном преувеличении достоинств меньшинства и т.п. [5, с. 272–273]. Вследствие этого происходит «биологизация» поведения людей. «Условно принятые «одежки» цивилизованного поведения мгновенно срываются, а на смену социуму на волю отпускается бестия» [5, с. 274]. Другим условием роста охлократичности и революционности общества П.А. Сорокин полагает «бессилие групп, стоящих на страже порядка» [5, с. 19], что следует понимать как их слабую вооруженность не столько техническую (оружие, средства подавления), сколько технологическую (отсутствие надлежащих знаний и навыков воздействия на массы людей, толпу), дезинтегрированность и дезорганизованность правящих групп, паралич их воли. Он отмечает также, что революционно-охлократические кризисы практически всегда были реакцией на вырождение элиты, проявляющееся в росте таких ее групповых черт, как нере-

шительность, некомпетентность, растерянность, моральная распушенность, коррупция [см.: 5, с. 274].

При анализе панико- и толпоустойчивости социума в конкретной пространственно-временной среде следует учитывать и данные, полученные в результате анализа предысторий многочисленных революционно-охлократических ситуаций американским исследователем Дж. Девисом. Опасность революционных и охлократических взрывов возрастает, по его данным, не столько в периоды обострения «нужды и бедствий трудящихся масс» (по В.И. Ленину), сколько в периоды роста социальных ожиданий [6]. При этом кризису может предшествовать этап роста экономических показателей и политических свобод, вертикальной мобильности, объема информации. Вместе с этим растут потребности и ожидания людей, и если вдруг рост показателей сменяется их относительным снижением, то на фоне ожиданий, продолжающих расти, возникает массовая фрустрация, чреватая агрессивными и/или паническими массовыми настроениями. Это эпоха, когда, как отмечает А.П. Назаретян, люди «охотно группируются, обсуждают волнующую тему, лихорадочно ищут информацию, распространяют слухи – и это чревато взаимной эмоциональной индукцией, переходящей в стихийные формы массового поведения» [3, с. 23].

Следовательно, требуется особая мобилизация внимания и воли субъектов власти в периоды роста социальных ожиданий, максимально ответственное отношение элит к своей социальной миссии. Квазиэлита «калифов на час», клептократия, малоквалифицированная в делах управления массой, толпой несут в себе самих предпосылки охлократических взрывов.

1. Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии [Текст] / С.Милграм. – СПб., 2000.
2. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс [Текст] / Пер. с фр. Т.П. Емельяновой. – М., 1998.
3. Назаретян, А.П. Психология стихийного массового поведения: толпа, слухи, политические и рекламные кампании. 2-е изд., перераб. [Текст] / А.П. Назаретян. – М., 2005.
4. Почебут, Л.Г. Социальная психология толпы [Текст] / Л.Г. Почебут. – СПб., 2004.
5. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин. – М., 1992.
6. Davis, J. Toward a theory of revolution [Text] / J. Davis // Studies of social movements. A social psychological perspective. – N. Y., 1969.

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 321

Ю.А. АНДРЕЕВА

Понятийный анализ категории «государственность» является одним из методологических ориентиров для анализа конкретных проблем российского общества. Несмотря на широкое применение данного термина в научных исследованиях, однозначной его трактовки пока не существует.

Циркулирующие в общественных науках представления о государственности можно объединить в два подхода. Первый подход назовем системно-структурным, поскольку он сосредоточен либо на элементарном составе государственности, либо на взаимосвязи этих элементов. В его рамках государственность рассматривается через ее проявления в общественной жизни – государственные институты, право, политический режим и т.п., – то есть через совокупность органов государственной власти и управления, деятельность которых может быть подвергнута описанию или измерению. Неудивительно, что в данном случае понятие «государственность» очень часто используют как способ концептуализации феномена государства, рассматриваемого в ракурсе всеобщего. Государственность в данном случае представляет собой абстракцию государства как такового и используется в тех исследовательских ситуациях, когда речь идет о государстве вообще [3, с. 47] или о государстве того или иного исторического типа (например, о буржуазном или социалистическом государстве) [5, с. 162].

В качестве основных элементов государственности в данном случае признается публичная власть и общество. При таком понимании государственности последняя оказывается простой калькой классической («упрощенной») модели государства как триединства, в которое включаются власть, народ и территория.

Существуют и иные (несубстратные) варианты выделения элементов государственности, когда в качестве элемента рассматриваются не составные части, а грани (аспекты), структуры или функции государственности. Так, например, А.В. Василенко выделяет различные ипостаси государственности, общим признаком которых является легитимность: государство-институт, государство-идея, образ государства, осознание государства, отношение к госу-

дарству [1]. В данном случае государственность рассматривается как носитель легитимной власти – то, что М.Вебер называл политическим союзом [2, с. 645]. А.М. Яковлев считает, что особенности государственности раскрываются через рассмотрение категорий «государство», «общество» и «гражданин» и связей между ними [12, с. 78]. В.Е. Чиркин не дает определение государственности как таковой, но обращает особое внимание на ее элементы – институты государственности. Под последними он понимает «относительно обособленную организационно-функциональную структуру, выполняющую частичную функцию в целостной системе государственного регулирования общественных отношений» [11, с. 127]. Это институт главы государства, институты чрезвычайного положения, референдума, государственной власти и т.п.

Итак, системно-структурный подход обращен к следующим граням (составным частям) государственности – публичная власть как система государственных органов, действующих на основе установленного порядка; право; народ как социальная общность, конституированная посредством правовой связи и политической коммуникации; территория как социально-политическое пространство, в официально закрепленных границах которого действует власть и система права, регулирующая общественные отношения. Очевидно, что указанные элементы выступают в качестве институтов и организаций. Поэтому о характере и состоянии государственности можно судить, отталкиваясь от параметров функционирования организаций и от сложившегося в данном обществе институционального порядка. Таким образом, системно-структурный подход к определению государственности позволяет увидеть последнюю через призму государственных организаций, сложившихся и складывающихся формальных институтов, жизнедеятельность которых может быть проанализирована эмпирическим путем.

Второй подход к государственности можно назвать историческим. Он направлен на выявление сложившихся в течение длительного времени оснований для «явлений» государственного характера (под основаниями здесь мы понимаем совокупность вnut-

ренных движущих сил, обуславливающих качественный состав государственности).

С точки зрения исторического подхода государственность часто рассматривают как определенное состояние общества, государство, взятое в эволюции. При этом государственность – качественное состояние государства, зависящее от различных причин (от форм общежития, исторического периода, духовного состояния общества, влияния извне, происходящих перемен) [8, с. 14]. М.В. Ильин считает, что понятие государственности разумно использовать для совокупного осмысления как государства (современного, территориального, суверенного и т.п.), так и предшествующих ему эволюционных форм. Под государственностью он понимает относительно жестко закрепленные институциональные основы политических систем, обеспечивающие структурное единство и целостность несравненно более широкой, разнообразной и подвижной политики [7, с. 187]. Другими словами, государственность относительно постоянна, в то время как государство изменчиво и претерпевает коренные изменения: модифицируются содержание и форма государства, характер власти, природа общества, но государственность сохраняется. А.Подберезкин связывает этот факт с тем, что государственность – высокое и сложное порождение цивилизации, ее дух и связь с землей и людьми [9]. Постоянство государственности кроется в ее основаниях, сложившихся в течение длительного времени. Поиск данных оснований, как правило, осуществляется через призму исторического процесса, который мы рассматриваем с точки зрения цивилизационной (культурно-исторической) парадигмы.

С точки зрения цивилизационной парадигмы государственность выполняет упорядочивающую функцию. Можно выделить два аспекта такого упорядочения, вытекающих из самой сути цивилизации: властный и культурный.

Цивилизацию часто определяют как историческое (гражданское) состояние общества и человека, которое стало возможным с появлением публичной власти. Человек как особый биологический вид возникает, когда посредством техники ставит под свой контроль стихийные силы природы – огонь, воду, ветер. Это способствует более эффективному приспособлению к окружающей среде и биологическому выживанию нового вида [10, с. 14]. Однако существуют и социальные стихийные силы, возникающие в процессе выделения индивидов из родовой общины и их взаимного обособления. Спонтанное взаимодействие этих индивидов сходно с

броуновским движением мельчайших частиц вещества. Такое разнонаправленное взаимодействие является очагом социального конфликта. Подобная ситуация подробно описана Т. Гоббсом в «Левиафане». Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей. Из этого равенства возникает равенство надежд на достижение своих целей. Поэтому если два человека желают одной и той же вещи, которой они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. И на пути к достижению их цели они стараются покорить или погубить друг друга [4, с. 123]. Это варварское (естественное) состояние людей, выход из него – принятие предупредительной меры. Такая мера была «изобретена» в ходе эволюции человеческого общества, ею стала общая (публичная) власть. Именно она оказалась способной упорядочить социальные стихийные силы, придать им системность, организованность и направленность на общее благо (корректнее даже сказать – целенаправленность). Если раньше цели отдельного индивида достигались через покорение или уничтожение соперника и потому несли в себе угрозу столкновения с другим, то с появлением власти возникает основание для гармонизации целей индивидов. При этом была выработана модель общежития, ограничивающая возможность возникновения межиндивидуальных конфликтов, которая получила практическую реализацию. Например, сохранение жизни как общепризнанная цель достигалось за счет принудительного запрещения инцеста, совместной защиты от внешних врагов, распределения продуктов и т.п. С нашей точки зрения, такой контроль над социальными стихийными силами можно считать началом истории как способа существования человека и общества в границах цивилизации.

Кроме того, проведенный нами анализ современных трактовок государственности позволяет утверждать, что в структуре проблемы возникновения государственности ключевое положение занимает властный аспект. Отталкиваясь от указанных обстоятельств, мы полагаем, что истоки государственности следует искать именно на границе варварства и цивилизации, где возникает более или менее систематический контроль над социальными стихийными силами и начинается использование их энергии в целях сообщества. В рамках различных теорий возникновения государственности (конфликтная, классовая, инцестная, ирригационная, договорная, патриархальная, божественная, теория насилия и ряд других) рассматриваются различные стороны сложного процесса становления государства. К государству ведет множество путей, но, несмотря на раз-

нообразии первичных импульсов формирования государства, дальнейшее его развитие приводит к сходным результатам. Данное сходство заключается в том, что какой бы стимул ни лидировал в начале процесса политогенеза, он неизбежно подтягивает и заставляет функционировать все другие элементы общественной системы.

Если взглянуть на теории происхождения государственности под этим углом зрения, обнаруживается их структурное сходство. Основу каждой теории, как правило, составляет нерешенная проблема (и ее практический денотат – неудовлетворенная потребность). Разрешение данной проблемы предполагает появление (создание, учреждение) некоего целевого управляющего центра, способного организовать удовлетворение этой потребности. Целенаправленность действий этого центра приводит к упорядочиванию социальных стихийных сил, косвенным образом свидетельствуя о возникновении систематического контроля над ними, а по существу – о возникновении феномена социальной власти. Этот феномен в исходном пункте совпадает с системой институтов и органов (установлений и учреждений), образующих указанный целевой центр. Способность этого центра к управлению складывается за счет двух факторов: 1) наличия институтов и учреждений, обеспечивающих реализацию власти, и 2) готовности ей подчиняться со стороны общества.

С нашей точки зрения, первым и несомненным основанием для государственности является наличие власти и принятие ее обществом. С одной стороны, это основание выступает в роли стартового (базового) института, поскольку задает начальные условия реализации власти, с другой стороны, оно фиксирует условия для возникновения государственности. По мере развития цивилизации у человеческих коллективов возникают определенные (новые) потребности, для удовлетворения которых необходимы новые средства. При этом появляются и новые техники власти, формируется отношение к ним со стороны населения. Другими словами, статичные рамки (наличие власти и отношения к ней) наполняются конкретным содержанием (формами, способами осуществления власти). Динамически развивающаяся совокупность способов осуществления власти, появление и развитие необходимых для этого структур – не что иное, как объективация проекта государственности (вспомним первую группу ее трактовок). Таким образом, здесь связка «основание государственности – его выражение» преобразуется в другую связку – «наличие власти и ее принятие в обществе – реальное осуществление власти». А теперь

проследим становление непосредственно государственной власти.

В основе своей власть включала в себя (1) физическое принуждение людей к определенному поведению, (2) обладание и распоряжение материальными ценностями и (3) влияние на сознание подвластных [6]. С увеличением и усложнением человеческих сообществ произошла дифференциация этих аспектов власти, произошло образование различных сфер ее осуществления (действия), их разрастание и структурирование. Одновременно действовала тенденция сохранения и восстановления единства власти. Она проявлялась как борьба различных сфер власти (военной, хозяйственной, религиозной) за власть над всем сообществом, за доминирование в общей системе власти. В конце концов, произошло обособление одной из сфер власти, отличной от прочих сфер и противостоящей им в качестве органа управления сообществом в целом. Государственность возникает не просто как превращение догосударственной власти в государственную, а как образование нового структурного уровня власти, подчиняющего себе все прочие явления власти и преобразующего их применительно к своим интересам (публичная власть). Решающим здесь является осознание обществом функций власти как функций власти высшей.

Однако реальное осуществление власти (т.е. объективация данного основания) подвержено влиянию факторов, связанных со спецификой развития общества (факторы культуросферы, социосферы и др.). Данная группа факторов обеспечивает формирование тех особенных признаков цивилизации, которые придают ей характер типа, отличающегося от других типов цивилизации, обуславливают ее индивидуальность. Действие этих факторов находит свое выражение в институциональной инфраструктуре общества, под которой мы понимаем некий самовоспроизводящийся инвариант, являющийся прародителем (матрицей) конкретных институтов. Институциональная инфраструктура – это совокупность исторически складывающихся базовых институтов, формирующих модель общежития, организующую для данного общества, и в этом смысле являющихся основанием для государственности.

Базовые институты зарождаются на тех направлениях жизни общества, где возникает острая потребность в регулировании и упорядочении отношений между индивидами и социальными группами. Они способствуют оформлению данных направлений в качестве относительно самостоятельных областей общественной жизни, придавая им ту или иную специфику. Выше мы отмечаем, что каждое из этих направлений яви-

лось предметом или мотивом для возникновения различных теорий происхождения государственности (государства). Обычно выделяют следующие сферы: религия (теория божественного происхождения государственности); право (конфликтная, договорная теории); политика (классовая теория); духовно-нравственная сфера – мораль (психологическая, патриархальная теории), материальная сфера – богатство, собственность, труд (классовая, ирригационная теории). Каждой из этих сфер соответствует свой базовый институт и вытекающие из него направления для дальнейшей институционализации.

Реальные институты, возникшие на основе базовых институтов, а также организации, основывающиеся на всех типах институтов, будут объективацией государственности в обществе. Базовые институты – основания государственности. То есть, в ходе анализа культурного аспекта цивилизации мы получаем следующую связку: «институциональная инфраструктура общества (базовые институты) – организации и вновь возникающие институты».

Таким образом, упорядочение с точки зрения культурного момента цивилизации представляет собой следующий процесс. На протяжении развития цивилизации под влиянием окружающей среды формируются базовые институты общества (относительно неподвижная часть государственности, ее «цокольный этаж»). Они представляют собой пределы, в рамках которых осуществляется общественная жизнедеятельность. Наполнение этих рамок вновь возникающими в исторический период формальными и неформальными институтами, регулирующими

эту жизнедеятельность, есть подвижная, изменяющаяся часть государственности. Главный вопрос заключается в эффективности институтов, их органичности в обществе, способности регулировать общественную жизнь, что возможно при минимальных отклонениях между базовыми институтами и вновь возникающими, историческими.

Итак, в ходе применения культурно-исторического подхода к изучению государственности нам удалось выявить основания для государственности – это институциональная инфраструктура общества (совокупность базовых инвариантных институтов). Она задает рамки для возникновения формальных и неформальных правил и действующих на их основе организаций – это объективация проекта государственности. Сам проект государственности, как идеальный конструктор, представляет собой модель общежития, выросшую из институциональной инфраструктуры и органичную для общества в силу своей историчности. Когда реализация проекта значительно расходится с его внутренним планом, можно говорить о кризисе государственности.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что государственность включает в себя две взаимосвязанные части (внутренний и внешний план): институциональную инфраструктуру, образованную базовыми институтами права, морали, власти, собственности, религии и конкретно-исторически обусловленную конфигурацию государственных организаций и вновь создаваемых институтов. В этом смысле государственность выполняет важную функцию – обеспечение целостности общества за счет упорядочения общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности.

1. Василенко, А.В. Политологический подход к исследованию государства [Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской конференции «Сорокинские чтения-2005». – Москва, 2005. – Режим доступа: <http://conference.ruh.ru/vasilenko.html> (дата обращения: 31.10. 2009).

2. Вебер, М. Политика как профессия и как призвание [Текст] / Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 644 – 706.

3. Венгеров, А.Б. Будущее российской государственности [Текст] / А.Б. Венгеров // Вестник Московского университета. – Сер. 18. Социология и политология. – 1997. – № 1.

4. Гоббс, Т. Левиафан [Текст] / Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. – Т.2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.

5. Гулиев, В.Е. Государственность [Текст] / В.Е. Гулиев // Большая Советская энциклопедия / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 7. – 741 с.

6. Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу [Электронный ресурс] / А.А. Зиновьев // О ситуации в России [сайт]. – [2000]. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/rs/lib/zin_svo/cont.html (дата обращения: 18.10.2010).

7. Ильин, М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий [Текст] / М.В. Ильин. – М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.

8. Лукьянова, Е.А. К вопросу о специфике российской государственности [Текст] / Е.А. Лукьянова // Вестник Московского университета. – Сер. 12. «Политические науки». – 2002. – № 1. – С. 14 – 26.

9. Подберезкин, А. Русский путь [Электронный ресурс] / А. Подберезкин // Духовное наследие [сайт]. – [1999]. – Режим доступа: <http://www.nasled.ru/> (дата обращения: 20.10.2010).

10. Скоробогачкий, В.В. Социокультурный анализ власти [Текст] / В.В. Скоробогачкий. – Екатеринбург: УрАГС, 2002. – 288 с.

11. Чиркин, В.Е. Государствоведение [Текст] / В.Е. Чиркин. – М.: Юрист, 1999. – 400 с.

12. Яковлев, А.М. Российская государственность (историко-социологический аспект) [Текст] / А.М. Яковлев // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 76 – 85.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.417

Н.С. МИЛЕНИНА

Бюджетный контроль представляет собой самостоятельный вид государственного финансового контроля, целью осуществления которого является повышение уровня финансовой дисциплины при образовании, распределении и использовании бюджетных средств. Значимость правового регулирования бюджетного контроля обуславливается экономической сущностью бюджета как централизованного денежного фонда, основной составляющей доходных источников которого являются налоговые доходы, т.е. денежные средства физических и юридических лиц, уплачиваемые на основе принципов обязательности и индивидуальной безвозмездности с целью обеспечения деятельности государства и местного самоуправления. Таким образом, реализация права граждан на контроль за оптимальным использованием национального достояния напрямую зависит от степени правовой регламентации процедуры осуществления бюджетного контроля.

Конституция РФ предусматривает две различные организационно-правовые формы реализации указанного права гражданами РФ (ст. 32):

- 1) контроль за действиями публичной власти через своих представителей в органах законодательной власти;
- 2) контроль за действиями публичной власти через своих представителей в органах исполнительной власти.

Первая организационно-правовая форма выражается в избрании гражданами РФ на основе равного, прямого и тайного голосования депутатов Государственной Думы и опосредованном выборе членов Совета Федерации, которые согласно ст. 11 Конституции РФ образуют Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда от 23.04.2004 № 9-П парламентский контроль за исполнением федерального бюджета является неотъемлемой конституционной формой осуществления Федеральным Собранием государственной власти, одним из необходимых

его полномочий как представительного и законодательного органа Российской Федерации и существенным элементом системы сдержек и противовесов в демократическом государстве, основанном на принципах господства права и разделения властей [4]. Вместе с тем, необходимость оперативного, объективного и высокопрофессионального контроля за исполнением федерального бюджета приводит к формированию специального органа парламентского контроля – Счетной палаты РФ (ч. 5 ст. 101 Конституции РФ).

Счетная палата РФ функционирует более 15 лет на основании ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», являясь de facto высшим органом государственного финансового контроля в стране. Все аспекты деятельности Счетной палаты можно разделить на три блока: информационный, экспертно-аналитический и собственно контрольно-надзорный. В части последнего блока (контрольно-надзорного) ввиду реформирования бюджетного процесса в настоящий момент свое развитие получает одна из предусмотренных ст. 2 ФЗ «О Счетной палате РФ» задач, а именно – определение эффективности и целесообразности расходов государственных средств, что в материалах Счетной палаты получило название аудита эффективности.

Впервые применение на практике проверки эффективности использования бюджетных средств было осуществлено в рамках контрольных мероприятий по реализации федеральных целевых программ «Дети Севера» и «Социальная поддержка инвалидов на 2000 – 2005 годы», осуществленного аудиторами Счетной палаты РФ в 2004 году. В ходе проверки аудиторы столкнулись с одной из наиболее сложных проблем оценки эффективности использования бюджетных средств – отсутствием разработанной системы объективных и измеримых показателей фактической реализации программы.

Практика осуществления проверок эффективности использования средств федерального бюджета привела к необходимо-

сти разработки методики проведения указанных контрольных мероприятий. Так, в 2004 году на основе изучения опыта зарубежных государств Научно-исследовательским институтом Счетной палаты РФ была разработана Методика проведения эффективности использования государственных средств [1]. В указанной Методике получили свое закрепление содержание, цель, этапы, вопросы составления отчета по результатам аудита эффективности и т.д. Основные положения указанной методики получили свое закрепление в разработанном в 2008 году Счетной палатой РФ Стандарте финансового контроля 104 «Проведение аудита эффективности использования государственных средств» [5].

В частности, согласно гл. 2 Методики проведения аудита эффективности использования государственных средств и п. 2 указанного Стандарта под аудитом эффективности предлагается понимать тип государственного финансового контроля, осуществляемого посредством проверки деятельности органов государственной власти и получателей государственных средств в целях определения эффективности использования ими государственных средств, полученных для выполнения возложенных на них функций и поставленных задач.

Аудит эффективности использования государственных средств в Российской Федерации включает в себя следующие элементы:

- а) проверку экономичности использования проверяемой организацией государственных средств, затраченных на достижение конкретных результатов ее деятельности;
- б) проверку продуктивности использования проверяемой организацией трудовых, финансовых и прочих ресурсов в процессе производственной и иной деятельности, а также использования информационных систем и технологий;
- в) проверку результативности деятельности проверяемой организации по выполнению поставленных перед ней задач, достижению фактических результатов по сравнению с плановыми показателями с учетом объема выделенных для этого ресурсов [1].

В Стандарте финансового контроля 104 закреплены три основных способа проведения бюджетного контроля эффективности использования централизованных денежных фондов, к ним относятся проверка и анализ:

- организации использования государственных средств;

- результатов использования государственных средств;

- отдельных аспектов использования государственных средств в проверяемой сфере или в деятельности проверяемых объектов.

На основании указанной Методики и Стандарта финансового контроля Счетная палата осуществляет бюджетный контроль эффективности использования средств федерального бюджета в течение последних пяти лет. Отчеты о результатах данных контрольных мероприятий находят свое отражение в бюллетенях Счетной палаты РФ. В частности, в 2008 году было проведено 30 контрольных мероприятий по оценке эффективности использования средств федерального бюджета, что составило около 30% из всего объема проверок, в 2009 году данный показатель составил около 28%, в 2010 году – уже 53%*.

Второй организационно-правовой формой реализации права граждан на контроль за национальным достоянием является система органов исполнительной власти, опосредованно формируемая гражданами РФ на основании положений ст.ст. 32, 81, 83 и 112 Конституции РФ.

Органом, возглавляющим единую систему исполнительной власти в России, является Правительство РФ, которое наделено Конституцией РФ специальными полномочиями в области бюджетного контроля. В частности, в соответствии со ст. 114 Конституции РФ Правительство РФ наряду с разработкой и обеспечением исполнения федерального бюджета представляет Государственной Думе отчет об его исполнении, т.е. осуществляет контроль за его исполнением.

Структура федеральных органов исполнительной власти в настоящий момент утверждается указами Президента РФ на основании предложений Председателя Правительства РФ. В соответствии с Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 [2] функции по контролю и надзору осуществляются таким видом федеральных органов исполнительной власти, как федеральные службы.

Полномочиями по контролю и надзору за исполнением федерального бюджета наделена Федеральная служба финансово-бюджетного надзора (далее – Росфиннадзор), руководство деятельностью которой осуществляет Министерство финансов РФ. Росфиннадзор при реализации функции по контролю и надзору за использованием средств федерального бюджета выявляет не только факты нецелевого использования

*Данные представлены на основе анализа бюллетеней Счетной палаты Российской Федерации за 2008, 2009 и 2010 годы.

бюджетных средств, но, как и Счетная палата, контролирует на основании ст.34 Бюджетного кодекса РФ, закрепляющей принцип результативного и эффективного использования бюджетных средств, эффективное расходование средств федерального бюджета. В качестве одного из недостатков данного направления контроля Службы можно отметить отсутствие вообще какой-либо методологической базы определения эффективности использования государственных средств. Деятельность должностных лиц Росфиннадзора по оценке эффективности основывается на субъективном понимании эффективности, сформированном исходя из личного опыта каждого из контролеров.

Анализ результатов проверок Территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Свердловской области позволяет выделить две группы нарушений при использовании бюджетных средств:

- неправомерное использование;
- неэффективное использование.

Неправомерное использование бюджетных средств характеризуется целевым характером использования денежных средств с одновременным нарушением отдельных норм действующего законодательства. В качестве примера можно привести вакцинацию граждан, не включенных в Национальный календарь прививок; переплату налогов; выплату вознаграждений ранее уволенным работникам к тем или иным памятным датам; списание основных средств без согласования с Территориальным управлением Федерального агентства по управлению федеральным имуществом по Свердловской области; расходы, не подтвержденные актом выполненных работ и т.д.

Неэффективное использование бюджетных средств выражается в их неэкономичном, нерезультативном и непродуктивном использовании. В частности, контролеры-ревизоры Территориального управления Росфиннадзора в качестве неэффективного использования средств федерального бюджета выделяют: задолженность арендаторов объекту контроля по затратам на коммунальные услуги; оплата коммунальных услуг неэксплуатируемого здания; завышение стоимости выполненных ремонтно-строительных работ и т.д. Аудиторы Счетной палаты РФ в качестве неэффективного использования бюджетных средств выделяют, например, оплату труда по гражданско-правовым договорам лиц, деятельность которых не связана с выполнением государственного контракта; разработку проектно-сметной документации, на основа-

нии которой в течение длительного времени не ведется строительство и т.д.

Таким образом, Конституцией РФ гарантируется реализация права граждан на контроль за оптимальным использованием национального благосостояния посредством наделения контрольными полномочиями за использованием средств федерального бюджета одновременно органов двух ветвей государственной власти – законодательной и исполнительной. Аналогично формируется система субъектов бюджетного контроля как разновидности государственного финансового контроля на втором уровне публичного управления – уровне субъектов РФ. На основании положений ст.265 Бюджетного кодекса РФ законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ вправе создавать собственные контрольные органы. Указанным правом к настоящему моменту воспользовались все субъекты Федерации.

В системе органов исполнительной власти субъекта РФ специального органа, осуществляющего функции бюджетного контроля, как правило, не создается (в качестве исключения можно привести пример Челябинской области, где создано Главное контрольное управление). Чаще данные функции выполняет структурное подразделение финансового органа субъекта РФ (например, Управление финансового контроля в Минфине Свердловской области, в Департаменте финансов ЯНАО).

Анализ конституционно-правовых норм, закрепляющих основы бюджетного контроля в Российской Федерации, а также принятых в соответствии с ними норм федеральных законов, законов субъектов РФ и подзаконных нормативных правовых актов позволяют не только выстроить четкую систему субъектов бюджетного контроля, но и сделать выводы в части изменения содержательного аспекта бюджетного контроля.

Сложившаяся контрольная практика позволяет прийти к заключению о постепенном формировании в Российской Федерации системы бюджетного контроля эффективности в дополнение к имеющейся системе бюджетного надзора. В июне 2010 г. Правительством РФ была принята Программа по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г. [3], одним из направлений которой является развитие системы государственного (муниципального) финансового контроля и, в частности, – организация и развитие аудита эффективности использования бюджетных ассигнований с обязательным определением критериев эффективности и результативнос-

ти их использования. Указанной Программой на 2010 г. было запланировано разработать только акты, детализирующие вопросы ответственности за нарушение бюджетного законодательства, а также порядок осуществления внутреннего бюджетного контроля, чего к 1 января 2011 г. так и не было сделано, более того, в плане реализации программы сроки для разработки критериев, методики оценки эффективности использования бюджетных средств, а также установления ответственности за неэффективное использование не указаны.

Вместе с тем, следует отметить, что указанная тенденция находит свое проявление только в узкой части бюджетной сферы – оценке эффективности использования средств бюджетов бюджетной системы. Представляется целесообразным расширять сферу применения контроля эффективности, в частности, по отношению к другим элементам управления бюджетными средствами – их формированию и распределению.

Учитывая тенденции развития бюджетного контроля в Российской Федерации представляется целесообразным выделять два новых его вида с точки зрения предмета контроля (то есть того, какой аспект деятельности объекта контроля проверяется) – бюджетный надзор (именуемый в Лимской декларации руководителей принципов финансового контроля аудитом отчетности) и бюджетный контроль эффективности (соответственно – аудит эффективности). При этом под бюджетным надзором предлагается понимать регламентированную нормами права деятельность уполномоченных субъектов по выявлению степени соответствия образования, распределения и использования

средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации принципам законности в целях обеспечения правопорядка в сфере публичных финансов.

Под бюджетным контролем эффективности представляется целесообразным понимать регламентированную нормами права деятельность уполномоченных субъектов по выявлению экономичности, продуктивности и результативности образования, распределения и использования средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в целях обеспечения правопорядка в сфере публичных финансов.

Поскольку бюджетный контроль осуществляется на всех стадиях бюджетного процесса, предлагается в рамках бюджетного контроля эффективности выделять три самостоятельных направления:

- 1) бюджетный контроль эффективности формирования доходной части бюджетов бюджетной системы РФ;
- 2) бюджетный контроль эффективности распределения расходной части бюджетов бюджетной системы РФ;
- 3) бюджетный контроль эффективности использования расходной части бюджетов бюджетной системы РФ.

Отметим, что в рамках действующей нормативной правовой базы закреплены отдельные положения не только оценки эффективности бюджетных средств, но и вопросы, касающиеся оценки эффективности формирования и распределения указанных фондов денежных средств. Тем не менее, системного подхода к реализации нового направления бюджетного контроля ни в теории права, ни в существующей нормативной правовой базе нет.

1. Методика проведения аудита эффективности использования государственных средств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://niisp.ru> (дата обращения: 01.02.2011).

2. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти. Указ Президента РФ от 09 марта 2004 г. № 314 (ред. от 22.06.2010) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 11. – Ст.945.

3. Об утверждении Программы Правительства РФ о повышении эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года. Распоряжение Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 1101-р (ред. от 12.11.2010) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 28. – Ст.3720.

4. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского / Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 19 (ч.2). – Ст.1923.

5. Стандарт финансового контроля. СФК 104 «Проведение аудита эффективности использования государственных средств» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. – 2008. – № 8.

РАЗВИТИЕ ИМПЕРСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ В 1840-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-х гг.*

УДК 321(091); 34(091)

В.А. ВОРОПАНОВ

Данная статья посвящена вопросам развития административно-судебной системы Российской империи в Западном Казахстане – на территории Малого казахского жуза и Букеевской Орды. Исследование основано на сочетании опубликованных юридических источников и архивных материалов, извлеченных из фондов Государственного архива Оренбургской области и Российского государственного исторического архива.

Апробированную в 1820–1830-х гг. систему управления Младшим жузом [3, с. 101–105] закрепило Положение, утвержденное 14 июня 1844 г. Его действие было продлено сенатским указом от 30 апреля 1851 г. на срок до введения нового закона [18]. К концу 1840-х гг. в штате областной администрации – Комиссии пограничных дел, числилось 79 служащих, включая 8 переводчиков и толмачей. Число столов в канцелярии учреждения увеличилось до 6, «судное» и «уголовное» отделения находились в ведении особого секретаря. Присутствие Комиссии по обновленному расписанию составляли председатель, его заместитель, 4 советника и 4 заседателя, назначавшихся начальником края [12]. Результатом длительного воздействия коронной администрации на племенное сообщество стало сокращение в 1844 г. полномочий традиционного суда. Гражданские иски на сумму более 50 руб. подлежали передаче в Пограничную комиссию, где решались по общеимперским законам. Областная администрация представляла как апелляционную, так и альтернативную инстанцию, применяя обычное право. При учреждении составлялся третейский суд из казахского заседателя и посредников от заинтересованных сторон. Наконец, члены Комиссии рассматривали по словесным жалобам мелкие правонарушения (по «кражам ниже 20 руб. сер. и искам ниже 50 руб. сер.»). Чиновникам

вменялись в обязанность сбор и систематизация обычно-правовых норм, «дабы составить из оных род особого свода для руководства при производстве и решении тех дел, которые должны разбираться и судиться на основании сих народных обычаев» [13].

Уголовная юрисдикция в 1836–1844 гг. была разделена между специальным отделением Комиссии и военным ведомством. Гражданскому суду на основании общих законов подвергались жители степи, обвиненные в «воровстве-краже», «воровстве-мошенничестве» на сумму свыше 20 руб. серебром, в корчемстве, насилии «всякого рода» и тайном переходе через линию. Вслед за преступлениями лиц военнослуживых сословий Оренбургского края ужесточилось уголовное преследование казахов за совершение убийств, разбоя, захват россиян [8], позднее – за измену, грабеж, баранту и возмущение соплеменников против властей. Материалы предварительного следствия передавались в штаб отдельного Оренбургского корпуса, приговоры военно-судных комиссий утверждались военным губернатором края [34]. С 1854 г. в условиях политики по укреплению в составе России Южного Казахстана военно-уголовной юрисдикции стали подлежать казахи Малой Орды, совершившие нападение на почтовые маршруты, военные транспорты или купеческие караваны, шедшие «по военному пути» между Сырдарьей и Уралом [20].

С 1842 г. при Оренбургском тюремном замке находилось особое отделение для казахов [11]. Закон обязал чиновников Комиссии еженедельно проверять содержание лиц, взятых под стражу, и ежегодно обследовать линейные тюрьмы и арестантские избы, наблюдая, «чтобы киргизы понапрасну не томилась в заключении, и чтобы дела, по коим они содержатся, получили наискорейшее решение» [33].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ («Особенности функционирования региональных судебных систем в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.»), проект № 09-03-85301а/у.

В начале 1850-х гг. следственные органы были уполномочены приступать к работе до прибытия национальных представителей, ожидание которых оборачивалось длительными заключениями [4]. Производство дел в судах о преступлениях, совершенных против казахов, находилось на контроле у Комиссии, обязанной в случае недовольствия пострадавшей стороны входить с представлениями к главе администрации [16].

В 1844 г. Оренбургскую линию разделили на 6 попечительств. Новым должностным лицам, подотчетным Комиссии и размещенным в Гурьеве, Николаевском укреплении, Оренбурге, Орске, Троицке и Уральске [29], поручили защиту казахов во всех делах с россиянами, разбор незначительных имущественных претензий и контроль за следственными действиями казахских и полицейских чинов [15]. Инструкция напоминала об обязанности «обращаться с киргизами ласково, выслушивать внимательно их жалобы на линейных жителей... и всевозможно стараться доставить справедливое удовлетворение; в случае же невозможности сего, объяснить вразумительно, от чего жалоба не может быть удовлетворена, дабы проситель не имел повода полагать, что на просьбу его не обращено достойного внимания» [5, с. 65]. Число дистанций в Малой Орде к 1848 г. достигло 54-х из 75 запланированных [1, с. 110].

Иски на сумму ниже 50 руб., иные «маловажные преступления» остались в компетенции народных судей, действовавших «под наблюдением местного киргизского начальства». В перечень наказаний по решению суда биев и султанов-правителей входили отдача под надзор, заключение под стражу, возмещение убытков, публичные работы, сечение розгами, а также, в особых случаях и с согласия генерал-губернатора, отдача в солдаты по приговору «общества» и ссылка в Сибирь. Особенности судопроизводства в Западном Казахстане получили закрепление в Своде законов [14]. В 1845–1846 гг. чиновники продолжили сбор сведений об особенностях правовой жизни народа [7, с. 73–158].

Работа Комиссии по урегулированию внутренних конфликтов не прекращалась. В 1846 г. в степи было зарегистрировано 68 нападений и грабежей с убийством 303 и пленением 60 человек. В 1849 г. пограничные власти добились санкции на вмешательство в длительную усобицу между крупным родом Адай и остальными каза-

хами жуза, организовав летом 1851 г. народный съезд, обязавший племенную знать прекратить тяжелую вражду, удовлетворив претензии пострадавших сторон. В отчете чиновники записали: «...В киргизской степи Оренбургского ведомства... в 1852 г. было так спокойно, что почти нельзя указать ни одно заслуживающее внимание происшествие». В 1852 г. произошло 6 грабежей с убийством 1 и пленением 3 казахов. Нейтрализовать агрессию «сибирских» казахов и казаков было сложнее [5, с. 65, 70–71]. В 1863 г. Комитет министров узаконил разбирательство «взаимных претензий» «оренбургских» и «сибирских» казахов по «народным их обычаям» [23].

В 1859 г. территория Младшего жуза составила «Область оренбургских киргизов» подобно «Области сибирских киргизов», образованной в 1839 г. Вслед за Омским пограничным управлением Оренбургская комиссия пограничных дел преобразовалась в Областное правление, неподчиненное МВД. Управляющий западной частью Казахстана назначался монархом, члены правления – генерал-губернатором [22]. Глава краевой администрации указывал в отчетах на благоприятные условия для дальнейшего огосударствления традиционных структур управления в степи. «Туземцы», занятые на постах, констатировал генерал-губернатор в 1863 г., как правило, «крайне корыстолюбивы», так что, несмотря на объективные кадровые проблемы, русские чиновники оказываются «гораздо надежнее и полезнее» казахов. Угроза уголовных наказаний не останавливала этническую администрацию, оказывающую вне влияния народа, от злоупотреблений и казнокрадства. Низшие должностные лица выживались недобросовестными руководителями со службы или превращались в «покорные орудия» их преступлений. «Вообще сорокалетний опыт показал, что и султаны-правители, как прежде ханы, отжили свой век», – заключил А.П. Безак. Между тем, попечители, сообщил генерал-губернатор, «мало по малу приобрели уважение и доверенность киргизов которые теперь далеко предпочитают иметь дело с русскими чиновниками, нежели с своими из киргизов» [28].

Преобразование управления предлагалось начать с расширения полномочий попечителей, переводимых в центры округов. В судебной сфере от них требовались «постоянный бдительный надзор за действиями дистаночных начальников, относительно предоставленной им власти суда и

расправы по маловажным преступлениям и проступкам; разбирательство тех гражданских споров между киргизами, по которым обе спорящие стороны добровольно соглашались на суд попечителей, без ограничения суммы иска; старание чтобы кляузничество и ябедничество между ордынцами не распространялись, строгое наблюдение, чтобы уголовные преступления не были скрываемы и делопроизводство об них имело законный ход чтобы разбор претензий предоставленных народному суду, производился действительно согласно обычаям киргизов, а не произволу местного ордынского начальства и чтобы решения сего суда приводимы были в исполнение неотлагательно, наконец наблюдение за скорым и точным исполнением всех требований и предписаний областного правления, по производящимся следствиям и приведению в исполнение постановленных решений по делам тяжбы и уголовным» [30]. В комментариях к проекту «Положения о правах и общественном управлении прилинейных киргизов Оренбургского ведомства» отмечались неудобства изменений действовавших судебных порядков, которые следовало производить с учетом судебной реформы в империи [32]. Для разбора «споров и тяжб, маловажных проступков» рекомендовалось ввести «дистанционные суды» в лице до 3 выборных судей. Окончательное решение могло приниматься по делам на сумму до 100 руб. сер. Лица «постороннего ведомства», согласившись на степной суд, подчинялись его решению [31].

Упразднение ханской власти во Внутренней Орде ускорили массовые беспорядки второй половины 1830-х гг. Злоупотребления национальной администрации вызвали народные волнения, сопровождавшиеся грабительскими нападениями на кочевья калмыков, каракалпаков, татар, башкир и увеличением этнической напряженности в приграничном районе [6, с. 142–151]. С 1839 г. букеевских казахов, обвиненных в измене, неповиновении власти, возмущении соплеменников, попытке скрыться за границей империи, соучастии в тяжком преступлении, убийстве, подделке имперских монет, хищении казенного и общественного имущества, поджоге, насилии, грабеже, баранте, воровстве на сумму до 30 руб. сер. более двух раз, судили на основании уголовных законов. Прочие преступления, отнесенные к числу маловажных, разбирались ханом и Советом биев. Апелляции подавались в Пограничную комиссию [10]. В декабре 1852 г. по делам об измене,

убийстве, разбое, баранте и возбуждении соплеменников на Орду распространили действие военных судов [19].

В 1838 г. область букеевских казахов перешла в ведение Министерства государственных имуществ, в 1862 г. – МВД, оставаясь под общим руководством краевой администрации и Пограничной комиссии [9]. После правления Сахиб-Гирея (Саип-Керей-хана, 1845–1847 гг.) власть в Орде унаследовал Временный совет под председательством Адила Букеева в составе двух султанов и ведомственного чиновника. Для работы с делами, поступавшими из области, в Пограничной комиссии сформировали временный стол. Коллегия Комиссии разрешала спорные случаи в практике Временного совета [17]. По указу от 24 января 1858 г. присутствие Совета из двух советников от Министерства и двух султанов возглавил чиновник. Общий штат включал 24 вакансии [21].

В июле 1855 г. Комитет министров поручил «главному оренбургскому начальству» подготовку особого положения о казахах Внутренней Орды. Параллельно с разработкой документа коронная администрация приступила к последовательной реорганизации местного управления. В 1855, 1860 гг. регион разделили на 7 частей без учета родоплеменной структуры населения на главе с частными султанами. Число «старшинств» сократили до 84-х, свыше 100 должностей родового управления было упразднено. С 1860 г. кандидатов в руководители избирали родовые коллективы, должностные лица получали жалованье, исключавшее поборы с обывателей [25]. «Временный штат участкового управления», утвержденный 3 апреля 1864 г., в частности, включал должности 7 окружных правителей и 7 их помощников, 7 русских письмоводителей и 7 татарских писарей, а также 84 старшин, определявшихся и увольнявшихся коронной администрацией [24]. Священнослужители Орды находились в зависимости от Оренбургского магометанского духовного собрания [1, с. 16].

В июне 1864 г. проект «Положения о киргизах Внутренней Орды» был выслан в канцелярию министра внутренних дел. Третий раздел документа региональные эксперты посвятили вопросам организации суда («О суде в Орде»), приняв во внимание текущие правительственные планы по преобразованию правоприменительной сферы в империи. Чиновники констатировали: «Народный суд между киргизами исчез почти безследно; судопроизводство по делам, подлежащим решению в общем

порядке, крайне медленно от неимения средств вести с успехом самые следственные дела, что, вместе взятое, почти равносильно отказу для киргиза в правосудии». Перечень уголовно-наказуемых деяний был скорректирован. Авторы не упомянули об измене и побеге за границу, хищении казенного и общественного имущества, соучастии в преступлении, подделке монет, заместили обвинения в баранте и насилии грабежом и разбоем, возмущение соплеменников и неповиновение – открытым сопротивлением «властям при исполнении ими обязанностей». Не устанавливалась сумма ущерба, возмещавшегося на основе имперских законов, однако лицам «посторонних» ведомств предоставлялось право уклоняться от степного суда. Преступления, совершенные казахами на губернской территории, наказывались по общим законам. В степи предлагалось ввести институт судебных следователей, назначавшихся и увольнявшихся министром юстиции по согласованию с генерал-губернатором. Материалы уголовных дел подлежали передаче в ближайшие уездные суды Астраханской и Самарской губерний или в канцелярию главы администрации с последующим их поступлением в военные суды. Мелкие уголовные правонарушения и гражданские иски оставались для разбирательств по обычаям.

Действие привычного для казахов степного суда прекратилось в правление хана Джангира. «Возстановлять его в прежнем виде нет никакой пользы; едва ли даже это возможно», – заявили чиновники. Проект предусматривал введение в области 43 участковых и 86 почетных биев. Первая инстанция «народного суда» могла окончательно удовлетворять претензии на сумму до 50 рублей и решать дела о «маловажных преступлениях и проступках». Вторую инстанцию представлял съезд участковых и почетных судей, избравший своего председателя. Обыватели пользовались правом нести иски и жалобы на съезды биев, минуя первую инстанцию. Истцам следовало выдавать «судные листы» для исполнения судебных постановлений. Новая система наказаний включала арест до 7 дней или до месяца, общественно полезную работу до 6 дней или 2 недель, штраф до 10 или 25 рублей и телесную кару до 20 или 30 ударов [27]. В заключение авторы указали на собственное понимание цели законодательных усилий: «Положение... потребует перемен по мере развития между киргизами гражданственности; таким образом,

оно будет идти рука об руку с народной жизнью ордынцев» [26].

Таким образом, законодательные меры, направленные в 1830–1850-х гг. на фактическое соединение областей Западного Казахстана с Россией, основывались на изучении правительственным аппаратом исторических, географических, этнографических и культурных особенностей народа. Краевые власти содействовали становлению практик местных учреждений и должностных лиц в соответствии с правом, сдерживали злоупотребления личного состава. Казахская знать втягивалась в формально-служебные связи и отношения. Если имперское присутствие в Восточном Казахстане выросло в 1844 г. через расширение чиновных штатов в окружных приказах, то в западной части региона правозащитные и альтернативные судебные функции были возложены на особый штат попечителей. Выражением административно-территориального развития края стало образование на территории бывшего Младшего казахского жуза новой имперской области. В районах, примыкавших к России, политика интеграции ускорила: Букеевской Ордой, подобно калмыцким улусам, с 1847 г. руководили чиновники Министерства государственных имуществ.

Правительство поступательно расширяло уголовную юрисдикцию государственных органов. Ограниченное распространение в 1836 г. военно-уголовного законодательства на букеевских казахов стало реакцией на сопротивление осуществлению правительственных планов, продвижению государственных институтов, спровоцированное трансформациями социальных отношений, выделение в 1837 г. в компетенцию военных судов особой категории преступлений, совершенных казахами Малого жуза, – частью общих мер военно-уголовного характера в Оренбургском крае и Южном Зауралье, нацеленных на достижение общественной безопасности. В ходе законодательных преобразований действие уголовно-правовых норм по отношению к жителям Западного Казахстана максимально расширилось в 1839–1844 гг.

На уровне обычной юстиции продолжалось искусственное вытеснение биев служилыми султанами и старшинами, замещение авторитета народных судей государственными учреждениями и уполномоченными лицами. В 1844 г. полномочия обычных судов в Младшем жузе подверглись существенному формально-юридическому сокращению. В условиях

легитимного правового синкретизма юридический быт казахов менялся, барымта, безуспешно искоренявшаяся имперскими властями, лишалась правовой санкции [2, с. 360–388].

Правительственная администрация стремилась к полному огосударствлению института народных судей, преодолевая многовековую традицию, и, вынужденная бороться с произволом местного аппарата управления, искала способы установления типовых гарантий правосудия. В начале 1860-х гг. руководство края рекомендовало ввести дистанционное звено местной су-

дебной системы, определив компетенцию и обозначив безусловную ответственность территориальных судей. Несмотря на готовность казахского населения апеллировать в государственные органы как альтернативные правоохранительные инстанции, институты имперской власти переходного периода часто демонстрировали бессилие в предоставлении правосудия. Суд биев оставался необходимым народу. Коронные власти продолжали работы по сближению правовых культур, исследованию, инкорпорации и употреблению норм обычного права.

1. Бларамберг, И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букевской) и Зауральской (Малой) Орды, Оренбургского ведомства [Текст] / И.Ф. Бларамберг // Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XIV. – Ч. 2. – СПб., 1848.
2. Вирджиния, М. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология [Текст] / М. Вирджиния. – М., 2005.
3. Воропанов, В.А. Становление местной имперской администрации в областях Казахской степи: проекты и реализация судебных реформ 1820-х гг. [Текст] / В.А. Воропанов // Социум и власть. – 2010. – № 2. – С. 101–105.
4. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6747. Л. 1–3.
5. Горбунова, С.В. Судебные функции Оренбургской пограничной комиссии и их осуществление [Текст] / С.В. Горбунова // Проблемы истории России и западноевропейских стран. – Нижневартовск, 1997.
6. Зиманов, С.З. Народно-освободительное восстание под предводительством Исатая Тайманова [Текст] / С.З. Зиманов // История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. – Алма-Ата, 1979. – Т. 3.
7. Материалы по казахскому обычному праву [Текст]: сб. 1 / под ред. С.В. Юшкова. – Алма-Ата, 1948.
8. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 9711а.
9. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIII. 10947; Т. XXI. № 19637.
10. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIV. № 12811; СЗ РИ. Т. XV. Кн. I. Приложение IV к ст. 183.
11. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XVII. № 15763.
12. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. Ч. 2. № 17998; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9842/8. Л. 11–15.
13. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 17998. Разд. VII. § 58, 60–68.
14. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 17998. Разд. VII. § 59; РГИА. Ф. 1405. Оп. 61. Д. 5600. Л. 21–23 об.
15. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 17998. Разд. VII. § 69.
16. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIX. № 17998. Разд. VII. § 75–76.
17. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXII. № 20885.
18. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVI. № 25171.
19. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXVII. № 26821; Т. XXXVII. № 37839; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6761. Л. 1–3.
20. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXIX. № 28712.
21. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIII. № 32717.
22. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIV. № 35223.
23. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXVIII. № 40333.
24. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIX. Ч. 3. № 40735.
25. РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Д. 184. Л. 1–3.
26. РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Д. 184. Л. 2 об.
27. РГИА. Ф. 797. Оп. 34. Д. 184. Л. 4, 5 об.–15, 20–21.
28. РГИА. Ф. 1405. Оп. 61. Д. 5600. Л. 1–4.
29. РГИА. Ф. 1405. Оп. 61. Д. 5600. Л. 3 об.
30. РГИА. Ф. 1405. Оп. 61. Д. 5600. Л. 6–6 об., 9.
31. РГИА. Ф. 1405. Оп. 61. Д. 5600. Л. 44–44 об.
32. РГИА. Ф. 1405. Оп. 61. Д. 5600. Л. 58, 107–108.
33. СЗ РИ. Т. II. Ч. 2. Ст. 747.
34. СЗ РИ. Т. II. Кн. VII. Ст. 787; Т. XV. Кн. I. Ст. 183; ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 10384; Т. XIX. № 17998. Разд. VII. § 56–57, 70–74, 78; РГИА. Ф. 1405. Оп. 61. Д. 5600. Л. 21–23 об.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ

УДК 330.161.3 + 338.124.4

И.А. АНДРОС

Анализ адаптационных стратегий жителей Беларуси в условиях мирового финансово-экономического кризиса позволяет, с одной стороны, выявить и описать наиболее удачные типы экономического поведения на микроуровне [5, с. 24], которые способствуют минимизации негативного влияния макрофакторов, с другой стороны, – определить, в какой мере и по каким направлениям государственная социальная политика оказывается наиболее эффективной в плане обеспечения возможностей для наилучшего раскрытия творческого потенциала хозяйствующих субъектов в изменившейся экономической ситуации. Эффективность социальной политики может быть оценена путем проведения экономико-социологических исследований, которые «имеют своей целью выяснить, каким образом люди используют свои ограниченные ресурсы для производства, распределения и обмена товаров и услуг в целях потребления, т.е. анализируется процесс выбора между альтернативными вариантами использования редких ресурсов, методы организации ресурсов, способы распределения богатства и вознаграждения за экономическую деятельность» [10, с. 51].

В Беларуси одним из наиболее авторитетных источников эмпирических социологических данных является ежегодный республиканский мониторинг «Общественное мнение», проводимый Институтом социологии Национальной академии наук. Результаты этого мониторинга, полученные в «кризисном» 2009-м году, свидетельствуют, что крылатая фраза Главы белорусского государства о том, что кризиса у нас нет, а кризис вокруг нас, весьма четко определила общий вектор социального на-

строения большинства населения республики по поводу возникающих финансовых трудностей. Вместе с тем, следует отметить, что реальное изменение условий хозяйственной деятельности заметно повлияло на экономическое поведение людей, которым пришлось приспосабливаться к новым реалиям, вырабатывать адаптационные решения, использовать нестандартные подходы, пересматривать прежние схемы работы, апробировать новые модели. Опишем наиболее существенные особенности адаптационных решений жителей Беларуси, опираясь на результаты республиканского мониторинга.

В рамках настоящего исследования мы разделяем два основных типа адаптационных решений и соответствующих этим решениям стратегий экономического поведения. Это *активные* и *пассивные* решения. Первые связаны с деятельностной адаптацией, когда роль субъекта ярко выражена. Вторые предопределяют выжидательную позицию субъекта решения. В ходе анализа социологических данных республиканского мониторинга,* мы выделили три группы социальных субъектов, которые являются носителями определенных типов адаптационных решений. Основой дифференциации являются ответы респондентов на вопрос о выборе стратегии поведения при решении возникающих материальных затруднений, связанных не только с результатом деятельности, но и с реализацией самой деятельности («Если Ваше материальное положение в ближайшее время существенно ухудшится, то как Вы поступите?»). Материальные (предметные) ценности выступают как объектами потребностей и интересов человека, так и социальными благами, содержащимися в обществен-

* Эмпирической основой являются материалы ежегодного социологического мониторинга «Общественное мнение», проводимого Институтом социологии НАН Беларуси. Республиканская выборка включает 2110 респондентов, опрашиваемых методом анкетирования. Частотный и факторный анализ распределения ответов респондентов проведен автором с использованием базы данных 2009 г. в программе SPSS 13.

но-экономических процессах [см. 9, с. 93]. Поэтому снижение размера материальных доходов многими социальными субъектами воспринимается болезненно.

Итак, представители первой группы в случае серьезных материальных затруднений стремятся к выработке экономически активных решений (52,3%). Представители второй склонны занимать выжидательную позицию (21,1%), практически такую же долю (23,0%) составляют затруднившиеся в выборе активного/пассивного адаптационного решения. Назовем данную группу «сомневающиеся». Кроме того, выявлена еще одна группа, статистически незначимая (3,6%), представители которой готовы в ситуации существенного ухудшения их материального положения к активным протестным действиям политического характера (участию в митингах, забастовках и т.п.). В силу крайней малочисленности этой группы мы исключаем ее из области нашего анализа, поскольку в данном случае отсутствует возможность для корректного сопоставления с вышеуказанными насыщенными группами.

Распределение ответов респондентов по выделенным группам на вопрос «Какого подхода Вы, как правило, придерживаетесь в решении материальных проблем?» подтвердило предположение, что приверженцы активных адаптационных решений существенно более экономически активны и в повседневной хозяйственной практике. Доля носителей активного типа экономического поведения в 3 с лишним раза превышает аналогичную долю в группе «пассивных» и почти в 2,5 раза – в группе «сомневающих». Хотя, при решении материальных проблем, большая часть каждой группы носителей различных адаптационных решений старается жить по средствам (среди активных – 42,3%, пассивных – 57,2%, сомневающих – 48,0%).

Первые негативные проявления мирового финансово-экономического кризиса в Беларуси встретили спокойно. Фактически как определенное преимущество «белорусской модели экономики» в условиях кризиса выступал факт неразвитости в РБ рынков ценных бумаг, кредитов, депозитов, страховых и гарантийных услуг [см. 8, с. 306]. Предполагалось, что это обстоятельство автоматически защитит Беларусь на микроэкономическом уровне от воздействий глобального кризиса, «произшедшего из-за переизбытка долларов». Однако резкое ухудшение показателей финансово-хозяйственной системы республики привело

к нарастанию социальной напряженности. Например, в новогодние праздники накануне 2009 года в Беларуси был зафиксирован ажиотажный спрос на иностранную валюту, промышленные товары иностранного производства длительного пользования, спиртосодержащие напитки, сигареты, т.е. товары, ценники на которые не успели скорректировать. Был зафиксирован и скачок цен, когда по целому ряду товаров рост цен существенно превысил уровень девальвации (рост цен на чай – до 29%, на рыбу – до 44%, на фрукты и овощи – до 59,6%, крупы – до 27%) [11].

Таким образом, в результате влияния финансово-экономического кризиса на все сферы деятельности жизненные проблемы для многих жителей Беларуси стали более ощутимы и менее разрешимы. Прямой подсказкой в изучении адаптационных решений, вырабатываемых в условиях финансово-экономического кризиса, послужит рассмотрение алгоритма разрешения возникающих трудностей, который формируется у индивидов на основе практического опыта на протяжении всей их жизни. Данный алгоритм начинается с анализа сложившейся ситуации (что нами уже сделано), затем происходит ее оценка, далее формируется концепция для поиска ответа с дальнейшей проверкой принятого решения.

В нашем исследовании социальным субъектам предложено было указать проблемы, наиболее их волнующие. При помощи SPSS, используя стандартную процедуру расчета факторного анализа, предлагаемые 17 вариантов-положений были сведены к меньшему количеству независимых влияющих величин. В результате выделены 7 собственных факторов, превосходящих единицу. Первый фактор объясняет 9,457% суммарной дисперсии, второй – 8,804%, третий – 8,701%, четвертый – 6,844%, пятый – 6,436%, шестой – 5,991%, седьмой – 5,977%. Итак, варианты мнений граждан по волнующим проблемам можно отнести к семи факторам в следующем порядке (взяты три переменные, наиболее сильно коррелирующие с каждым фактором).

Фактор 1. Назовем его «Добробыт». Желаящих решить жилищные проблемы (0,615) волнует уровень оплаты труда (0,518), а также лишение возможности домостроиться, т.е. угроза потери работы (0,220).

Фактор 2. «Здоровье нации». Обеспокоенные *ростом пьянства и алкоголизма*

ция населения (0,785) и распространением наркомании (0,778) опасаются всеобщей деградации, в том числе расслоения общества на бедных и богатых (0,112).

Фактор 3. «Потребительский минимум». Жизнь, рассчитанная по минимальным средствам, вынуждает зависеть от тарифов на коммунальные услуги (0,619), цен на продукты и товары первой необходимости (0,581) и уровня пенсионного обеспечения (0,229).

Фактор 4. «Самосохранительный». Применение принципа «Я отвечаю за себя, за свою семью, за свою страну!» формирует у субъектов позитивные ориентации на самосохранение в качестве и доступности медицинского обслуживания и лекарств (0,627), личной безопасности (0,584) и переживаниях за экологическую ситуацию (0,203).

Фактор 5. «Финансовый». Своевременность выплаты зарплаты, пенсий (0,712), угроза потери работы (0,441), проблема состояния здоровья (0,101) – для обычного работника это стандартный набор проблем, который со временем начинает действовать в обратном порядке.

Фактор 6. «Стратификационный». В последние годы проблемы социально-экономического характера, такие, как инфляция и обесценения денег (0,768), расслоения общества на бедных и богатых (0,522) и угроза потери работы (0,173) воспринимаются как хронические.

Фактор 7. Состояние Вашего здоровья (0,353), угроза потери работы (0,328), уровень оплаты труда (0,271).

Для дальнейшего анализа отобраны первые шесть факторов (кратко нами охарактеризованные), так как внутри седьмого наблюдается слабая факторная нагрузка. Кроме того, две переменные – это угроза потери работы и расслоение общества на бедных и богатых – относятся к нескольким факторам одновременно. Первая переменная находится в 1-м, 5-м и 6-м факторах, вторая переменная – во 2-м и 6-м. В нашем случае такое допустимо. Для установления связей выделенных факторных значений с переменными «активные», «пассивные» и «сомневающиеся» используем стандартное разбиение факторных значений на четыре группы процентилей: влияние проблемы отсутствует, слабое, сильное или очень сильное. Ниже представлена сборная таблица сопряженности выявленных факторов и интересующих нас групп социальных субъектов (см. табл. № 1).

Проанализировав связи между фак-

торными значениями и переменными (дифференцированными по режиму воплощения адаптационными решениями) в пяти последних внутренних подтаблицах, можно отметить лишь небольшие расхождения процентных значений. Проведенный тест χ^2 -квадрат (с помощью SPSS) по каждой из внутренних таблиц подтвердил незначимое различие между отобранными переменными.

Фактор «Добробыт» на сегодняшний день доминирует в сознании опрошенных социальных субъектов в целом, кроме сторонников активных адаптационных решений, которые не возводят жилищную проблему в ранг «сложно решаемых». Действительно, в настоящее время более семисот тысяч белорусских граждан «томится» в очередях за квадратными метрами [2]. По статистическим данным, в Беларуси по состоянию на 1 января 2009 года на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий состояли 701 023 человека, что на 2,4% меньше, чем на 1 января 2008 года. В том числе своей очереди построить жилье с господдержкой ожидали 16 927 многодетных и 338 701 молодая семья. Более 10 лет в очереди состоят свыше 156 тыс. человек [7]. Для Беларуси это звучит странно: объемы строительства жилья увеличиваются, население сокращается, а нуждающихся все больше. Почему так происходит?! На наш взгляд, проблема заключается в том, что в республике много «искусственно нуждающихся», намеренно ухудшаются жилищные условия, заключаются фиктивные сделки (брак, регистрация). То есть, существует изначальная фальсификация нуждаемости. Скорее всего, пассивные и сомневающиеся социальные субъекты, находясь в долгосрочных очередях, на подсознательном уровне ощущают чувство дискомфорта, которое, в свою очередь, способствует формированию не активного, как можно было ожидать, а пассивного экономического поведения.

Что или кто помогает опрошенным нами социальным субъектам в проблемной ситуации, когда деятельность не реализуется принятыми ранее способами, и достижение результата деятельности в изменившихся условиях непрогнозируемо, затруднено или исключено, показано в таблице 2.

Таблица 1.

Оценка влияния жизненных проблем на различные группы социальных субъектов

	<i>Фактор 1 «Добробыт», %</i>				Итого
	отсутствует	слабое	сильное	очень сильное	
Активные	33,0	29,0	26,0	12,0	100,0
Пассивные	14,2	18,3	20,0	47,5	100,0
Сомневающиеся	17,7	22,2	27,0	33,1	100,0
% от социальной группы	21,6	23,2	24,3	30,9	100,0
	<i>Фактор 2 «Здоровье нации», %</i>				Итого
	отсутствует	слабое	сильное	очень сильное	
Активные	26,4	24,0	24,0	25,6	100,0
Пассивные	19,8	27,3	27,0	25,9	100,0
Сомневающиеся	25,2	25,2	26,0	23,6	100,0
% от социальной группы	23,8	25,5	25,7	25,0	100,0
	<i>Фактор 3 «Потребительский минимум», %</i>				Итого
	отсутствует	слабое	сильное	очень сильное	
Активные	24,3	23,6	24,7	27,4	100,0
Пассивные	25,0	28,6	24,8	21,6	100,0
Сомневающиеся	26,8	24,7	25,2	23,3	100,0
% от социальной группы	25,4	25,6	24,9	24,1	100,0
	<i>Фактор 4 «Самосохранительный», %</i>				Итого
	отсутствует	слабое	сильное	очень сильное	
Активные	24,8	23,9	22,3	29,0	100,0
Пассивные	25,9	26,6	28,8	18,7	100,0
Сомневающиеся	25,4	26,2	27,9	20,5	100,0
% от социальной группы	25,4	25,6	26,3	22,7	100,0
	<i>Фактор 5 «Финансовый», %</i>				Итого
	отсутствует	слабое	сильное	очень сильное	
Активные	25,0	26,0	21,5	27,5	100,0
Пассивные	27,7	23,4	26,6	22,3	100,0
Сомневающиеся	23,7	24,1	32,2	20,0	100,0
% от социальной группы	25,5	24,5	26,8	23,2	100,0
	<i>Фактор 6 «Стратификационный», %</i>				Итого
	отсутствует	слабое	сильное	очень сильное	
Активные	26,6	22,8	23,9	26,7	100,0
Пассивные	23,4	30,0	25,9	20,7	100,0
Сомневающиеся	22,9	25,6	27,4	24,1	100,0
% от социальной группы	24,3	26,2	25,7	23,8	100,0

Таблица 2.

Распределение ответов респондентов по выделенным группам на вопрос «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?», рейтинг в коэффициентах

Варианты ответов		Активные	Пассивные	Сомневающиеся
1.	Семья	4,22	4,17 (1)	4,19 (1)
2.	Жизненный опыт	3,79	3,62 (3)	3,60 (2)
3.	Деньги	3,67	3,48 (4)	3,48 (4)
4.	Друзья	3,44	3,15 (5)	3,30 (5)
5.	Знания, владение информацией	3,30	2,91 (8)	3,06 (7)
6.	Нравственные качества	3,30	3,13 (6)	3,13 (6)
7.	Деловые качества	3,28	2,90 (9)	3,05 (8)
8-9.	Наличие нужных связей, знакомств	3,19	2,95 (7)	2,96 (10)
8-9.	Профессиональные знания, умения	3,19	2,76 (12)	2,97 (9)
10.	Вера в бога	3,18	3,70 (2)	3,5 (3)
11.	Хорошее образование	3,11	2,79 (10-11)	2,92 (11)
12.	Личный авторитет, известность, репутация	2,90	2,60 (15)	2,73 (12)
13.	Наличие собственности	2,67	2,66 (14)	2,68 (13)
14.	Обращение к закону	2,53	2,73 (13)	2,48 (16)
15.	Престиж профессии	2,50	2,47 (16)	2,49 (15)
16.	Занимаемая должность	2,44	2,41 (17)	2,44 (17)
17.	Государство	2,32	2,79 (10-11)	2,6 (14)
18.	Участие в политической жизни	2,02	2,03 (18)	2,31 (18)
Средний «показатель надежды»		3,058	2,958	2,994

Как видно из таблицы 2, группа активных социальных субъектов имеет более высокий интегральный «показатель надежды», чем группы пассивных и сомнеющихся социальных субъектов, у которых он практически одинаков. Кроме того, надежда подталкивает деятельных граждан к самостоятельным активным действиям, пассивных и неопределившихся – к ожиданию активных действий помощи извне. Так, при сравнении внутри самих групп построенной структурной иерархии условий, помогающих справляться с жизненными

проблемами, обращает на себя внимание доминирующее положение института семьи. Терминальная ценность «вера в бога» занимает у пассивных социальных субъектов 2-е место, сомнеющихся – 3-е место, активных – 10-е место. Также, для выделенных социальных групп важную роль в разрешении жизненных трудностей играет финансовая поддержка.

Накопленный жизненный опыт, заработанные деньги, приобретенные друзья, полученные знания и нравственные качества помогают активным гражданам в преодолении жизненных проблем, а так-

же сопутствуют реализации необходимых экономических стратегий. Для разрешения возникающих трудностей активные используют в равной мере наличие нужных связей, знакомств и профессиональные знания, умения, при этом так называемой «надстройкой» этих условий выступают деловые качества. Сегодня деловые или профессиональные качества личности – это то, что выделяет профессионала среди представителей своей же сферы деятельности. То есть, речь идет об определенных универсальных качествах человека/профессионала, вне зависимости от конкретной сферы деятельности, благодаря которым он становится эффективнее остальных работников.

Пассивные субъекты выделяют владение информацией и деловые качества, надстраивая над ними наличие нужных связей и знакомств, что указывает на зависимость неактивных от внешних факторов. С другой стороны, у пассивных в решении проблем срабатывает древнейшая бизнес-мудрость «Связи решают все!». Тем самым, даже у неактивных в экономическом смысле субъектов в повседневной жизни присутствуют элементы предпринимательской деятельности, поскольку они для эффективного разрешения жизненных проблем делают значительный упор на отношения с людьми. Бизнес – это отношения людей. Социальным связям, благодаря которым обеспечивается успех (или неуспех) любого дела американские маркетологи дали отдельное название «нетворкинг» (от англ. net – сеть и work – работа). Польза от «нужных людей» часто определяется только экспериментально, практически, с использованием авантюризма [см. 6].

Что касается группы сомневающихся, то представители данной общности склонны к реализации скорее пассивного, а не активного экономического поведения. Неопределившиеся в выборе социально-экономических стратегий упускают целый ряд возможностей в жизни, в то время как другие за эти возможности ухватываются и получают преимущество. У сомневающихся социальных субъектов, как и у пассивных, сильно полагание на внешние социальные институты. Это институты власти – государство и обращение к закону, которые через контролирующие функции обеспечивают существование принципов социальной справедливости. Для пассивных и сомневающихся граждан «наиболее

приемлемыми являются общественные отношения, в которых государство без волеизъявления своих граждан не имеет права делать то, что оно считает полезным обществу, но и не имеет права оставлять граждан без своей помощи даже в обмен на свое невмешательство в частную жизнь граждан» [3, с. 290].

В определении роли государства и социальных субъектов в процессах разрешения финансово-экономических проблем и регулирования их последствий автор присоединяется к высказыванию западногерманского экономиста и государственного деятеля Людвиг Эрхарда: «Представляющийся мне идеал покоится на том, чтобы человек мог сказать: «У меня достаточно сил, чтобы постоять за себя, я хочу сам нести риск в жизни, хочу быть ответственным за свою судьбу. Ты, государство, заботься о том, чтобы я был в состоянии так поступать. Не так должно было бы звучать: «Ты, государство, приди мне на помощь, защищай меня и помогай мне», но наоборот: «Ты, государство, не заботься о моих делах, но предоставь мне столько свободы и оставь мне от результата моей работы столько, чтобы я мог сам и по собственному усмотрению обеспечить себе существование, мою судьбу и судьбу моей семьи...» [12, с. 236–237].

В настоящее время, в режиме усиления социальной направленности рыночных отношений в белорусской экономике более половины субъектов отечественного рынка являются представителями активного экономического поведения. На любые изменения в условиях хозяйственной деятельности сторонники активных адаптационных решений реагируют незамедлительно, используя любую возможность повысить уровень своих доходов. Для государства именно экономически активная часть населения представляет собой некую критическую массу, необходимую для проведения эффективных рыночных реформ, выступает спасительным «реактором» осуществления эффективной социально-экономической политики. Наличие достаточно большой доли носителей пассивного экономического поведения (21,1%) и сомневающихся (23,0%) может сформировать стереотип о белорусах как об осторожных и не очень активных. Но поскольку в Беларуси именно государство является инициатором и строгим регулятором всех преобразований, то можно

предположить, что степень экономической активности у населения республики достаточно высокая, хотя существуют некоторые сложности в ее практической реализации [1].

Мировая практика показывает, что кризисные ситуации не имеют однозначного решения, поскольку возникающая неопределенность не позволяет эффективно управлять сложившейся ситуацией. Социальное напряжение отдельного индивида, помноженное на социум, создает угрозу равновесию и целостности всей социальной системы. Тем не менее, социальное напряжение, охватившее население Беларуси в начале финансово-экономического кризиса, спало достаточно быстро. Схожий интегральный «показатель надежды» в социальных группах активных (3,058), пассивных (2,958) и сомневающихся (2,994) свидетельствует о существовании социального равновесия среди средств разрешения возникающих проблем для различных групп населения. В условиях финансово-экономического кризиса жителей республики наиболее волновали жилищные проблемы, рост пьянства и

алкоголизации населения, тарифы на коммунальные услуги, качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств, своевременность выплат зарплаты и пенсий, инфляция. Однако эти проблемы были актуальными для населения Беларуси на протяжении нескольких последних лет, особенно жилищные. Скорее всего, риск пересечения обществом условной «красной черты», за которой деградация, разрушение, потеря целостности, оказался настолько велик, что механизм общественной координации в очередной раз активизировал у белорусского народа, «максимально нагруженного славянской неспешностью» [3, с. 236], такие его культурные доминанты, как «памяркоўнасць, паслядоўнасць, талерантнасць» [4, с. 28]. Тем самым, влияние мирового финансово-экономического кризиса в социальном плане на Беларусь не оказалось столь разрушительным, поскольку при непосредственном участии государства в очередной раз блокировку краха находящейся в кризисе системы хозяйствования выполнил так называемый «предохранитель» самохранения социальной системы.

1. Андрос, И.А. Феномен белорусского предпринимательства в социокультурном измерении [Текст] / И.А. Андрос // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: сб. науч. работ. – Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2010. – Выпуск 16. – С. 362–366.
2. Анна Ноздрина. К 2013 году в улучшении жилищных условий будут нуждаться все белорусы // Информационно-справочный портал Беларуси Interfax.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/article/55192> (дата обращения: 07.02.2011).
3. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы [Текст] / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. Сухого, 2009. – 319 с.: ил.: 2 карты.
4. Кобяк, О.В. Моделирование включения коллективных хозяйствующих субъектов в рынок труда [Текст] / О.В. Кобяк // Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси: социологический анализ. – Минск: Право и экономика, 2000. – С. 28–31.
5. Кобяк, О.В. Экономический человек: закономерности формирования мышления и механизмы управления поведением [Текст] / О.В. Кобяк. – Минск: Право и экономика, 2006. – 215 с.
6. «Нетворкинг» – как инструмент расширения бизнеса // Информационно-аналитический портал «Бизнес и финансы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://business.damotvet.ru/marketing/22190.htm> (дата обращения: 07.02.2011).
7. По Беларуси очередь нуждающихся в жилье уменьшилась, а в Минске – выросла // Информационный портал Беларуси Autolink.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.autolink.by/novosti/po_belarusi_ochered_nuzhdayuwihsya_v_zhile_umenshilas_a_v_minske_vyrosla (дата обращения: 07.02.2011).
8. Полоник, С.С. Экономическая безопасность Республики Беларусь в условиях финансового кризиса: внешнеэкономические и финансовые аспекты [Текст] / С.С. Полоник. – Минск: Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь, 2009. – 371 с.
9. Рубинштейн, А.Я. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса [Текст] / А.Я. Рубинштейн. – СПб.: Алетей, 2008. – 560 с.
10. Смелсер, Н.Дж. Социология экономической жизни / пер. с англ. – Новосибирск, 1985. – 428 с.
11. Фадеев, А.В. Мировой финансово-экономический кризис и его влияние на экономику Белоруссии [Текст] / А.В. Фадеев // Информационно-аналитический портал Империя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imperiya.by/economics3-5198.html> (дата обращения: 07.02.2011).
12. Эрхард, Л. Благополучие для всех [Текст] / Л. Эрхард / пер. с нем.; предисл. Б.Б. Багаряцкого, В.Г. Гребенникова. – М.: Начала-Пресс, 1991. – 332[3] с.

ВЛИЯНИЕ ОЦЕНКИ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ НА ПРОЦЕСС КОРРЕКТИРОВКИ СТРАТЕГИИ

УДК 338.2 (075.8)

А.Н. АРТЁМОВА, О.В. ЗУБКОВА

Повышение эффективности управления бизнес-процессами промышленных предприятий предполагает разработку комплексной методологии и адекватных инструментов управления. Известно, что эффективное управление промышленным предприятием влияет на рост оборота, увеличение объемов прибыли, осуществление масштабных реинвестиций и, как следствие, обеспечивает дополнительные конкурентные преимущества хозяйствующего субъекта. В этой связи представляется актуальным проводить оценку управленческих решений, принимаемых на оперативном и стратегическом уровнях. Специалисты полагают, что для этого традиционного финансового анализа недостаточно. Целесообразно расширить набор ключевых показателей, адаптированных к отечественной бизнес-практике.

Поскольку система управления любым предприятием содержит императивные элементы: прогнозирование, планирование, организацию, мотивацию, координацию, учет и анализ, имеются основания говорить о создании универсального инструментария для оценки их эффективности. Вместе с тем, понятно, что особенности производственно-хозяйственной деятельности создают специфические требования к стратегическому и оперативному уровням управления конкретным предприятием. Поиск диалектического взаимодействия этих двух обстоятельств обусловил актуальность разработки системы показателей, являющейся основой оценки эффективности оперативного управления промышленным предприятием.

В отечественной практике эффективность управления деятельностью промышленного предприятия оценивалась с использованием трех групп показателей, относящихся к производственной эффективности, эффективности хозяйственной деятельности и финансово-экономической эффективности.

К зарубежным методикам оценки эффективности управления предприятием в первую очередь следует отнести модель Дюпон, французскую концепцию управления эффективностью – *tableau de bord* (фр.

«панель управления»), современные представители которой – Ив Чапелло, Мишель Лебас, сбалансированную систему показателей Лоренца Мейсела, Модель EP2M Кристофера Адамса и Питера Робертса, Ключевые показатели эффективности (KPI) западных компаний, а также пользующуюся повышенным интересом в последнее время сбалансированную систему показателей С. Каплана и Д.П. Нортон.

Тем не менее, на основе использования указанных отечественных и западных методик результаты оценки эффективности оперативного управления предприятием не в полной мере позволяют выявить необходимость корректировки стратегии ведения бизнеса.

С позиции менеджмента организация – это группа людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения общей цели или целей. Однако формальное управление редко имеет дело с организациями, имеющими только одну цель. Большинство организаций являются не только группами людей, целенаправленных в своей деятельности и имеющих определенный набор взаимосвязанных целей, они также характеризуются общими для всех сложных организаций параметрами: ресурсы; зависимость от внешней среды; горизонтальное разделение труда; вертикальное разделение труда; необходимость управления.

Управление – это процесс планирования, организации, мотивации и контроля для того, чтобы сформулировать и достичь цели организации [3, с. 58].

К настоящему времени известны четыре основных подхода к управлению:

1. Подход с позиций выделения различных школ в управлении.

2. Процессный подход, рассматривающий управление как непрерывную серию взаимосвязанных управленческих функций.

3. Системный подход, в котором подчеркивается, что руководители должны рассматривать организацию как совокупность взаимозависимых элементов (персонал, структура, задачи, технологии), которые ориентированы на достижение различных целей в условиях меняющейся внешней среды.

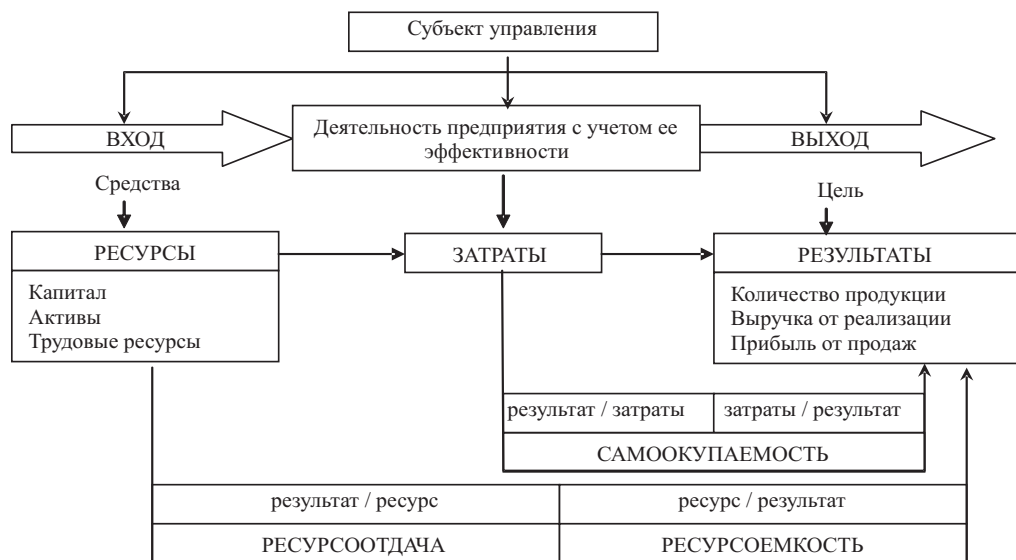

Рис. 1. Функциональная структура деятельности предприятия

4. Ситуационный подход, концентрирующийся на том, что пригодность различных методов управления определяется текущей ситуацией.

По нашему мнению, по отношению к средним и крупным промышленным предприятиям наиболее подходящим является системный подход. Причем системой признается как само предприятие, так и процесс управления им как некая целостность, состоящая из взаимозависимых частей, каждая из которых вносит свой вклад в характеристики целого. Причем и предприятие (организация), и процесс управления являются открытыми системами, то есть системами, характеризующимися взаимодействием с внешней средой.

Говоря об управлении организацией или предприятием, подразумеваем управление деятельностью предприятия. Для характеристики деятельности предприятия в экономических науках используются сотни категорий, о чем можно судить по содержанию многочисленных словарей, справочников, глоссариев, посвященных прикладной экономике. Однако содержание конкретной экономики предприятия может быть описано минимумом базовых экономических категорий [4, с. 10], представленных на рис. 1.

Крупные составляющие сложных систем, таких, как деятельность предприятия, называются подсистемами, которые в свою очередь могут состоять из более мелких подсистем. Управляя всей системой деятель-

ности, необходимо управлять ее подсистемами, поскольку они все взаимозависимы, и неэффективное функционирование даже самой маленькой подсистемы может повлиять на систему в целом. А, следовательно, отрицательно повлиять на степень достижения цели предприятия. Итак, в общем виде, управление – это деятельность, направленная на достижение определенных целей.

Процесс управления предприятием включает в себя стратегический, оперативный и текущий (диспозитивный) уровни. Цикл управления предприятием представлен на рис. 2.

Стратегическое управление представляет собой деятельность по разработке миссии, важнейших целей организации и способов их достижения, обеспечивающих ее развитие в нестабильной внешней среде путем изменения и самой организации, и ее внешней среды. Стратегическое управление – это непрерывный процесс выбора и реализации целей и стратегий организации. Эффективность стратегического управления зависит от трех стратегических макроустановок организации: на рост, защиту и развитие. В зависимости от среды возможно преобладание той или иной установки. В современных условиях кардинального изменения экономики страны, ее попыток преодоления экономического кризиса и интеграции в мировую экономику, преобладающее значение могут получить установки на повышение конкурентоспособности организации.

Рис. 2. Цикл стратегического, оперативного и диспозитивного управления предприятием

Теория стратегического управления также основывается на общих методологических подходах к управлению: системном, организационном, процессном и др.

При системном подходе главным является рассмотрение экономического объекта как части внешней среды. В стратегическом управлении пространство деятельности организации становится более объемным и включает в себя элементы как внутренней, так и внешней среды.

При организационном подходе во главу угла ставятся человеческие, социальные факторы и необходимость горизонтальной и вертикальной стратегической координации их деятельности.

При процессном подходе выделяются повторяющиеся процедуры, фазы, то есть функции стратегического управления. Этапы стратегического управления представляют собой функции стратегического управления: стратегический анализ, стратегическое прогнозирование, стратегическое планирование, стратегическая организация, стратегический контроль и мотивирование. Каждая фаза (функция) стратегического управления заканчивается определенным результатом:

- стратегический анализ среды – оценкой существующего положения организации, ее конкурентоспособности;
- прогнозирование – прогнозом ее будущего состояния;
- выбор миссии, целей и стратегий – запланированной и адаптированной стратегией, стратегическим планом, программой;
- реализация стратегий, контроль и корректирование связаны с разработкой программ, механизмов функционирования, мотивации, финансирования, организационного и инвестиционного проектирования, контроля, регулирования.

В стратегическом управлении традиционно выделяют три этапа:

- подготовительный, служащий основой информационного обеспечения выбора и разработки стратегий;
- основной этап – этап разработки стратегии;
- заключительный этап – этап реализации стратегии, корректировки и обратной связи.

На каждом этапе реализуются определенные функции:

- на первом этапе – это стратегический анализ и прогнозирование внешней и внутренней среды организации;

– на втором этапе – стратегическое планирование;

– на третьем этапе – стратегическая организация и мотивация, контроль и регулирование.

Таким образом, основные функции выполняются в процессе определенных взаимосвязанных действий и воплощаются в конкретные результаты. Основные результаты стратегического управления могут быть представлены в виде логической цепочки стратегических результатов: диагноз (оценка) – прогноз – стратегия – стратегический план – программа – проект – оценка результатов (последний результат замыкает цепочку с первым результатом).

Основными содержательными результатами стратегического управления являются:

- 1) разработка стратегии организации;
- 2) определение ее стратегического потенциала;
- 3) построение организационной структуры.

Оперативное управление деятельностью предприятия включает ряд стандартных функций управления, которые реали-

зуются через элементы управленческого цикла: прогнозирование, планирование, организацию, координацию, стимулирование выполнения, учет и анализ. Уровень и содержание оперативного управления деятельностью предприятия (экономикой предприятия) регламентирован, в том числе и финансовой политикой предприятия.

Финансовая политика организации (предприятия) – составная часть ее экономической политики, она выражает совокупность мероприятий по организации и использованию финансов для осуществления своих функций и задач, качественно определенного направления развития, касающегося сфер, средств и форм его деятельности, системы взаимоотношений внутри организации, а также позиций по внешней среде [5, с. 6].

К объектам оперативного управления предприятием традиционно относят: ресурсы, затраты, результаты, финансовые потоки и эффективность деятельности.

Деятельность предприятия связана с удовлетворением интересов различных субъектов (стейкхолдеров) (табл. 1).

Таблица 1

Связь целей контрагентов предприятия с видами оценки эффективности

Кто оценивает	Что оценивается	Цель	РЕСУРСЫ			ЗАТРАТЫ	РЕЗУЛЬТАТЫ		
			персонал	капитал	активы		продукция	выручка	чистая прибыль
Собственники		Получить отдачу на вложенный в бизнес собственный капитал			Финансовая рентабельность.				
Инвесторы		Обеспечить прибыльное вложение средств в активы, а также их возврат в срок			Коэффициент деловой активности. Норма прибыли.				
Кредиторы (банки)		Обеспечить прибыльное вложение средств в активы, а также их возврат в срок			Экономическая рентабельность. Рентабельность оборота.				
Поставщики		Получить плату за поставленные материальные ресурсы в срок и в полном объеме			Цикл оборота кредиторской задолженности. Текущая ликвидность.				
Персонал		Получить плату за затраченные усилия в полном объеме и в срок			Производительность труда в денежной оценке. Зарплатоемкость				
Клиенты (покупатели)		Получить в оговоренный срок качественную продукцию за уплаченные денежные средства			Скидки за количество		Цена. Цена. Скидки за количество в % от цены.		
Менеджмент		Обеспечить максимально возможную реализацию целей перечисленных контрагентов			Совокупность показателей. Платежеспособности, финансовой устойчивости, эффективности деятельности.				

В таблице 1 основные, заинтересованные в деятельности предприятия, стороны представлены в столбце 1, а их целевые ориентиры перечислены в столбце 2. Цели контрагентов представлены с использованием базовых экономических категорий: ресурсы, затраты, результаты и отражают эффективность деятельности предприятия и степень достижения целей. Любая цель имеет стоимостное, а, в конечном счете, денежное выражение.

Основная задача менеджеров – обеспечить максимально возможное удовлетворение целей стейкхолдеров и их непротиворечивость.

В деятельности предприятия, при стремлении к удовлетворению целей различных стейкхолдеров возникают финансово-экономические противоречия, влияющие, в конечном счете, на объемы входящих и исходящих денежных потоков. Все эти противоречия возникают одновременно и включают:

1. Противоречие между минимизацией стоимости капитала и возможностью масштабных инвестиций.

В условиях кризиса предприятия с одной стороны стремятся минимизировать затраты, включая и стоимость привлечения финансовых ресурсов, чтобы их объем и динамика соответствовали стагнирующему и падающему спросу. С другой стороны, видя в кризисе возможности для качественного изменения бизнеса, менеджеры стремятся реструктурировать бизнес, что требует масштабных инвестиций.

2. Противоречие между максимизацией рентабельности и максимизацией ликвидности.

Если предприятие поддерживает достаточно большой резерв ликвидных средств (для поддержания гарантированной платежеспособности), это, во-первых, приводит к замедлению оборачиваемости капитала, а, во-вторых, к возникновению упущенной выгоды от их прибыльного альтернативного вложения. Анализ зависимости, регламентированной формулой Дюпона, позволяет выявить отрицательное влияние снижения коэффициента деловой активности (возникающее при замедлении оборота капитала) и снижения рентабельности оборота (при возникновении упущенной выгоды) на динамику экономической рентабельности.

3. Противоречие между максимизацией маржинального дохода и минимизацией операционного риска.

Рост маржинального дохода напря-

мую ведет к росту операционного риска деятельности, выражаемого показателем операционного рычага, если не обеспечивается превышение темпов роста прибыли над темпами роста маржинального дохода.

4. Противоречие между минимизацией налогов и максимизацией стоимости бизнеса.

В условиях кризиса предприятия стремятся обеспечить достаточный уровень платежеспособности, что требует поддержания резерва ликвидных средств. Минимизация налоговых платежей с одной стороны решает проблему экономии денежных средств, но, с другой, сопровождается как сокращением прибыли до налогообложения, так и стоимостью имущества. Снижение данных показателей, в свою очередь, ведет к снижению стоимости бизнеса. Минимизация прибыли до налогообложения приводит к соответствующему сокращению чистой прибыли (и реинвестиций из нее), что ведет к замедлению темпов роста собственного капитала предприятия. Сокращение стоимости основных средств, с одной стороны, ведет к снижению налога на имущество, а с другой – к снижению стоимости фирмы (при оценке ее активов).

5. Противоречие между максимизацией реинвестиций и максимизацией дивидендов.

В условиях кризиса существует две разнонаправленные тенденции. С одной стороны при усложнении получения кредитного финансирования (его удорожание, ухудшение финансового состояния предприятий – потенциальных заемщиков) предприятиям для пополнения финансовых источников необходимо наращивать долю реинвестиций из чистой прибыли. С другой стороны, акционеры стремятся компенсировать возросший риск своих вложений в данный бизнес большей ставкой дивидендов.

Каждое противоречие содержит в себе два взаимоисключающих показателя, которые выступают при разных стратегиях – в качестве критериев оценки эффективности оперативного управления предприятием. При оценке пяти противоречий анализируем десять критериев оперативного управления предприятием, которые представлены в таблице 2 в виде матрицы. Матрица позволяет определить сочетаемость 10 критериев оперативного управления между собой. Обоснование сочетаемости критериев между собой проведено в диссертационном исследовании.

Таблица 2

Сочетаемость критериев оперативного управления предприятием

Противоречия		Противоречие между минимизацией стоимости капитала и максимизацией возможностей инвестирования капитала		Противоречие между рентабельностью и ликвидностью		Противоречие между максимизацией маржинального дохода и минимизацией операционного риска		Противоречие между минимизацией налогов и максимизацией стоимости бизнеса		Противоречие между максимизацией реинвестиций и максимизацией дивидендов	
Противоречия между	Критерии	min стоимость капитала (кол-ва источников финансирования)	max инвестиции	max рентабельность	max ликвидность	max маржинальный доход	min операционный риск (рычаг)	min налоги	max стоимость бизнеса	max реинвестиции	max дивиденды
		минимизацией стоимости капитала и максимизацией возможностей инвестирования капитала	min стоимость капитала (кол-ва источников финансирования)	~~X~~	-	+/-	-/+	-	+	+/-	-
	max инвестиции	-	~~X~~	+/-	-/+	+	+/-	-	+	+	-/+
рентабельностью и ликвидностью	max рентабельность	+/-	+/-	~~X~~	-	+	+/-	-	+	+/-	-/+
	max ликвидность	-/+	-/+	-	~~X~~	-	+	+	+/-	+/-	-/+
максимизацией маржинального дохода и минимизацией операционного риска	max маржинальный доход	-	+	+	-	~~X~~	-/+	-	+	+	-/+
	min операционный риск (рычаг)	+	+/-	+/-	+	-/+	~~X~~	+	+/-	+/-	-
минимизацией налогов и максимизацией стоимости бизнеса	min налоги	+/-	-	-	+	-	+	~~X~~	-	-	-
	max стоимость бизнеса	-	+	+	+/-	+	+/-	-	~~X~~	+/-	-/+
максимизацией реинвестиций и максимизацией дивидендов	max реинвестиции	+	+	+/-	+/-	+	+/-	-	+/-	~~X~~	-
	max дивиденды	-	-/+	-/+	-	-+	-	-	-/+	-	~~X~~

Поиск вариантов решения противоречий (оптимизация взаимоисключающих критериев) может помочь избежать цикла регенерации стратегии, являющегося объектом

научного интереса и отраженного на рис. 2. Часто влияние внешних факторов приводит к тому, что результаты деятельности не соответствуют выбранной стратегии, возникает два варианта действий:

1) корректировать цикл оперативного управления (за счет оптимизации представленных в табл. 1 критериев);

2) если качественное изменение внутренних факторов не приводит к желаемым результатам, то есть внешнее давление играет преимущественную роль, возникает цикл регенерации стратегии.

Цикл регенерации стратегии, таким образом, – это установление последовательности управленческих воздействий, направленных на достижение целей предприятия, скорректированных с учетом преобразований во внешней и внутренней среде предприятия.

Таким образом, влияние эффективности оперативного управления предприятием на процесс регенерации стратегии, выявляемое по результатам стратегического контроля, дает ответ на вопрос: «Ведет ли реализация стратегии к достижению поставленных целей?»

Возможность получить ответ на этот вопрос предопределяет суть системы стратегического контроля, включающего четыре этапа:

1) установление показателей, по которым будет проводиться оценка реализации стратегии. В авторской трактовке

представлены десятью критериями (табл. 2). Мы согласны с О.С. Виханским, что при установлении показателей стратегического контроля важно отразить в структуре этих показателей структуру интересов отдельных групп влияния (табл. 1);

2) создание системы измерения и отслеживания состояния параметров контроля. В авторской интерпретации – по пяти системным противоречиям;

3) сравнение реального состояния параметров контроля с их желаемым состоянием;

4) четвертый, заключительный элемент – оценка результата сравнения и принятие решения по корректировке.

Данные критерии эффективности оперативного управления промышленным предприятием характеризуют степень выполнения целей контрагентов. Учет сочетаемости и несочетаемости критериев при управлении деятельностью предприятия позволит избежать стремления к несочетимым целям, выявить приоритетные и второстепенные цели. А оптимизация противоположных целевых критериев позволит разрешить указанные выше пять системных противоречий, что приведет, в свою очередь, к повышению эффективности оперативного управления и позволит избежать процесса регенерации стратегии, который является достаточно напряженным с позиции взаимоотношений с основными контрагентами (стейкхолдерами) предприятия.

---

1. Виханский, О.С. Стратегическое управление: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. [Текст] / О.С. Виханский. – М.: Гардарики, 2002. – 296 с.

2. Зубкова, О.В. Системное управление промышленным предприятием [Текст] / О.В. Зубкова. – Челябинск: Типография «Сити Принт», 2009. – 494 с.

3. Мескон, М. Основы менеджмента [Текст] / М. Мескон. – М.: Дело, 1993. – С. 58.

4. Черевко, А.С. Эффективность работы предприятия [Текст] / А.С. Черевко. – Челябинск: УрСЭИ, 2001. – С. 10.

5. Чернов, В.А. Финансовая политика организации: учеб. пособие для вузов [Текст] / В.А. Чернов. – М.: ЮНИТИ, 2003. – С. 6.

6. Шеховцева, Л.С. О некоторых понятиях стратегического управления [Текст] / Л.С. Шеховцева // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 6. – С. 34–40.

КОНЦЕПТ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ПЛАТОНА ДО Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

УДК 1 (091)

Д.Ю. БЕЛЬЧИЧ

В начале XXI века мир вступил в эпоху переосмысления проблем бытия и смыслодержательной деятельности гражданского общества. Актуальность теоретического осмысления гражданского общества, с точки зрения философского дискурса, проявляется, прежде всего, в том, что философия, существуя в определенном историческом контексте, в то же время абстрагирует нас от эпизодичности и изменчивости ситуации. Попытка краткого освещения исторического движения концепта «гражданское общество» в западной философии позволит выделить некоторые стабильные характеристики, присущие рефлексии по поводу феномена гражданского общества. В рамках данной статьи мы типологизировали основные теоретические концепты гражданского общества, что позволило нам высветить исследуемый феномен с нескольких ракурсов.

Русское слово «гражданин» происходит от слова «град», т. е. город. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль писал: «Гражданин – городской житель, горожанин, посадский. Член общины или города, состоящего под одним общим управлением, каждое лицо или человек из составляющего народ, землю, государство» [5, с. 389–390].

С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова дали современное определение гражданина: «Лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей» [7, с. 143].

Современный философский словарь дополнил приведенные выше дефиниции: «Гражданин – человеческий индивид, обладающий необходимыми правами для свободного использования своих сил и способностей и несущий полную ответственность перед законом, обществом и другими гражданами за свои действия» [9, с. 164].

Следовательно, все определения схожи в том, что гражданство – это некий социальный статус человека, наделяющий его правами (т. е. определяемый законом) и ответственностью.

На протяжении многих веков исследователи пытались создать различные концепты гражданского общества. В настоящей статье мы выделяем несколько подходов к определению гражданского общества, сложившиеся в западной философской мысли: философско-этический (Аристотель [2]); теологический (Августин Блаженный [1]); натуралистический (Т. Гоббс [4], И. Кант [6]); теоцентрический (Г. В. Ф. Гегель [3]). Нужно отметить, что в рамках одной статьи невозможно даже коротко раскрыть всё богатство подходов к гражданскому обществу, поэтому здесь мы ограничимся философским осмыслением концепта от Платона до Г. В. Ф. Гегеля.

Понятие «гражданское общество» как и понятие «гражданин» восходит своими корнями к античной (классической) философии. Древние греки не могли мыслить себя вне полиса. Полис – это определенным образом организованная общность людей. Политическое в трудах древнегреческих мыслителей охватывало все важнейшие сферы жизни общества. Быть членом полиса (*polis*) – значило быть гражданином, но далеко не все люди, живущие в полисе, были гражданами. Гражданами не являлись рабы, чужеземцы, незаконнорожденные.

Платон в диалоге «Государство», описывая модель идеального государства, проводит сословное разделение общества в соответствии с тройственной структурой универсума [8]. Согласно Платону, мир = высший мир (эйдосы – умопостигаемые идеи) + мир чувственных вещей + телесный мир. В идеальном государстве отсутствует причина имущественных раздоров и господства корыстных целей – частная/личная собственность: «А где большинство говорит таким же образом и об одном и том же: «Это – мое!» или «Это не мое!», там, значит, наилучший государственный строй» [8, с. 260]. Благодаря сословному разделению всех жителей в идеальном государстве (правители, воины, ремесленники) каждый человек неотделим от общества.

Еще более раскрыта идея о человеке как «общественном животном» у Аристотеля [2]. Критикуя платоновскую концепцию

бытия и анализируя социальные явления, он опирался на фактический материал и применял эмпирические методы (сравнение, наблюдение), настаивал на отказе от идеала, когда мы говорим об общественном устройстве. Идеал для Аристотеля – это реализуемое в настоящем, и идеал находится через сравнение.

Человек, по Аристотелю, существо политическое, т. к. он: 1) существо нравственно-разумное (способен отличать добро от зла, справедливость от несправедливости), 2) существо коммуникативное (способен посредством речи выражать и передавать нравственные суждения) [2, с. 378–379]. При этом только общество создает условия для совершенствования человека, человек способен достичь высшего блага исключительно посредством жизни в обществе. У Аристотеля гражданское общество (*kiononia politike*) и политическое общество или государство (*polis, civitas*) по существу идентичны по содержанию термины.

В трактате «Политика» Аристотель указал на воспитание человека как гражданина (высокий социальный статус) как условие для счастья. Поэтому индивидуальное благо невозможно без общественного блага и смысл жизни неотделим от полиса: «...первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» [2, с. 379]. Природа человека в ракурсе политического/гражданского связывает идеал политического/гражданского и идеал морального, что указывает на взаимосвязь политики и этики (одна из отличительных черт философии античности).

Civis (латинское понятие «гражданин») несколько отличается от греческого *polites*. Гражданин Рима должен был обладать нравственно-этическими качествами: милосердие, благожелательность, щедрость, радушие, миролюбие. Но при этом склонность к миру должна стать всеобщей (*Pax Romana*), что включало еще и обладание воинственностью ради его (мира) установления. Образ гражданина был образом военно-аристократическим.

Гражданин в античности – существо публичное, для него участие в жизни государства – дело чести, ибо благо государства (целого) неотделимо от блага отдельного человека (части). Более того, граждане – в отличие от не-граждан – обладают разумом, досугом, личной свободой, свободой от необходимости зарабатывать на жизнь какими-либо занятиями за плату, стремлением к управлению. Так обнаруживается привилегированное положение гражданина. Гражданское общество,

образованное совокупностью граждан, в античной традиции тождественно государственному обществу.

В IV веке н. э. происходит эволюция христианской общины, связанная с утверждением христианства в качестве государственной религии в Римской империи. Популярная в богословии мифологема города как самостоятельной модели мира развернуто представлена в труде Августина Блаженного «Град Божий» [1]. Мифологема града/города в концепции Августина расчленяется на метафизические полюса: град земной и град небесный (Небесный Иерусалим). В этой оппозиции град земной – мир дольний, образование временное, конечное, пространственно ограниченное, расколотое на фрагменты, воплощение греха и суеты. Град Божий – мир горний, вечный и предельно целостный.

История – священный острый спор противоположностей и путь, ведущий от одной диалектической ступени к другой. И. Б. Фан интерпретирует оппозицию двух градов: «принципиально различается природа этих образований, поэтому они закрыты друг от друга. Противопоставлены две скрепы жизни, присущие градам, – принцип господства пронизывает град земной, а принцип любви служит основой отношений между христианами в граде Божиим» [1, с. 115]. «Нельзя обойти молчанием и земного града, который, стремясь к господству, сам находится под властью этой страсти господствовать, хотя ему и поклоняются народы. Из этого града и выходят враги, от которых нам надлежит защищать град Божий. Многие из них, впрочем, исправив заблуждение нечестивости, становятся вполне приличными гражданами града» [1].

Ментальность горожанина становится ареной противостояния двух градов. Гражданин града земного и гражданин града Небесного – разные типы граждан. Гражданство Неба – братство верующих во Христе, живущих по Духу, объединенных любовью к Богу вплоть до полного забвения имени своего (самоотречения). Гражданство земное – совокупность людей, живущих по плоти, объединенных языческим греко-римским правом, движимых любовью к себе, но не к Богу. Град Небесный определен к спасению, град земной – к вечному проклятию. Но Августин отнюдь не считает, что гражданин земного града не может прилепиться к граду Божьему и стать истинным христианином. Наоборот, он призывает римский народ к истинному благочестию и зовет его в град Божий – истинное отечество подлинных граждан.

Таким образом, в каждом человеке бо-

руются два начала – земное и небесное. В каком граде жить – дело свободной воли человека, его внутренний выбор и совести. Земная Церковь – посредник двух градов. Уместно вспомнить, что, согласно Августина, гражданин града Небесного должен любить Бога, обладать благой волей и чистотой сердца. Следовательно, гражданское общество, с точки зрения теологического подхода Августина Блаженного, общество личностей и место встречи и противоборства двух миров. Внутреннее преобразование человека в соответствии с божественным началом – способ выживания человечества, а значит, и гражданского общества.

Отдельный человек в средние века видел себя через призму общественной роли (которая в то время была его собственной ролью), а не в качестве индивидуальной личности. Как писал Эрих Фромм, анализируя феномен свободы: «Средневековое общество, с одной стороны, было структурировано и давало человеку ощущение уверенности, а с другой стороны – держало его в оковах. Однако эти оковы имели совсем не тот характер, какой присущ авторитаризму и угнетению последующих веков... Средневековое общество не мешало индивидуальной свободе уже потому, что «индивида» как такового не существовало» [12, с. 58]. Структура общества стала меняться только в позднем Средневековье: выросло значение капитала, индивидуальной экономической инициативы и конкуренции, развивался новый денежный класс. Эти процессы повлияли на все сферы человеческой деятельности и привели к росту обособления индивида от первоначальных связей. Индивидуализация достигла наивысшей стадии в Новое время, т. е. от эпохи Возрождения до наших дней.

Мыслителями Нового времени разработано понимание гражданского общества, приближенное к современным концепциям. Поэтому в полной мере можно считать, что гражданское общество – это достижение Нового времени. Связано это было, прежде всего, с тем, что только в Новое время сформировались идея индивидуальной свободы, самоценности каждой отдельно взятой личности.

Важным этапом в формировании новых подходов к пониманию гражданского общества следует считать признание исторического характера прав человека. Томас Гоббс одним из первых выдвинул требование суверенного и единого государства, что означало уничтожение неравенства и разнообразия прав, характерных для Средневековья.

Т. Гоббс (в отличие от других мысли-

телей) считал, что гражданское общество тождественно государству [4]. В трактате «Левиафан» Гоббс утверждал, что люди от природы равны (равенство условное, но оно существует) [4, с. 93]. Вследствие этого равенства возникло равенство надежд на достижение целей. Далее зародилось взаимное недоверие и возникло соперничество, перерастающее в войну всех против всех. В такой войне никакой поступок не может быть несправедливым. Но при этом всегда существуют страсти, которые склоняют людей к миру. Прежде всего, речь идет о страхе смерти. Отсюда Т. Гоббс выводит основной естественный закон: «Следует искать мира и следовать ему» [4, с. 129]. Естественный закон – это предписание, найденное разумом, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни. Гражданское общество, как и государство, согласно Т. Гоббсу, есть общественное состояние, которое создает мирный порядок вопреки войне всех против всех (естественное состояние людей). Таким образом, Т. Гоббс установил оппозицию двух разных состояний людей или статусов – естественного и цивилизованного. Мы полагаем, что на этом историческом этапе происходит переосмысление естества человека как соединения двух разных начал: природного и общественного.

Другие представители натуралистического подхода к гражданскому обществу, полагали, что гражданское общество – это некое естественное состояние. Различий между гражданским обществом и государством не существует, ибо общество носит естественный характер, а государство придает ему более развитые формы. Под естественным состоянием понимается не пренебрежение законами, но естественные законы, которые запрещают насилие и побуждают своих членов уважать собственность и поддерживать мир. Так, И. Кант ввел понятие «моральной автономии» личности, согласно которому о правовом порядке можно говорить лишь там, где общество независимо от государства располагает средствами и санкциями, с помощью которых оно может заставить отдельного индивида соблюдать общепринятые нормы. Именно институты гражданского общества (семья, школа, церковь, разного рода добровольные организации и союзы) способны выполнять данную роль. Согласно Канту, необходимо «... выйти из естественного состояния, в котором каждый поступает по собственному разумению, и объединиться со всеми остальными... с тем, чтобы подчиниться внешнему, опирающемуся на публичное право, принуждению, т. е. ...

он (*индивид – курсив автора*), прежде всего, должен вступить в гражданское состояние» [6, с. 188]. Следовательно, гражданское общество – это среда, выражающая императив («практическое правило, благодаря которому сам по себе случайный поступок делается необходимым» [6, с. 63]).

И. Кант видел величайшую проблему человеческого рода, разрешить которую его (род человеческий) вынуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества. Люди отличаются от животных тем, что руководствуются не инстинктом, но разумом, т. е. человек должен сдерживать себя в рамках императива. При этом моральный закон есть долг через категорический императив («поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона» [6, с. 67]). Если юридическое обязательство опирается на внешнее принуждение, то моральное обязательство сопряжено с работой сознания. И. Кант подчеркивает священную неприкосновенность права как внешнего пространства человеческой свободы. Право с одной стороны защищает личность от произвола и тирании государства, а с другой стороны ограждает общество от преступлений. Более того, право личности на самореализацию – основополагающее условие существования гражданского общества. Признание самоценности и свободы личности предполагает и ответственность самой личности перед обществом, перед остальными членами общества.

Размышляя над сущностью права и государства, Г. В. Ф. Гегель по-новому подошел к трактовке гражданского общества. Вслед за М. А. Фадеевой обозначим данный подход как теоцентрический [10]. Философские взгляды Гегеля формировались как ответ на призыв, брошенный Великой французской революцией: перестроить государство и общество на рациональной основе, дабы социальные и политические институты не противоречили свободе и интересам личности. Задача философии Гегеля: постичь то, что есть, и то, что есть – это разум. Исходя из этой задачи, Гегель рассматривает гражданское общество. Идея о том, что мысль должна управлять действительностью – сердце философии Гегеля.

Учение Гегеля о гражданском обществе, всеобщем государстве и праве – это продолжение его общеполитической конструкции, где все явления подчинены единым требованиям исторической и рациональной необходимости. Поэтому философия Гегеля преимущественно дедуктивна. При этом следует отметить, что философская методология Гегеля отмечена стремлением к универсальности, т. е. попыткой объединить все явления фи-

зического и духовного мира вокруг человека в целостную, непротиворечивую систему. Объединяющей «осью» своей системы Гегель избрал понятие Духа, которое в одном аспекте воплощает как бы саморазвивающийся разум, в другом – объективно существующее начало мира (идея божественного начала). Исходя из этого, мировая история, по Гегелю, есть «саморазвитие» и «самораскрытие» Духа. Три стадии данного процесса, описанные в «Феноменологии духа», соответствуют основополагающей триаде логического рассуждения. В стадиях и критериях «проявлений Духа» отразилось одно из главных достижений гегелевской методологии – диалектический принцип. Именно с этим связано ключевое для гегелевской философии рассуждение: все, отвечающее законам разума, не может не проявиться в действительности («что действительно, то разумно; что разумно, то действительно»).

Невозможно осмыслить гегелевскую трактовку гражданского общества без его понимания государства. При этом нужно помнить, что Гегель дает концепцию государства и общества применительно к Германии конца XVIII – начала XIX вв. и предлагает идеальный вариант государства. В «Философии права» идея государства не просто восхваляется, но обожествляется. Гегель критикует разного рода механистические концепции государства; он приверженец государства как организма и как идеи с нравственным и разумным началом. Поэтому, государство, по Гегелю, это нравственная и разумная идея, без государства не может быть общества. И только в государстве реализуется свобода – свобода отдельного человека и свобода общества. «Государство есть действительность конкретной свободы» [3, с. 286]. Государство должно выполнять две важные функции: защиту своего народа и строительство (укрепление) государственной власти. При этом «цель государства есть всеобщий интерес как таковой, а в нём – сохранение особенных интересов, субстанцию которых он составляет» [3, с. 294]. Таким образом, власть должна обеспечивать права и свободы за счет законов. Правопорядок сильного и разумного гегелевского государства пронизан идеей суверенности государственного целого.

Следовательно, власть не должна злоупотреблять своими привилегиями, так как злоупотребление привилегиями – трагедия власти. В сильном и разумном государстве необходим «контроль сверху» и «контроль снизу» [3, с. 334–335]. При этом власть должна всегда осознавать себя частью целого. Власть – часть, государство – целое.

Особое внимание Гегель уделяет тому, что в государстве должны присутствовать

нравственное и разумное начало. Нравственные корни государства – семья, корпорация, сословие. По Гегелю, «мир явлений нравственного – гражданское общество» [3, с. 227]. «Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства» [3, с. 228]. Гражданское общество, в понимании Гегеля, противоположно государству, не в том смысле, что их нравственные и социальные интересы разнятся, а в том, что это совершенно разные по происхождению и социальному наполнению абстрактные объединения людей. Гражданское общество служит частным интересам, поэтому гражданское общество необходимо для существования государства. Но поскольку в гражданском обществе «каждый для себя цель, все остальное для него ничто», а без государства семья не может «врасти» в гражданское общество, то и гражданское общество должно себя осознавать частью государства. Нравственность государства начинается с нравственности семьи. Семья – нравственная идея, семья – часть целого.

Целое (государство) должно подчинить себе частное (индивида), так как через целое достигается благо, свобода и новая ступень развития частного, а через частное достигается новый уровень развития целого. «Особенность, – пишет Гегель, – ограниченная всеобщностью, есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способствует своему благу» [3, с. 228]. Следовательно, гражданское общество – неотъемлемая сфера нравственной жизни, располагающаяся между патриархальной семьей и государством. Государство, в отличие от граж-

данского общества, представляет общество в его единстве, поэтому гражданское общество сохраняется как необходимый, но подчиненный аспект более широкого, более сложного и более высокого сообщества, которое организовано политически. Возникла проблема, четко сформулированная многими учеными: возможно ли вообще гражданское общество под господством всеобъемлющего и всеохватывающего государства с концентрацией всей власти (политической, нравственной, духовной). Поэтому требуется непрерывно искать выход из опасности, которую представляет оппозиция государства и общества.

Таким образом, философская мысль от Платона до Г. В. Ф. Гегеля выработала несколько подходов к концепту «гражданское общество»: философско-этический, теологический, натуралистический, теоцентрический. Современные интерпретации концепта появились в Новое время, когда гражданин стал рассматриваться в качестве политически/морально автономной единицы социума. Это говорит о том, что у гражданского общества много ликов, каждый из которых актуализируется в философской мысли в зависимости от сложившихся политических и экономических условий, нравственного климата, исторического момента, состояния культуры. В дальнейшем, т. е. после Гегеля, сложились иные подходы к концепту «гражданское общество»: социоцентристский (К. Маркс), антропоцентристский (И. Бентам), культуроцентристский (О. Шпенглер). Поэтому, нам представляется, закономерным в продолжение данного исследования изучение трансформации концепта «гражданское общество» в западной философской мысли от Гегеля до наших дней.

1. Августин Блаженный. О Граде Божиим [Электронный ресурс] / Августин Блаженный. Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/avgustin_o/
2. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. 1. – М.: Русский язык, 1978. – 699 с.
6. Кант, И. Метафизика нравов: В 2 частях [Текст] / И. Кант. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 400 с.
7. Ожегов С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Платон. Сочинения. В 3-х томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1971. – 681 с.
9. Современный философский словарь / Под ред. Кемеровова. В. Е. – М.: Академический проект, 2004. – 864 с.
10. Фадеичева, М. А. Гражданское общество и процесс формирования наций [Текст] / М. А. Фадеичева. // Судьбы гражданского общества в России. В 2 т. Коллектив авторов. Т. 2. Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 67–82.
11. Фан, И. Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина [Текст] / И. Б. Фан РАН; Уральское отд-ние. Ин-т философии и права; отв. ред. К. В. Киселев. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 313 с.
12. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм. – М.: Академический проект, 2007. – 272 с.

ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ: АФОРИЗМ КАК ИДЕОЛОГЕМА

УДК 1Ф

Н.Г. ДЯДЫК

Человеческое сознание соприкасается с бытием не непосредственно, а через медиум окружающего его идеологического мира. Идеологическая среда, обхватывающая человека плотным кольцом со всех сторон, крайне неоднородна по своей структуре: в нее входят научные утверждения, политические лозунги, религиозные символы и верования, художественные образы, философские концепции. Совокупности данных знаков, ориентированных на практические интересы и имеющих цель манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание, социология называет идеологией. Любая идеология, будь то политическая, религиозная или научная, исходит из познанной или сконструированной реальности и претендует на абсолютную истину. Данное свойство идеологии французский семиолог Ролан Барт описал следующим образом: «Идеология – это одна из возможных точек зрения на мир, которая претендует, чтобы ее воспринимали как единственно верную» [1, с. 18]. Реальное сосуществование и постоянное взаимодействие различных идеологий образуют идеологический дискурс, в который погружен каждый человек как субъект. Данный идеологический дискурс носит по своей сути знаковый характер, поскольку знак является универсальной формой коммуникации и передачи социального опыта. Идеология же составляет значительную часть социального опыта, его духовное содержание, поэтому она неизбежно выражается в знаковой форме. Так, например, идеологемами, или продуктами идеологического творчества, являются следующие знаки – вещи: серп и молот как символы труда в коммунистической идеологии; вино и хлеб как символы тела и крови Христовой в религиозной идеологии. На знаковость как ключевое свойство всего духовно-идеологического указал выдающийся российский мыслитель М.М. Бахтин. По Бахтину, всякий идеологический продукт отражает и преломляет другую, вне его находящуюся, действительность. Следовательно, «все идеологическое обладает значением: оно представляет, изображает, замещает нечто, вне его находящееся, то

есть является знаком. Где нет знака – там нет и идеологии» [2, с. 353].

Наиболее универсальной знаковой формой существования идеологии является язык. Универсализм языка обусловлен его идеологической нейтральностью, так как слово может выполнять любую идеологическую функцию: научную, эстетическую, моральную, религиозную. Язык является необходимой субстанцией любой идеологии и формой ее объективации, о чем свидетельствует многообразие вербально-идеологических форм, отражающих бытие социума: политические лозунги, религиозные символы, философские категории и пр. Все эти продукты идеологического творчества, по терминологии М.М. Бахтина, являются идеологемами [2, с. 353]. Наиболее ярко взаимосвязь языка и идеологии прослеживается на примере политической идеологии, когда язык становится агитационно-политическим средством, от которого зависит оказываемое политиком воздействие на сознание и поведение электората и как следствие итоги выборов.

Идеология, таким образом, по способу своей объективации всегда вербальна. Цель любой идеологии заключается в воздействии на сознание людей, а язык является самой эффективной формой такого воздействия. Язык выступает в качестве посредника идеологии, посредством которого мы устремляемся к реальности. «Проблемы смысла не существовало бы, если бы знаки не были средством, условием, медиумом, благодаря которым существующий человек стремится определить свое местоположение, спроецировать себя вовне, понять себя», – так характеризует знак французский философ Поль Рикер [6, с. 369]. Человек, таким образом, не бесстрастный интерпретатор идеологических знаков. Потребность (вначале физическая, а позднее и духовная) ориентации в мире вынуждает его «выбрать» из множества идеологических знаков, с которыми он сталкивается и которые он способен осмыслить в своей концептуальной системе, такие, которые он полагает истинными, которые он принимает и которые поэтому являются значимыми и входят в

его «жизненную» идеологию. Речь идет о выделении таких идеологических структур, которые репрезентируют его мнения о мире, к каким бы аспектам мира они ни относились. Множество таких «отмеченных», связанных друг с другом и со всей концептуальной системой структур, и образует систему мнений носителя языка, или его жизненную идеологию как подсистему идеологической сферы общества. Важное место в жизненной идеологии каждой личности занимает феномен афоризма, который как символическое тело становится нормой, регулирующей наше воспитание, привычки, социальное поведение и объем культурной памяти.

Целью данной статьи является рассмотрение проблемы языка и идеологии на примере такой коммуникативной формы, как афоризм. Целесообразность рассмотрения афоризма связана с тем, что афоризм является универсальным идеологическим знаком (идеологемой), способным быть агитационно-политической, религиозной, этической, эстетической, философской формой. В семиотическом отношении афоризм представляет собой многоярусную смысловую конструкцию: кроме поверхностной структуры (изобразительная оболочка), обладающей эксплицитным смыслом, афоризм также обладает глубинной структурой (концептуальная сущность афоризма, его «подтекст»), составляющей его имплицитный смысл. Афоризм устроен так, что его изобразительная оболочка отсылает к его концептуальной сущности. Поскольку дефиниция термина «афоризм» на сегодняшний день четко не определена, целесообразно говорить, какие именно вербальные знаки мы будем принимать за афоризмы в данной статье. Афоризмом мы будем называть лаконичную семиотическую систему фольклорного или авторского происхождения, заключающуюся в метафорической форме (изобразительная оболочка афоризма) рациональное содержание (концептуальная сущность афоризма). К афоризмам относятся как метафорические пословицы, так и собственно авторские афоризмы, например: *дареному коню в зубы не смотрят; яблоко от яблони недалеко падает; у того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы (Бенджамин Дизраэли); в политике ради известной цели можно заключить союз даже с самим чертом – нужно только быть уверенным, что ты проведешь черта,*

а не черт тебя (Карл Маркс). Рассмотрим, как функционирует данная семиотическая структура в идеологическом бытии социума.

Для выражения идеологии эмоциональность речи имеет важное, а иногда и решающее значение в достижении прагматических целей коммуникации, ради которых и создаются речевые акты, так как в эмоционально-экспрессивных вариантах высказывания объем речевой информации значительно больше, чем в нейтральных вариантах. Об этом знают политики, акцентирующие внимание аудитории на наиболее важных моментах сообщения с помощью речевой экспрессии, которая проявляется в использовании соотнесенных друг с другом фонетических, грамматических и семантических средств, таких, как выбор формальной оболочки текста (метафора, аллитерация, рифма); подбор лексических единиц (например, использование словосочетаний с ярко выраженными эмоциональными составляющими) и др. Афоризм является наиболее экспрессивной коммуникативной формой, поскольку он всегда метафоричен, включающей в себя, помимо коммуникативно-информационного содержания, также содержание прагматическое. В основе афоризма лежит намерение говорящего определенным образом воздействовать на слушающего: принять систему ценности автора афоризма или побудить адресата к определенному поведению. Рассмотрим для примера общественно-политический афоризм Станислава Ежи Леца: *«Те, кто надел на глаза шоры, должны помнить, что в комплект входят еще узды и кнут»*. Автор данного афоризма пытается разбудить сознание адресата, занимающего позицию человека, которого не касаются процессы, происходящие в обществе. Метафорой общественной пассивности являются «шоры на глазах». Автор афоризма напоминает посредством метафор «узды» и «кнута», что общественная пассивность приводит к тому, что человек становится объектом манипулирования и политической агрессии.

Афоризм ориентирован на речевое (прагматическое) воздействие, поэтому становится удобной вербальной формой для выражения идеологии. Кроме того, сам афоризм является продуктом идеологического творчества, или идеологемой, используя терминологию М.М. Бахтина [2, с. 353]. Под речевым (прагматическим) воздействием мы понимаем влияние, оказываемое субъектом на сознание и поведение массы, осуществляемое на основе вербальных знаковых систем. Речевое воздействие знаков в процессе общения

изучает специальный отдел семиотики как науки о знаковых системах – прагматика языка. Афоризм является универсальной идеологией в силу того, что сам он есть продукт идеологического творчества, обладающий прагматической направленностью, ориентированный на практическую деятельность людей и способный быть формой выражения всего духовно-идеологического бытия социума. Речевое воздействие афоризма обусловлено интенцией, мотивом, намерением говорящего, лежащим в основе данного речевого акта. Благодаря своей интенциональности афоризм является формой объективации сознания человека, а значит, и его идеологии, поскольку идеология неотделима от сознания и является его продуктом. Действительно, любой афоризм – это, прежде всего, объективация мировоззрения, духовного мира и идеологии конкретной личности, личности, не ординарно мыслящей. Так, например, афоризмы Фридриха Ницше объективируют его особое видение мира, отражают его взгляды на государство: *«Почти каждый политик при известных обстоятельствах настолько нуждается в честном человеке, что он, подобно голодному волку, врывается в овчарню, – но не для того, чтобы пожрать похищенного барана, а для того, чтобы спрятаться за его мягкой спиной»* [5, с. 442]. Афоризм является наиболее удобной формой объективации индивидуального и народного сознания. В его лаконичном и емком по глубине мысли формате сознание реализует себя и становится фактом социального общения, входя в системы морали, искусства, философии, религии, права. Так, имплицитный смысл народного афоризма антропоцентричен, поскольку субъект афоризма познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Через явления внешнего мира, отраженные в эксплицитном смысле афоризма, коллективный субъект осознает явление своего собственного бытия. Самосознание и самопознание, выраженное в народных афоризмах, является коллективным, этническим, и представляет собой переход от антропоморфизма, наделяющего природные явления человеческими свойствами, к изучению человека как самостоятельного субъекта бытия. В них отражен переход от родового, первобытного, синкретичного сознания, где личность еще не выделялась, к индивидуальному самосознанию.

Становясь частью общественного сознания, афоризм способен оказывать и

обратное влияние на сознание людей, выступающих в роли адресатов, а через их сознание – на общественную жизнь и социальное поведение. Так, многие афоризмы заключают в себе целые идеологические программы. Например, знаменитый афоризм Фрэнсиса Бэкона «Знание – сила» аккумулирует в себе установку на практическую ориентацию науки, подчинение науки нуждам общества. Следовательно, афоризм является материальным выражением индивидуального и коллективного сознания и превращает их в объективный факт. В зависимости от того, какая идеология присуща субъекту афоризма, можно выделять афоризмы как форму «жизненной идеологии», как философскую, эстетическую, общественно-политическую, религиозную идеологии. Поскольку формат данной статьи не позволяет рассмотреть все идеологическое многообразие афоризмов, остановимся на рассмотрении афоризма как формы «жизненной идеологии» и как философской идеологии.

Под жизненной идеологией мы понимаем, следуя М.М. Бахтину, всю совокупность жизненных переживаний и непосредственно связанных с ними внешних выражений. Жизненная идеология – стихия неупорядоченной и незафиксированной внутренней и внешней речи, осмысливающей каждый наш поступок, действие и каждое наше «сознательное» состояние [2, с. 196]. Жизненная идеология человека – это, по сути, система принципов, которыми человек руководствуется в своей повседневной деятельности, в нее входят его мировоззренческие установки, в том числе система ценностей. Поскольку каждый индивид проходит процесс социализации, его жизненная идеология вбирает в себя идеологические установки определенного социума и этноса, неизменным компонентом которых являются этические и аксиологические нормы. Афоризм как форма объективации жизненной идеологии заключает в себе ценностно-этические нормы определенного этноса, что особенно ярко прослеживается в народных афоризмах. Так, например, народные афоризмы (пословицы) русских аккумулируют в себе такие «правила жизни» русского человека, как гостеприимство (*не красна изба углами, красна пирогами*), трудолюбие (*любишь кататься – люби и саночки возить*). Имплицитный смысл афоризмов разных народов, следовательно, всегда представляет собой вывод, знание о жизни определенной нации, которые в силу общности человеческой

природы, несмотря на присущую им национальную специфику, интерсубъективны по своей сути. Афоризмы, следовательно, служат формой закрепления вечных истин, непреходящих ценностей, нравственных идеалов и «рецептов» решения жизненных проблем в вербальной памяти того или иного этноса. Имплицитный смысл народного афоризма воплощает в себе особенности национального менталитета, наиболее общие черты мировоззрения того или иного этноса, его аксиологическую и этическую системы. Нравственный идеал, заключенный в афоризме, несет в себе императив, то есть приказывает, подчиняет, требует поступать так, а не иначе, в непосредственной практической деятельности, реализуя этот идеал, и тем самым воздействует на волю человека. Благодаря ценностной ориентации императивы морали в афоризмах переходят из внешнего побуждающего фактора во внутренний, в субъективное начало поведения. Афоризмы, входя в систему убеждений личности и становясь внутренней побуждающей и принудительной силой, выступают в качестве идеологического стержня личности.

Обязательным компонентом жизненной идеологии личности, помимо ценностно-этических установок, являются общественно-политические взгляды: взгляды на соотношение власти и государства, личности и социума, политики и права. Общественно-политические взгляды являются неотъемлемым компонентом идеологии каждого члена общества, поскольку любые изменения в обществе отражаются на его жизни. В связи с этим во всей совокупности афоризмов так распространены афоризмы на общественно-политическую тему, и это необязательно афоризмы политиков. Общественно-политические афоризмы как правило содержат в себе оценку различных социальных явлений, таких, как, например: *чем шире разливается половодье, тем более мелкой и мутной становится вода. Революция испаряется, и остается только ил новой бюрократии (Франц Кафка); плеть способна заставить людей согнуть в труде спину, но она не в силах побудить их к духовному созиданию (Шолом Али).*

Жизненная идеология человека, профессионально занимающегося философией, отлична от идеологии простого обывателя. Философ воспринимает мир сквозь призму философских категорий, иначе говоря, сквозь призму вечности. Афоризм в силу своей многослойной смысловой организации и лаконичного формата ста-

новится одним из востребованных философских жанров и способов объективации своих идей, или философской идеологией. Афоризм – это базовый, конструктивный элемент философского произведения, «атом вечности», по Ницше. Афоризм лучше всех других жанров способен отражать органически присущий человеку конфликтный способ познания мира. «Индивидуальный опыт и логическая система, – пишет немецкий философ Г. Нойманн, – чувства и рассудок, свойство детализации и абстрагирования воплощены в афоризме в их противоречивой нерасторжимости» [7, с. 170]. Немецкие афористоведы считают, что «человек как существо, находящееся в упряжке между рассудком и чувством, способен познать мир, только пребывая в постоянном конфликте, его мысли, как маятник, колеблются между конкретной ситуацией и ее осмыслением. Наилучшей формой этой противоречивой взаимосвязи является афоризм» [7, с. 170]. Форма афоризма является востребованной уже античной философией, о чем свидетельствует книга Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях великих философов». Но, пожалуй, самым афористичным можно считать стиль Гераклита, что отмечает М. Мамардашвили в «Лекциях по античной философии»: «Гераклит решил выявить проблему бытия, приведя в движение слова, семантические и синтаксические связки, посредством которых мы можем говорить о бытии. Он их столкнул, а свою роль свел к роли афориста (...), который в зазоре между сталкиваемыми фразами попытался выявить пространство смысла и так создать пространство понимания. Он считал – и это было его исходным пафосом, – что то, что он говорит, нельзя понять прямо и изложить в виде теории, а можно лишь навеять, чтобы смысл сам появился в голове читателя или слушателя в качестве конечного продукта самого парадоксального (или экспериментального) движения мысли в тексте или словах Гераклита» [4, с. 75–76]. В неклассической философии форма афоризма становится излюбленным способом философствования А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера. Афоризм как философская идеология является отличительной чертой «литературной» философии с ее эссеистической манерой письма и метафоричностью мысли, противостоящей философии позитивной, требующей от языка философии логической четкости и однозначности. Причина, по которой афоризм, на наш взгляд, становит-

ся философской идеологией, заключается в его амбивалентности: в основе афоризма лежит антинomia рационального и внерационального (сенсорного), интуитивного, образного, иконического. Рациональное в афоризме заключается в том, что его смысловое ядро образует мудрая мысль, претендующая на истинность и непосредственно связанная с практической деятельностью человека, что делает афоризмы кладом житейской мудрости, своеобразным пособием по практической философии индивида. Истина, схваченная в афоризме, всегда антропоцентрична и касается непосредственно бытия человека, она опирается на здравый смысл и принимает форму практического совета, рекомендации, что делает возможным рассмотрение афоризма в прагматическом аспекте. В то же время данная истина вербально объективируется в художественной форме, основанной на принципиальной недосказанности и метафоричности. Художественность – категория мышления поэтического, являющегося альтернативой рационализму. Афоризм, таким образом, представляет собой продукт синтеза поэтического мышления и здравого, практического смысла.

На эвристический статус поэтического мышления впервые указал в своей философии языка М.Хайдеггер, где поэтическое мышление возводится в статус единственной процедуры, в рамках которой возможно внерациональное схватывание сущности, никогда не открывающейся в процедурах логико-рационального, сциентистски ориентированного препарирования. Согласно Хайдеггеру, в рамках европейского рационализма идеал поиска истины оказывается замещенным сциентистским идеалом

формально-логической строгости: там, где техника становится инструментом снятия завес с бытия, там человек оказывается не субъектом, вслушивающимся в имманентное и потаенное звучание бытия, но субъектом, претендующим на предписывание нормы, фиксацию меры, формулировку претендующих на исчерпывающий статус дефиниций. Полагая возможным постижение истины посредством языка, философ противопоставляет деформированный грамматикой язык как язык неподлинный языку поэзии, хранящему тайны бытия.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что афоризм является наиболее наглядной формой отражения идеологии в языке. Под идеологией мы понимаем не конкретно политическую идеологию, а всю совокупность духовно-идеологического бытия социума, включающего в себя не только политику, но и науку, философию, искусство, мораль, религию. Афоризм является универсальной идеологией, поскольку сам является продуктом идеологического творчества и способен нести любое идеологическое содержание: научное, религиозное, философское и пр. Афоризм как «жизненная» идеология присутствует в мировоззрении каждой личности, заключая в себе этические и аксиологические нормы определенного этноса. Амбивалентность афоризма, его лаконичный формат и многозначная конструкция смысла делают афоризм не только формой обыденного сознания, но и формой научно-теоретического отражения мира, или философской идеологией, способной вместить в себя все многообразие философских практик мышления.

1. Барт, Р. Из книги «О Расине» [Текст] // Р. Барт / Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр./ сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 142–233.

2. Бахтин, М.М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с.

3. Давыдов, Ю.Н. Проблемы социологии искусства и литературы у М.М.Бахтина [Текст] / С.С. Аверинцев, Ю.Н. Давыдов и др. // М.М.Бахтин как философ. – М.: Наука, 1992. – С. 20–44.

4. Мамардашвили, М. Лекции по античной философии [Текст] / М. Мамардашвили. – М.: Аграф, 1999. – 320 с.

5. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое [Текст] // Ф.Ницше / Сочинения в 2 т. Т.1. Литературные памятники. – М.: Мысль, 1990. – С. 231–491.

6. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] / П. Рикер. – М: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 411 с.

7. Федоренко, Н.Т. Афористика [Текст] / Н.Т. Федоренко. – М.: Наука, 1990. – 234 с.

8. Хайдеггер, М. Путь к языку [Текст] // М. Хайдеггер / Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 259–273.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

УДК 930.85

И.В. СИБИРЯКОВ

Политический террор, если подразумевать под этим словом «применение силы или угрозу её применения в политических целях», к сожалению, имеет очень богатую историю. Громкие террористические акты совершались в разных странах в разные исторические эпохи и вызывали совершенно разную реакцию у разных групп населения. Кто-то утверждал, что любой террористический акт, какими бы причинами он ни был вызван, является обыкновенным уголовным преступлением, страшным грехом или нарушением норм человеческой морали, а кто-то, что «каждый человек имеет право убить деспота, и народ не может отнять этого права ни у одного из своих граждан» [8, с. 4]. В научном сообществе уже давно популярен тезис о том, что «терракт лежит в основе любой культурной традиции. Мифологический пласт идеологии подразумевает создание сакрализованного пантеона мучеников и героев. Если первый из образов является преломлением архетипа жертвы, то второй – террориста. Юдифь и Брут, zelоты и ассасины, Робин Гуд и Ермак представляют собой вариации террористической канвы архаических периодов истории» [1, с. 4]. Появление научного термина «террор» обычно связывают с историей Великой французской революции. При этом некоторые западные исследователи по-прежнему называют «родиной массового политического терроризма» Россию, а многие российские ученые склонны видеть в терроризме «чисто западное явление», искусственно привнесенное на российскую «почву». Не прекращаются споры о том, как соотносятся понятия «политический террор» и «государственный терроризм». Резкий всплеск террористической активности на рубеже XX–XXI вв., придает осо-

бую актуальность анализу широкого круга проблем, связанных с историей политического терроризма в России. При этом, на наш взгляд, особенно важно обратить внимание на то, как история российского политического террора начала XX в. была отражена на страницах отечественных научных исторических исследований, как профессиональные историки оценивали роль террора в политической истории страны, какие сюжеты и на какой источниковой базе они изучали. Хорошо известно, что политический террор в России в начале XX в. носил масштабный характер и самым существенным образом повлиял на формирование особой политической культуры широких слоев населения страны. Не последнюю роль в этом процессе сыграла и историческая наука.

В рамках данной статьи под термином «терроризм», в соответствии с определением Дж.Хардмана, мы будем понимать метод или теорию, обосновывающую метод, «посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия. Террористические акты направляются против людей, которые как личности, агенты или представители власти мешают достижению целей такой группы» [19, с. 26]. При этом мы исключаем из предмета нашего анализа сюжеты, связанные с изучением проблем «государственного терроризма» в отечественной историографии XX в., так как последние требуют самостоятельного полноценного научного исследования.

Сегодня многие ученые признают, что теория террористической борьбы, была рождена еще в XIX в. и создавалась при активном участии российской интеллиген-

* Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.). Мероприятие 1».

ции. Работы С.Г. Нечаева, М.А. Бакунина, П.Н. Квачева и других идеологов русского террора второй половины XIX в. пользовались популярностью как в России, так и за ее пределами. Они оказали серьезное влияние на развитие многих радикальных политических движений и организаций, стали своеобразным идеологическим фундаментом для нового поколения российских сторонников террора, вступивших в политическую борьбу в начале XX в. Среди первых исследователей феномена «русского террора» можно назвать С.С. Татищеву, А.П. Мальшинского, Н.Н. Голицына, А.И. Спиридовича и др. [4]. Труды данных авторов составили основу т.н. официальной, или «охранительной концепции» революционного движения в России. Авторы этой концепции обратили внимание на то, что, помимо социально-экономической обусловленности терроризма, появлению устойчивых террористических групп, как правило, предшествует определенный, весьма длительный период пропаганды идей террористической борьбы. Ключевую роль в этом процессе играют представители интеллигенции. Важным шагом в разработке данной концепции стала книга «Обзор социально-революционного движения в России», в которой утверждалось, что анализ развития революционных процессов «... приведет беспристрастного исследователя к тому существенному выводу, что не занесенные извне учения и лишенные всякой почвы мечтания породили и питают в нашем отечестве дух крамолы и разрушения. ... На ясно осознанном разложении общества, потерявшего свое равновесие, основаны все расчеты подпольных бунтовщиков – продукта того же процесса разложения» [13, с.321–322].

«Либеральная концепция» революционного движения в России сформировалась в начале XX в. при активном участии Б.Б. Глинского, В.Я. Богучарского, А.А. Корнилова, П.Б. Струве и др. [7]. Сторонники этой концепции отмечали «вынужденный» характер народнического террора и его «практическую несостоятельность». П.Б. Струве по этому поводу писал: «Условием, которое с исторической необходимостью породило и порождает революционный террор, является в нашей стране бессилие общественного мнения, закона и права» [18, с. 153]. А В.Я. Богучарский подчеркивал, что «методы борьбы народовольчества –

заговор и терроризм – как методы совершенно неверные, оказались и совершенно несостоятельными на практике» [17].

Охранительной и либеральной концепциям долгие годы противостояла собственно народническая концепция. Она начала формироваться почти одновременно с охранительной концепцией и в противовес ей. «Волна историографической апологии терроризма, – по словам В.Э. Багдасаряна и А.А. Бакаева, – была инициирована изданием в 1893 г. в Женеве брошюры П.Ф. Алисова «Террор» [1, с. 7]. Первоначальную основу народнической концепции составили нелегальные издания «Народной воли» – программные статьи, прокламации, биографии деятелей партии, следственные показания, судебные речи. К ним добавились изданные в эмиграции сочинения П.А. Кропоткина, П.Л. Лаврова, С.М. Степняка-Кравчинского, Л.А. Тихомирова и др. Народники признавали политический террор в России исторически и нравственно оправданным, хотя его «практическую пользу» оценивали далеко не однозначно. Показательно, что К. Маркс и Ф. Энгельс, много размышлявшие о месте террора в политической жизни России, тоже были готовы оправдать народнический террор. Они считали, что он продиктован «действиями противников», а значит, по его поводу следует морализировать так же мало, как и «по поводу землетрясения на Хиосе» [11, с. 158].

В начале XX века тема политического террора оказалась в центре внимания части российского общества в связи с активной деятельностью радикальных политических партий и организаций, а также в связи с трагической историей первой российской революции. Первым историографическим трудом послеоктябрьского периода по истории революционного терроризма явилась книга, изданная партией социалистов-революционеров в 1918 году, которая называлась «Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки» [2]. Показательно, что в советской историографии индивидуальный политический террор осуждался не как насилие, а как проявление мелкобуржуазного индивидуализма в классовой борьбе. Ему противопоставлялись массовые формы движения угнетенных классов. Сам по себе террор не только не осуждался, но превозносился как наиболее действенный способ

разрешения социальных антагонизмов. Индивидуальный террор в контексте выхода на политическую арену пролетариата считался недостаточным. Мелкобуржуазному индивидуальному терроризму противопоставлялся массовый пролетарский террор.

Идеологическим клише советской историографии стали оценки, высказанные В.И. Лениным в отношении терроризма в 1902 году в статье «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?». Терроризм определялся в ней как скоропреходящее явление, не связанное с революционным движением масс. Вслед за В.И. Лениным советские историки констатировали, что на деле террор социалистов-революционеров является «ничем иным, как единоборством, всецело осужденным опытом истории».

В.И. Ленин, оценки которого часто служили первоосновой для выработки ключевых подходов советской историографии, был далек от того, чтобы осуждать терроризм по гуманистическим соображениям. В работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» он писал: «Мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы «принципиально» осуждать террор великой французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазией всего мира, таких людей еще Плеханов в 1900–1903 годах, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплевыванию». Неслучайно в начале XX в. большевики также устраивали террористические акты, менее эффективные, чем у эсеров, но более прагматически выверенные.

Тезис о мелкобуржуазной сущности индивидуального политического террора был апробирован в советской историографии еще в начале 1920-х годов. Авторами работ, затрагивающих проблемы эсеровского и анархистского террора, выступили главным образом видные большевистские деятели, такие, как А.В. Луначарский, Ю.Стеклов, А.Платонов, Я.Яковлев и др. Отличительной особенностью этих трудов являлось преобладание дидактического компонента. Названные авторы не столько пытались реконструировать историческую канву, сколько полемизировали со своими оппонентами в социалистическом лагере,

еще не сошедшими к тому времени с политической авансцены [16].

В советской историографии в период доминирования школы М.Н. Покровского предпринимались неоднократные попытки объяснения феномена революционного терроризма с позиций экономического детерминизма. Преобладал тезис о том, что теракты были вызваны резким ухудшением экономического положения народных масс. В воспоминаниях о М.А. Натансоне бывший представитель партии социалистов-революционеров Г.Ульянов утверждал, что начало эсеровской пропаганды терроризма, осуществлялось на фоне голода в Центральной России. Однако если проследить хронику политических терактов, то прямой зависимости их динамики от хозяйственного положения страны не обнаруживается. Политические убийства осуществлялись в годы как экономического упадка, так и подъема. Более того, в условиях хозяйственного кризиса представители радикальных организаций начинали апеллировать к народу и соответственно отдавали приоритет в тактическом отношении к массовым формам революционного движения, тогда как в годы экономического роста оставалось возлагать надежду на индивидуальные методы борьбы.

После осуждения школы М.Н. Покровского экономическое объяснение сущности политического терроризма оказалось окончательно заменено социологической интерпретацией. По мнению сторонников такого подхода, террористические методы борьбы, в первую очередь, определялись особенностями политической тактики мелкой буржуазии.

Советская послеоктябрьская историография во многом развивалась под знаком «охоты на ведьм». Историки революционного движения активно включились в поиск бывших агентов царской охраны. Они достаточно быстро обнаружили, что иногда интересы охранных служб и террористов парадоксальным образом совпадали. Полиции, по ее корпоративным соображениям, полный разгром террористических организаций был не выгоден. При отсутствии террористической угрозы социальный, а соответственно и материальный статус охраны имели бы тенденцию к понижению. Поэтому охранные службы иногда пользовались приемами создания террористических фантомов. Естественно, что советские

авторы не упускали возможности разоблачения такого рода провокаций. Уже в 1918 году В.К. Агафонов писал об организации П.И. Рачковским в Париже лаборатории по изготовлению бомб, сведения о которой были переданы французской полиции. В результате оказалось сфабриковано следственное дело о заговоре в целях убийства Александра III во время визита того во Францию [16].

В 50–80-е гг. XX века исследование проблем, так или иначе связанных с историей политического терроризма в России проходило под очень сильным давлением тех методологических конструкций, которые сформировались в рамках знаменитой истории КПСС. Оценки и суждения высокопоставленных партийных чиновников часто выступали в качестве главного аргумента при решении любой научной проблемы [3].

Тем не менее, особенно в 70–80-е гг. ряду ученых, занимавшихся историей общественно-политических движений в России, удалось сделать следующий шаг в исследовании истории отечественного политического террора. Так, В.А. Дьяков сумел показать взаимосвязь между освободительным движением в России в 1825–1861 гг. и национально-освободительной борьбой, развернувшейся в этот период в Польше и ряде других регионов империи, детально проанализировал организационные принципы и тактику дворянских революционеров, которые в дальнейшем повлияли на развитие народнических революционных организаций [5]. Н.А. Троицкий исследовал роль политических процессов 60–90-х гг. XIX в. в развитии революционного движения в России. Он выявил две главные особенности поведения обвиняемых перед царским судом: первая – это «сознательное стремление революционеров, как правило, на каждом судебном процессе превращать скамью подсудимых в трибуну для обличения существующего строя и пропаганды революции...», а вторая – «... их безграничная и бескорыстная, далеко не всегда «целесообразная» самоотверженность» [20]. Н.А. Троицкий очень высоко оценивал морально-волевые качества революционеров, используя термин «террористы» в, безусловно, позитивном смысле.

М.Д. Карпачев в монографии «Истоки российской революции: легенды и реаль-

ность» проанализировал основные подходы англо-американской историографии к вопросу о социальных истоках и причинах общественного движения в пореформенной России, а также дал критическую оценку многим суждениям английских и американских историков об особенностях идеологической и практической деятельности русских революционеров 1860-х гг.

М.Д. Карпачев, как и многие его предшественники, по-прежнему утверждал, что «русским народникам террор был навязан царским правительством», «а покушения на официальных лиц были ответом на жесткие полицейские гонения и смертные казни» [6, с. 188]. Вместе с тем, именно М.Д. Карпачев впервые в советской историографии столь подробно и детально изложил на русском языке взгляды своих оппонентов. Внимательный читатель, изучая данную работу, мог узнать, что Дж. Биллингтон настаивал на закономерном торжестве сторонников революционного насилия в русском освободительном движении, которое он связывал с тем, что «русская общественная мысль не знала здоровой умеренности и постоянно оказывалась между Сциллой реакции и Харибдой революционного экстремизма», что Р.Пайпс был абсолютно убежден в том, террор социалистов-революционеров превратился в террор ради террора и осуществлялся для того, что бы доказать, что он осуществим, а спор шел только о том, «у кого воля сильнее: у кучки революционеров или у всего истэблишмента империи», что Ф. Рэнделл считал, что террористическая атака выросла в обстановке глубокого разочарования, русское общество вскоре после окончания войны с Турцией. Сам же М.Д. Карпачев настаивал на том, что превращение террора в орудие политической борьбы было следствием слабости тех социальных сил, которые поддерживали революционное движение. Тактика террора и политического заговора являлась неизбежным спутником интеллигентской революционности, завершающим аккордом ее развития» [6, с. 189].

В качестве главного аргумента, подтверждавшего правоту его взглядов, М.Д. Карпачев по недоброй традиции советской исторической науки использовал цитату из работы В.И. Ленина, который писал: «В 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народовольцами, они представляли из себя группу интелли-

гентов, а на самом деле сколько-нибудь широкого, действительно массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения» [10, с. 365].

Важно подчеркнуть, что в 70–80-е гг. этический аспект в развитии терроризма вызвал более серьезный интерес у западных, а не отечественных исследователей. Так, по мнению У.Лакера, который в 1977 году опубликовал работу по названию «Terrorism», доминирующей тенденцией в истории мирового террористического движения стала дегуманизация насилия. «Если ранние террористические группы, – писал американский историк, – воздерживались от актов намеренной жестокости... с изменением характера терроризма как левого, так и правого, гуманное поведение больше не является нормой ... Политический террорист наших дней ... освободился от угрызений совести» [1, с. 116]. Отечественные историки обратили свое внимание на данный аспект проблемы намного позже.

В.Р. Лейкина-Свирская в своей книге «Русская интеллигенция в 1900–1917 гг.» очень кратко, но затронула вопрос о социальном составе партии эсеров. В.Р. Лейкина-Свирская констатировала, что проводившаяся партией эсеров «тактика индивидуального террора не могла обеспечить ей массовую опору. Со своего основания в начале 1902 г. по 1911 г. эсеры осуществили 205 террористических актов против высшей и низшей администрации царизма; подавляющее количество из них (191) приходится на 1905–1907 гг. В списке террористов, о которых можно было собрать сведения, у В.Р. Лейкиной-Свирской оказались 149 человек, из которых 42 интеллигента, 13 студентов, 10 учащихся, 69 рабочих, остальные – крестьяне, солдаты, матросы и др.» [9, с. 247].

Проблемы политического терроризма начала XX в. продолжали интересоваться советских историков и в годы перестройки. При этом традиция прочной увязки вопросов террора с историей деятельности отдельных политических партий и организаций в это время еще сохранялась. Так, в 1989 г. Д.Б. Павлов опубликовал книгу «Эсеры – максималисты в первой российской революции». В ней он подробно проанализировал историю возникновения

эсеровского максимализма, его теоретические основы и деятельность максималистов в годы революции. Подводя итог анализа позиции эсеров-максималистов в отношении террора, Д.Б. Павлов писал: «Вера максималистов в возможности террора была поистине безграничной. С помощью всех видов террора («центрального», местного, массового, «экономического», аграрного) они рассчитывали дезорганизовать правительственный аппарат самодержавия, терроризировать весь класс помещиков и буржуазии, вызвать подъем революционного движения и подготовить массы к вооруженному восстанию». Д.Б. Павлов был вынужден в своей работе вернуться к вопросу об отношении к террору В.И. Ленина. Проанализировав несколько высказываний В.И. Ленина, Д.Б. Павлов констатировал: «В чем же заключалось ленинское понимание террора, который должна была применять революционная организация? Главное здесь заключалось в требовании тесной связи боевой работы с массовым революционным движением. Эта связь, по Ленину, состояла в том, что террор должен был стать одним из подсобных средств борьбы масс, пригодным и необходимым лишь в период «решительного штурма» самодержавия» [14, с. 158].

Но именно в годы перестройки наметились первые признаки формирования нового подхода к изучению проблем политического терроризма в отечественной историографии. В рамках этого подхода проблемы терроризма стали менее жестко связываться с историей конкретных политических партий, приобретая характер самостоятельных и самодостаточных научных проблем. В СССР в последние годы существования этого государства были даже опубликованы произведения тех авторов, чьи взгляды по широкому кругу исторических, политических, социальных вопросов не совпадали со взглядами лидеров большевизма и идеологическими установками КПСС. Важную роль для постепенного изменения традиционных советских взглядов на историю политического терроризма сыграла публикация в 1990 году книги великого русского философа В.В. Розанова «Уединенное», в которой автор несколько раз обращался к различным аспектам данной истории. Он, в частности, писал: «В террор можно и влюбиться и возненавидеть до

глубины души, – и притом с оттенком «на неделе семь пятниц», без всякой неискренности. Есть вещи, в себе диалектические, высвечивающие (сами) и одним светом и другим, кажущиеся с одной стороны – так, а с другой – иначе. Мы, люди, страшно несчастны в своих суждениях перед этими диалектическими вещами, ибо страшно бессильны...» [15, с. 35].

Качественно новым явлением для советской исторической науки эпохи 80-х гг. стало издание в СССР книг историков – эмигрантов, посвященных проблемам политического терроризма начала XX в. Наиболее бурную реакцию в научном сообществе вызвало издание книги Б.Николаевского «История одного преда-

теля. Террористы и политическая полиция» [12].

В конце 80-х годов XX в. стало очевидно, что для решения проблем, накопившихся в отечественной историографии, истории политического террора в России необходимо существенно расширить источниковую базу исследований, обновить методологический инструментарий, учесть достижения т.н. «западной историографии». В 90-е годы XX в. в рамках развития уже постсоветского этапа отечественной историографии проблем политического терроризма к исследованию феномена террора начала XX века подключились политологи, социологи, юристы и другие представители гуманитарного знания.

1. Багдасарян, В.Э. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли [Текст] / В.Э. Багдасарян, А.А. Бакаев. – М.: ВНИИ МВД России, 2004.
2. Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охраны. М., 1918.
3. Георгиева Н.Г. Революционное движение в России в конце XIX – начале XX в. М., 1986.
4. Голицын Н.Н. Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. – М., 1906; Спиридович А.И. Записки жандарма. – Харьков, 1928 и др.
5. Дьяков В.А. Освободительное движение в России. 1825–1861 гг. – М., 1979.
6. Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. – М., 1991.
7. Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II. 1855–1881 гг. – М., 1909; Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881 гг.): Исторические очерки. – Спб., 1913 и др.
8. Кошель П.А. История наказаний в России. История российского терроризма. – М.: Голос, 1995.
9. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. – М.: Мысль, 1981.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19.
12. Николаевский Б.Н. История одного предателя. – М.: Высш.шк., 1991.
13. Обзор социально-революционного движения в России. СПб., 1880.
14. Павлов Д.Б. Эсеры – максималисты в первой российской революции. – М.: Изд-во ВЗПИ, 1989.
15. Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990.
16. Российский терроризм в начале XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/history/00091222_0.html (дата обращения: 21.05.2010).
17. Русская дореволюционная историография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9828/1.pdf> (дата обращения: 21.05.2010).
18. Струве П.Б. Patriotica. – СПб., 1911.
19. Суворов, А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX – начале XX века. [Текст] / А.И. Суворов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
20. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. – М., 1978.

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СССР И США К ПРИМЕНЕНИЮ ПРОТИВНИКОМ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ НАКАНУНЕ КАРИБСКОГО КРИЗИСА

УДК 94(47).084.9

А.В. БУДАНОВ

«Холодная» война формально завершилась в 1991 году, но противостояние России и Западных стран сохраняется до сих пор, пример чему – расширение НАТО на Восток. Для адекватной оценки и преодоления подобных угроз важно изучить причины и принципиальные основы возникшего противостояния. Сформировались они в период становления ракетно-ядерного вооружения в конце 1950-х начале 1960-х гг. Цель статьи состоит в анализе мобилизационной подготовки сверхдержав к ядерной войне – важной составляющей системы военно-политического противостояния сверхдержав.

Угроза ядерной войны заставляла сверхдержавы создавать планы по преодолению возможных последствий применения оружия массового поражения. Стороны взаимно следили друг за другом в этом вопросе. В 1957 году Н.С. Хрущев получил доклад о мобилизационных планах США на случай войны, подготовленный с учетом данных разведки работниками Госплана СССР В.Володиным, С.И. Семиным и др. под руководством М.В. Хруничева и А.Н. Косыгина. Американцы разработали два варианта плана: без нападения на США и при нападении на США. План действий в случае нападения на США был изложен в военно-мобилизационном приказе № УП-7, изданном Управлением мобилизации граждан на оборону при президенте США. Этот документ являлся новым шагом в развитии военно-мобилизационной работы в США и отменял предыдущий приказ от 25 мая 1952 года «О мобилизационной базе». Издание нового документа демонстрировало признание США новых достижений Советского Союза в развитии ракетно-ядерных сил и других современных видов стратегических вооружений.

К этому времени в США понимали, что СССР уже способен доставить на территорию Америки ядерные боеприпасы.

В случае нападения на США военные учреждения и ведомства страны получали чрезвычайные полномочия по контролю над производством и материалами, заработной платой и ценами, людскими ресурсами, транспортом, добычей угля, нефти и другими определяющими сферами экономики страны. Вводились принципы плановой экономики. В радиусе от 80 до 480 км от столицы создавались специальные защитные сооружения для эвакуации правительственных учреждений.

В США было создано Управление гражданской мобилизации на оборону, уделявшее главное внимание противовоздушной обороне, подготовке населения к ней, строительству бомбоубежищ. Был учрежден совет по поддержке оборонных предприятий. Создавался запас стратегических материалов (алюминия, олова, вольфрама, цинка, свинца, промышленных алмазов, слюды, ванадия, асбеста, графита и др.) на трехлетний период. Этот план был выполнен в США к 1957 году на 75%. В случае применения ядерного оружия была разработана программа восстановления производства основных видов вооружений через 6 месяцев, а в авиационной промышленности – через 2–3 месяца. Сроки были заметно сокращены, так как в предыдущие годы был установлен срок в 1,5–2,5 года. Стратегические бомбардировщики, вооруженные атомными бомбами, средства противовоздушной обороны и управляемые снаряды должны были быть восстановлены в первую очередь, так как считалось, что в СССР трудно создать эффективную систему противовоздушной обороны из-за обширных и малозаселенных пространств. Планировалось создание дополнительных производственных мощностей в удаленных местностях с рассредоточением и защитой их от диверсий.

Были внедрены и другие элементы государственного планирования. Руко-

водство этой сферой осуществлял Совет по поддержке оборонных предприятий, в который входили представители Министерства обороны, Министерства торговли, Комиссии по атомной энергии, Администрации общих служб, Администрации мелких фирм. Сфера деятельности комиссии была довольно обширна. Двенадцать тысяч предприятий от самых крупных до мелкой промышленности получали план производства необходимых стране товаров на случай начала войны. Эти предприятия в экстренном случае автоматически получали государственный заказ. Для них также разрабатывались мобилизационные планы производства, предусматривалось наличие запаса наиболее важных изделий и деталей для военной техники. Органы государственной власти осуществляли контроль над этой деятельностью предприятий [5, л. 30–38].

В результате серьезного государственного вмешательства в сферу деятельности частного бизнеса, связанную с необходимостью наращивать военный потенциал для реализации внешнеполитических амбиций и предотвращения военных угроз, в стране в годы президентства Д. Эйзенхауэра (1953–1961) окончательно сформировался военно-промышленный комплекс. Об опасности этой новой и влиятельной силы Эйзенхауэр высказался в своей прощальной речи. Он отмечал: «Этот конгломерат огромного военного истеблишмента и крупной индустрии вооружений является чем-то новым в американской жизни. Экономическое, политическое, даже духовное влияние такого союза ощущается в каждом городе, в каждом здании администрации штата, в каждом ведомстве федерального правительства... В наших правительственных структурах мы должны быть начеку... Лишь бдительное и информированное гражданское общество может настоять на разумном сочетании огромной индустриальной и военной машины с нашими мирными методами и целями, с тем, чтобы безопасность и свобода могли совместно процветать» [6]. Таким образом, американский военно-промышленный комплекс представлял собой продукт сращивания государственного аппарата, военной элиты и бизнеса. В результате получилась довольно агрессивная социальная структура, принципы которой основывались на военных устремлениях как основе своего существования (так как военные наиболее влиятельны, когда есть угроза войны; тогда же возрастают прибыли предприятий, по-

лучающих оборонный заказ). Эйзенхауэр, как показала практика, не преувеличивал опасность. Уже через год мир оказался на грани уничтожения цивилизации в результате ядерной войны, поводом для нее мог стать Карибский кризис. И вина в этом кризисе лежит в равной степени на руководстве обеих великих держав.

В СССР в отличие от США политическое руководство страны, представленное в ЦК КПСС и Совете Министров СССР, не допускало до принятия ключевых политических решений высшие военные чины и руководителей оборонных отраслей промышленности. Они, как правило, не входили в состав ЦК КПСС. Их голос был скорее совещательным, чем решающим. Военные и промышленные руководители СССР имели между собой разногласия: военные хотели постоянно обновлять технику, а руководители промышленности – производить по госзаказу уже отработанные образцы, чтобы стабильно выполнять план производства и получать поощрения. Срачивания этих групп не произошло. К тому же до середины 1970-х гг. СССР был вынужден постоянно догонять США в производстве стратегических вооружений, «держат оборону». Даже Карибский кризис был во многом спровоцирован установкой США в 1961 году в Турции ракет средней дальности «Юпитер», угрожавших городам в западной части Советского Союза и даже Москве. Ответным шагом стала установка ракет на Кубе, в качестве оборонительного мероприятия СССР. Не случайно демонтаж американских ракет в Турции и Италии был одним из основных требований СССР при разрешении кризиса. Поэтому систему производства военной продукции в СССР логичнее называть оборонно-промышленным комплексом.

Военная угроза влияла на процесс реформирования системы государственного управления в СССР. Весной–летом 1957 года в СССР ликвидировалось большинство промышленных министерств, взамен которых в экономических административных районах (зачастую совпадали с границами областей) создавались Советы народного хозяйства (совнархозы), руководившие промышленностью регионов (за исключением атомной промышленности, которая сохранялась в подчинении Министерства среднего машиностроения). Такая реформа с военно-стратегической точки зрения была удобна тем, что не позволяла одним ударом уничтожить все руководство промышленностью, которое теперь было рас-

средоточено по стране. Этого же стремились достичь американцы, желая рассредоточить мобилизационные производства по удаленным районам США.

В СССР 18 июня 1957 года Совет Министров принял Постановление «Об организации мобилизационной работы в связи с перестройкой управления промышленностью и строительством», согласно которому на Госплан СССР возлагалась разработка проектов ежегодных мобилизационных планов народного хозяйства СССР на первый год войны; перспективных планов развития мобилизационных мощностей для производства военной техники и имущества (сырья, материалов, оборудования, изделий) для Министерства обороны и Министерства внутренних дел СССР, Министерства транспортного строительства, КГБ при Совете Министров СССР. Учитывалась также подготовка сельского хозяйства, транспорта, электростанций и здравоохранения. Большое внимание уделялось развитию местной противовоздушной обороны, так как ожидалось, что американцы доставят ядерное оружие с помощью стратегических бомбардировщиков. Планы согласовывались со странами, входившими в Организацию Варшавского договора.

Советы министров союзных республик, министерства и ведомств СССР, государственные комитеты разрабатывали аналогичные годовые и перспективные мобилизационные планы для совнархозов и подведомственных предприятий, на основе данных Госплана СССР и проектов, составленных совнархозами и подведомственными предприятиями. Особая ответственность за мобилизационную подготовку оборонной промышленности возлагалась на оборонные государственные комитеты: авиационной, оборонной, радиотехнической, судостроительной, а также химической (в отношении снаряжения боеприпасов, средств химической защиты, ракетного и самолетного горючего, окислителей) промышленности. За мобилизационную подготовку подведомственных отраслей на случай войны были также ответственны министерства сельского хозяйства, путей сообщения, морского флота, связи, электростанций, здравоохранения. Во всех указанных управленческих структурах на подведомственных им предприятиях, уч-

реждениях и организациях создавались самостоятельные мобилизационные органы (управления, отделы, сектора, группы или ответственные исполнители – в зависимости от объема работ), осуществлявшие эту работу [5, л. 8].

Постановление Совета Министров СССР от 10 августа 1957 года «Об оборонных отраслях промышленности» возлагало на совнархозы следующие задачи: наращивание мобилизационных мощностей предприятий оборонных отраслей промышленности, разработка проектов мобилизационных планов с учетом максимального использования в особый [военный] период мощностей других предприятий данного экономического района для производства военной техники [1, л. 21–22.]. На предприятиях часть оборудования, сырья и материалов консервировались на случай войны, что создавало дополнительные трудности: необходимость поиска свободных помещений, отвлечение части ресурсов от производственного процесса.

На мобилизационные органы в обязательном порядке возлагалась также разработка мероприятий по местной противовоздушной обороне. Мобилизационное планирование охватывало все важнейшие звенья управления обществом от центральных органов власти до конкретных предприятий.

Финансирование осуществлялось государством через специальные статьи расходов бюджета. Например, Челябинскому горисполкому на мобилизационную подготовку в 1957 году из бюджета Совмина РСФСР было выделено 2 млн 931 тыс. руб. Большая часть этих средств выделялась на организацию объектов местной противовоздушной обороны, строительство бомбоубежищ, приспособление помещений для их возможного переоборудования под госпитали и т.д.* [3, л. 31, 34].

В нашей стране были разработаны планы оказания помощи городам в случае поражения их атомным и термоядерным оружием. 31 мая 1957 года вышло соответствующее Постановление Совета Министров РСФСР № 502–12. Подписавший его председатель Совмина М.А. Яснов имел опыт руководства строительством оборонительных сооружений вокруг Москвы и аварийно-восстановительной служ-

* По причине засекреченности в центральных архивах фондов, содержащих советское законодательство по оборонным вопросам, исследователи вынуждены ссылаться на документы рассекреченных фондов региональных архивов, в которых имеются копии постановлений центральных органов власти, направленные в те годы для исполнения местным органам власти.

бой местной противовоздушной обороны (МПВО) в годы Великой Отечественной войны. В этом документе все города РСФСР делились на четыре группы МПВО: особую, первую, вторую и третью. В случае поражения городов ядерным оружием службы МПВО должны были оказать помощь выжившим: разместить их в специальных госпиталях; обеспечить пострадавших одеждой; питанием и санитарно-хозяйственным; обеспечить санитарную обработку населения в специальных обмывочных сооружениях; выделить автотранспорт для работы в пострадавших городах и эвакуации населения. При этом в каждом городе формировались специальные команды: спасательные, медицинские, восстановительные. Ответственным за обеспечение медицинской части плана был министр здравоохранения РСФСР С.В. Курашов. Начальником МПВО республики – министр внутренних дел РСФСР Н.П. Стаханов [3, л. 48–49]. Для каждого города устанавливался состав и количество специальных команд, определялось место строительства загородного хранилища медицинского и аварийно-спасательного имущества, помещения которого могли бы быть использованы под эвакуационные госпитали. Прописывалось: в какие пораженные ядерным оружием города и в каком количестве эти спасательные службы должны быть направлены. Например, отряды города Челябинска и области планировалось направить в экстренном случае для помощи в город Молотов в количестве 41 отряда первой медицинской помощи (ОПМ), 37 медицинских бригад сопровождения (МБС), 3 группы специальной медицины (ГСМП). В город Омск и Свердловск планировалось направить по 2133 (2433 для Свердловска) работников милиции, 41 ОПМ, 41 МБС, 3 ГСМП, а также противоземлемый отряд. Медицинские силы авиаотрядами направлялись также в города: Сталинск, Куйбышев, Ленинград, Молотов, Москву (районы Кунцево, Люблино, Перово, Тушино, Бабушкина), Новосибирск, Казань, Ижевск. Аналогично был организован список отрядов и их маршруты для других городов РСФСР. Были сделаны расчеты о возможном количестве пораженного населения, на основе которых был составлен план строительства госпиталей и складирования специального имущества [3, л. 50–58].

В 1958 году было принято решение создать службы аварийно-спасательных и восстановительных работ МПВО. Соответ-

ствующее Постановление № 149-15 было издано Совмином РСФСР 19 февраля 1958 года. Подобные службы создавались при Советах Министров автономных республик, при областных, краевых и городских Советах депутатов трудящихся совместно с совнархозами, а на селе – на базе совхозов, машинно-тракторных и мелиоративных станций. Основой для их создания становились строительные и монтажные организации независимо от их ведомственной принадлежности. Возглавила эту систему служба аварийно-спасательных и восстановительных работ МПВО при Министерстве строительства РСФСР. Руководителем ее был назначен министр строительства Н.А. Дыгай, руководителями на местах – заместители председателей совнархозов или советских учреждений по строительству, руководителями отдельных подразделений – начальники структур, на базе которых они были созданы (например, строительных трестов). В военное время сотрудники службы переводились на казарменное положение. Их задачей был поиск уцелевших бомбоубежищ и помощь в эвакуации населения из них, восстановление коммунального хозяйства пораженных территорий, снабжение пострадавших городов водой, восстановление инфраструктуры [4, л. 60–66].

На основании совместного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 мая 1958 года № 527–251 строительные организации совнархозов и советских учреждений привлекались к сооружению в городах объектов ПВО, а также жилья для военных, несущих службу на них [2, л. 67].

Однако в проведении мобилизационной подготовки в СССР имелись и значительные недостатки, связанные в первую очередь с ограниченностью ресурсов общества и государства. Например, во многих городах приспособление зданий под возможные госпитали (обычно школ и больниц, где проводились дополнительные строительные работы, совершенствовалась вентиляция) осуществлялось медленно. В Тульской области из 34 зданий было приспособлено 9, Саратовской из 50–6, Пензенской из 53–18, Ульяновской из 35–21 и т.д. Не везде выполнялись планы создания мобилизационных ресурсов медицинского оборудования и медикаментов, так как перечень их был весьма внушителен и требовал значительных средств [3, л. 98].

В противоречие с соображениями военной безопасности вступала также задача массового жилищного строительства, начавше-

гося в период хрущевской оттепели. Для его удешевления пришлось временно отказаться от обязательного строительства бомбоубежищ в жилых, культурно-бытовых, учебных, административных сооружениях. Эти нормативы вводились секретным постановлением Совета Министров СССР от 6 февраля 1957 года № 152–72 «О сроках проведения инженерно-технических мероприятий МПВО» [3, л. 11]. Однако бомбоубежищ заметно не хватало. Например, обеспеченность населения в Карельской АССР составляла 25,4 %, в Чечено-Ингушской – 22,3 %, Астраханской области – 21,3 %, в городе Горький – 39 %. В целом на 1 января 1957 года план строительства новых бомбоубежищ был выполнен на 32% [3, л. 131–132].

В Постановлении Совмина РСФСР «О повышении готовности МПВО к защите населения, пищевого сырья, продовольствия, водопроводов и источников водоснабжения от бактериологического оружия» от 7 мая 1958 года также отмечалось, что новые пищевые склады строятся без учета требований защиты их от средств массового поражения, бактериологические и вирусологические лаборатории нередко размещались в непригодных помещениях. Министерство здравоохранения РСФСР вместо запланированного в 1955–1956 годы строительства 88 санитарно-эпидемиологических станций построило только 3. Противозидемические отряды недостаточно обеспечены имуществом и плохо подготовлены. Для защиты источников водоснабжения от бактериологического оружия правительством было решено до конца 1959 года загерметизировать все резервуары с питьевой водой и усилить режим охраны, оборудовать все ответвления от водопроводов обратными клапанами, создать трехмесячные запасы хлора и коагулянтов, подготовить бани, душевые и прачечные к проведению обеззараживания и т.д. Разрабатывались также мероприятия по герметизации автотранспорта для перевозки продовольствия в зонах поражения. Однако средств и сил на эти мероприятия не хватало, и решение проблемы затягивалось [4, л. 117–122].

Общество подготавливалось к возможной войне через систему ДОСААФ и

Общество Красного Креста, которым было поручено обязательное обучение населения по 22-часовой программе «Готов к ПВО». Однако этот процесс постоянно срывался. Например, в 1957 году план подготовки населения был выполнен в Орловской области на 34%, Псковской – 54%, Курганской – 56%, Новосибирской – 56%, Бурят-монгольской АССР – 56%, Марийской АССР – 57%, Мордовской АССР – 63%, Приморском крае – 76% [4, л. 48–49].

Система мобилизационной подготовки органов государственной власти и общества СССР, созданная в ходе реформ второй половины 1950-х гг., базировалась на командно-административных методах управления и была ресурсозатратной. В случае ядерной войны она предусматривала значительные потери в народном хозяйстве и жертвы среди мирного населения. В этих условиях вывод ракет с Кубы в ходе Карибского кризиса был обоснованным.

В результате исследования обеих систем мобилизационной подготовки можно сделать вывод, что в СССР и в США мобилизационная подготовка осуществлялась на основе строго и всеобъемлющего государственного планирования. В советском государстве и обществе это не вызвало системных перемен в управлении, так как мобилизационность и экономические затраты были изначально признаком советской системы власти.

В США же до «холодной» войны экономика и система управления были основаны на принципах либерализма. Мобилизационное планирование было опасно для базовых принципов американского общества и системы государственного управления, основанных изначально на принципах политического и экономического либерализма. Внешнеполитические амбиции политиков и военных объединились со стремлением к получению сверхприбылей со стороны частного бизнеса, получавшего госзаказ. В результате в стране сформировалась агрессивная структура – военно-промышленный комплекс. В США стали возрастать милитаристские и империалистические устремления, влияние которых проявляется в агрессивной внешней политике страны и в наши дни.

1. ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 15.

2. ОГАЧО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 99.

3. ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 17. Д. 23.

4. ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 17. Д. 26.

5. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 237.

6. Эйзенхауэр, Д. Прощальное обращение к нации [Электронный ресурс] / Д. Эйзенхауэр. – Режим доступа: www.coldwar.ru/eisenhower/farewell-address.php (дата обращения: 20.09.2010 г.)

СОЦИУМ

SOCIUM

Сагатовский В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования). В статье рассматриваются фундаментальные проблемы философии истории. Осуществляется сравнение и обоснованное противопоставление монокаузалистского понимания общества и подхода с позиций целостного взаимодействия. Последний подход раскрывается как системная онтолого-методологическая схема жизнедеятельности общества, в которой показывается взаимная дополнительность его базовых категориальных характеристик.

Ключевые понятия: социально-антропологическая целостность, целостное взаимодействие, взаимодополнительность атрибутов человеческой жизнедеятельности.

Бенин В.Л. Образование как фактор национальной безопасности. В статье поднимается проблема места образования в общей системе обеспечения национальной безопасности России, предлагается дефиниция образовательной безопасности, обосновывается необходимость учета социальных последствий крупномасштабных нововведений в системе образования в их влиянии на социальную стабильность и безопасность.

Ключевые понятия: образование, образовательные реформы, национальная безопасность.

Вишневский Ю.Р., Певная М.В. Оценка реформирования российского образования с позиции потребителей образовательных услуг. В статье рассматриваются основные аспекты реформирования российского образования. По результатам социологического опроса студентов ведущих вузов Свердловской области проводится анализ успешности внедрения инноваций в учебный процесс, оценивается его профориентированность, изучается удовлетворенность молодежи современной образовательной подготовкой в высшей школе.

Ключевые понятия: социология молодежи, профессиональное образование, модернизация образования.

Зырянова Н.С. Актуальные вопросы осмысления роли и места коммуникации в постмодерне. Статья посвящена теориям коммуникации, отражающим процессы изменения характера и форм общения в постмодернистской культуре. Автор обращается к определениям коммуникации, господствующим в современной философской литературе.

Ключевые понятия: коммуникация, симулякр, постмодернизм, массовая информация, медиакультура.

Орлова В.В. Социализация молодежи: потенциал регионального социума. В статье представлен анализ положения молодежи в социуме. Характер и содержание деятельности молодежи в обществе как субъекта социально-

Sagatovski V.N. New view on history. Fundamental problems of philosophy of history, comparison and grounded opposition of the monocausal and integral interaction approaches to the society are examined in the article. The author considers the integral interaction approach as the ontological scheme of the social life in which its basic characters mutually add to each other.

Key concepts: social anthropological whole, integral interaction, mutual complementarity of attributes of human life activity.

Benin V.L. Education as a factor of National Security. The author of the article tries to define the place of education in the general system of national security of Russia, he proposes a definition of educational security and justifies the necessity of taking into account the social consequences of large-scale innovations in the system of education and their impact on social stability and national security.

Key concepts: education, educational reforms, national security.

Vishnevski Yu.R., Pevnaya M.V. Russian education reform evaluation from the educational service consumers' position. The main aspects of reforming Russian education are examined in the article. The survey of the leading higher educational institutions students in the Sverdlovsk region has been carried out. The successfulness of innovations adoption into education process has been analyzed. Youth satisfaction with modern level of higher education has been researched.

Key concepts: sociology of youth, occupational education, professional education, vocational education, modernization of education

Zyrianova N.S. Topical issues of realizing the role and importance of communication in the postmodern society. The article speaks on the theories of communication reflecting the process of changing the nature and form of interaction in the postmodern culture. The author works with the concepts of communication prevalent in the modern philosophic literature.

Key concepts: communication, simulacrum, postmodernism, mass information, media environment.

Orlova V.V. Youth socialization: potential of regional society. The article presents theoretical analysis of the position of youth. The nature and the subject of young people activity in the society depend on objective

---

го развития напрямую зависит от объективных условий социальной среды, предлагающих ей определенные модели социализации.

Ключевые понятия: социализация, молодежь, регион, социальная мобильность.

Ваторопин А.С. Русский фашизм в современной России: социологический анализ. В статье рассматривается сущность фашизма, дается его авторская трактовка. Выявляется специфика русского фашизма, его основные направления, в том числе относительно новое явление – православный фашизм. Анализируется социальная структура русского протофашистского движения и его практическая деятельность, а также отношение к нему общественного мнения в России.

Ключевые понятия: фашизм, русский фашизм, протофашизм, православный фашизм, скин-движение.

Смирнова А.С. Становление института приемной семьи в России (на материалах Челябинской области). Статья посвящена проблеме жизненного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На основе исследования форм жизненного устройства детей в Челябинской области автором сделан вывод о необходимости дальнейшего изучения и государственной поддержки всех его институциональных и семейных форм.

Ключевые понятия: дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей; замещающая семья; приемные родители; государственная политика.

ВЛАСТЬ

Бурцева Р.В. Развитие концепта гражданской нации и либерального национализма в современной российской политологии. Возникновение концептов гражданской нации и либерального национализма в современной российской политической науке отразило переход от советской парадигмы в вопросах изучения нации к новому направлению в исследовании феноменов этничности и национализма. С появлением понятий «гражданская нация» и «либеральный национализм» связана разработка новых, актуальных подходов к решению проблем в области этнической политики.

Ключевые понятия: гражданская нация, либеральный национализм, этнический национализм.

Витковская Т.Б. Методологические проблемы анализа российских локальных элит. В статье проанализированы способы преодоления методологических трудностей и варианты решения теоретических проблем, с неизбежностью возникающих при исследовании элитистской проблематики. Даны определение и характеристика локальной элиты.

Ключевые понятия: политическая элита, элитология.

conditions of social environment proposing certain socialization models.

Key concepts: socialization, youth, region, social mobility.

Vatoropin A.S. Russian fascism in modern Russia: sociological analysis. In the article the essence of fascism is considered, the author's definition is given here. The specific features of the Russian fascism, its main forms including new Orthodox fascism are revealed. The social structure of the Russian proto-fascism movement, its criminal activities and the relevant social opinion in Russia are analyzed.

Key concepts: fascism, Russian fascism, proto-fascism, Orthodox fascism, skin-movement.

Smirnova A.S. Problems of establishing the institute of substituting family in Russia (on the example of the situation in the Chelyabinsk Region). The article is devoted to the problem of life arrangements for orphans and children without parental support. Based upon the results of examining the forms of life arrangements for these categories of children in the Chelyabinsk Region the author makes a conclusion about the necessity to investigate the issue further on and to provide governmental support for all the institutional and family forms.

Key concepts: orphaned children, children without parental support; substituting family; adopting parents, state policy.

POWER

Burtseva R.V. Development of the conception of civil nation and liberal nationalism in modern Russian politology. The origin of the conception of civil nation and liberal nationalism in modern Russian political science reflected the transition from the soviet paradigm in studying a nation to the new direction of studying the ethnicity and nationalism phenomena. The development of the new modern approaches to the solution of ethnic politics' problems is connected with the appearance of "civil nation" and "liberal nationalism" terms.

Key concepts: civil nation, liberal nationalism, ethnic nationalism.

Vitkovskaya T.B. Methodological problems of the local political elite analysis. The article analyzes the ways to overcome methodological difficulties and the variants of solving theoretical problems that inevitably arise during the research of the elitist agenda. The definition and characteristic of the local elite are given.

Key concepts: political elite, elitology,

логия, локальная политика, методология элитистских исследований.

Кунгурцева Г.Ф. Интеллектуальный потенциал как основа современного управления.

В статье утверждается необходимость формирования новой культуры управления на основе парадигмы интеллектуального управления. Обосновывается вывод о поиске оптимальных форм социального взаимодействия между субъектами и объектами управления, вовлечение общественного интеллекта в процесс принятия решений.

Ключевые понятия: интеллектуальный потенциал, управление, культура управления, интеллект.

Скиперских А.В. Интеллектуалы и становление демократических институтов в постсоветском Узбекистане. В статье говорится о роли узбекских интеллектуалов в создании демократического институционального дизайна. Автор показывает, с какими трудностями столкнулись интеллектуалы в постсоветском Узбекистане, и что мешало им превратиться в одного из ключевых политических акторов, способствующих эффективному разрешению постсоветского демократического транзита.

Ключевые понятия: институционализация, власть, правящий режим, легитимация, интеллектуалы.

Попова Е.А. Постсоветский политико-психологический синдром в сфере управления долгосрочным развитием субъектов федерации. Ранее используемые модели управления, постсоветский политико-психологический синдром в сфере государственного регулирования социально-экономического развития регионов актуализирует постановку вопроса о новом механизме планирования долгосрочного развития.

Ключевые понятия: долгосрочное территориальное развитие, постсоветский политико-психологический синдром в сфере государственного регулирования социально-экономического развития регионов, региональная политика, оценка эффективности региональных программ социально-экономического развития.

Пушкарёв Е.А. Политико-правовые основания эффективного управления. Статья посвящена проблемам повышения эффективности политического управления. Автор рассматривает возможные механизмы политического управления, в том числе уделяя значительное внимание критериям эффективности политико-правового управления России, предлагая меры повышения эффективности данных механизмов.

Ключевые понятия: политический процесс, политическое управление, публичное управление, власть, общество.

Подорова-Аникина О.Н. Современные политические коммуникации: главная цель – электоральный успех. В статье представляется

local politics, methodology of elitist research.

Kungurtseva G.F. Intellectual capacity as the basis of modern management.

The article explains the necessity of forming a new management culture based on the paradigm of intellectual administration. The author makes the conclusion that the best form of social interaction between the subjects and objects of governance is the involvement of public intelligence into the decision making process.

Key concepts: intellectual capacity, governing, culture of governing, intellect.

Skiperskikh A.V. Intellectuals and democratic institute formation in Post-Soviet Uzbekistan.

The article speaks about uzbek intellectuals and their role in the creation of the democratic institutional design. The author shows the difficulties that the intellectuals in Post-Soviet Uzbekistan faced, which prevented them from changing into one of the leading political actors promoting the efficient permit for Post-Soviet democratic transit.

Key concepts: institutionalization, power, ruling regime, legitimation, intellectuals.

Popova E.A. Post-Soviet politico-psychological syndrome in the field of state regulation of the long-term development of subjects of federation. The models of management used before and post-soviet politico-psychological syndrome in the field of state regulation of socio-economical regional development actualizes the problem of the new planning mechanism of the long-term development.

Key concepts: long-term territorial development, post-soviet politico-psychological syndrome in the field of state regulation of socio-economical regional development, regional policy, efficiency estimation of regional socio-economical development programmes.

Pushkarev E.A. Political and legal foundation of effective management.

The article is devoted to the problems of raising the effectiveness of political management. The author examines possible mechanisms of political management, including paying much attention to the performance criteria of the effectiveness of political and legal management in Russia, proposing measures to enhance the effectiveness of these mechanisms.

Key concepts: political process, political management, public administration, government, society.

Podorova-Anikina O.N. Modern political communications: main objective – electoral success. In this article the theoretical and

---

как практическая, так и теоретическая информация о современной политической коммуникации. Базовой проблематикой является исследование массовой коммуникации как источника электорального успеха.

Ключевые понятия: политическая коммуникация, эффект коммуникации, электоральный успех, факторы искажения коммуникационного сообщения.

Джантиева Д.С. Этнокультурное измерение этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе. На основе антропоцентрической и этноцентрической природы политических контактов раскрывается понятие этнополитической коммуникации. Наряду с этим предпринята попытка выявления национально-культурной специфики современных этнополитических коммуникаций в Северо-Кавказском регионе.

Ключевые понятия: этнокультурное разнообразие, этнополитическая коммуникация, этнополитическая культура, Северный Кавказ.

Чернов Г.Ю. Управление толпой: основные принципы и технологические приемы. В статье анализируются различные подходы к пониманию механизмов образования толпы, принципы и технологии управления толпами, ориентированные на снижение социальных рисков.

Ключевые понятия: толпа, философский и социально-психологический анализ, принципы и приемы управления.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Андреева Ю.А. Проблема государственности в контексте цивилизационного развития человеческого общества. В статье рассматривается государственность как взаимосвязь двух составляющих. С одной стороны, это ее внутренний проект, образованный базовыми институтами власти, права и др., с другой стороны, это его объективация вовне в виде государственных организаций и вновь возникающих институтов.

Ключевые понятия: государственность, цивилизация, базовый институт, институциональная инфраструктура общества.

Миленина Н.С. Конституционно-правовые механизмы развития бюджетного контроля в Российской Федерации. В статье описываются механизмы конституционно-правового регулирования права граждан РФ на осуществление контроля за оптимальным расходованием бюджетных средств бюджетов бюджетной системы посредством формирования законодательных и исполнительных органов государственной власти. На основе анализа практики осуществления бюджетного контроля формулируются выводы о появлении нового вида бюджетного контроля, реализуемого наряду с бюджетным надзором, – бюджетного контроля эффективности.

practical information on the contemporary political communication is presented. The basic agenda applies to the research of mass communication as the source of electoral success.

Key concepts: political communications, effect of communication, electoral success, factors of communication messages distortion.

Djanteeva J.S. Ethno-cultural changes of the North Caucasus ethno-political communications. The concept of ethno-political communication is based on the anthropocentric and ethno-centric nature of political contacts. At the same time the attempt to reveal the national cultural specifics of the modern ethno-political communications in the North Caucasus is made.

Key concepts: ethno-cultural diversity, ethno-political communication, ethno-political culture.

Chernov G.Yu. Crowd control: main principles and technological methods. In this article various approaches to understanding the mechanisms of the crowd formation, the principles and technologies of control over the crowds focused on decreasing social risks are analyzed.

Key concepts: crowd, philosophical and social psychological analysis, principles and management methods.

STATE AND LAW

Andreeva Yu.A. The Problem of statehood in the context of civilian development of the human society. In the article the statehood is examined as two interrelated parts. On the one hand, there is the inner part of the statehood, which consists of basic institutions of power, law, morality and others, and on the other hand, the outer reflection of this project in concrete state organizations and new institutions.

Key concepts: statehood, civilization, basic institution, institutional infrastructure of society.

Milenina N.S. Constitutional legal mechanisms of the Russian Federation budget control development. This article describes the mechanisms of constitutional legal regulation of the right of the Russian Federation citizens on controlling the optimal use of the budget funds in budget systems by means of creating the parliament and the government. The author suggests marking out a new kind of the budget control – that of efficiency held along with the audit report.

Ключевые понятия: Конституция РФ, Счетная палата РФ, бюджетный контроль, эффективность использования бюджетных средств.

Воропанов В.А. Развитие имперской судебной системы в Западном Казахстане в 1840-х – первой половине 1860-х гг. Статья посвящена вопросам судебно-правовой политики Российской империи в Казахстане в 1840х–1860-х гг.

Ключевые понятия: империя, национальные регионы, организация суда.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Андрос И.А. Экономическое поведение жителей Беларуси в условиях мирового финансово-экономического кризиса: факторный анализ адаптационных стратегий. Изучены особенности реализации населением Беларуси адаптационных решений в условиях финансово-экономического кризиса. На базе данных республиканского мониторинга показано влияние актуальных проблем на экономическое поведение представителей социальных групп. Описана роль государства в проведении антикризисной социальной политики.

Ключевые понятия: адаптационное решение, экономическое поведение, финансово-экономический кризис, факторный анализ, социальная политика.

Артёмова А.Н., Зубкова О.В. Влияние оценки оперативного управления предприятием на процесс корректировки стратегии. Статья посвящена описанию цикла стратегического и оперативного управления промышленным предприятием, объектов стратегического и оперативного управления. Исследована система целей контрагентов предприятия, а также показатели, диагностирующие степень достижения данных целей (целевые показатели деятельности предприятия). На основе целевых показателей предложены критерии оценки эффективности оперативного управления предприятием, исследована их сочетаемость.

Ключевые понятия: стратегическое управление, оперативное управление, цели, эффективность, критерии эффективности управления.

КУЛЬТУРА

Бельчич Д.Ю. Концепт «гражданское общество» в западной философской мысли: от Платона до Г.В.Ф. Гегеля. В статье рассматривается историческое движение концепта «гражданское общество» в западной философии. Автор типологизировал основные теоретические концепты гражданского общества (от Платона до Г.В.Ф. Гегеля), что позволило высветить исследуемый феномен с нескольких ракурсов.

Key concepts: constitution of the Russian Federation, Audit Chamber of the Russian Federation, budget control, efficiency of the budget funds use.

Voropanov V.A. The development of the imperial judicial system in the Western Kazakhstan in 1840 – first half 1860th. The article is devoted to the questions of the judicial legal policy of the Russian empire in Kazakhstan in 1840 – first half 1860th.

Key concepts: empire, national regions, court organization.

ECONOMIC POLICY AND MANAGEMENT

Andros I.A. Factor analysis of adaptive patterns of the population of Belarus in the conditions of financial and economic crisis. Patterns of realization of adaptable solutions by the population of Belarus in the conditions of financial and economic crisis are studied. Based on republican monitoring data we show the influence of pending issues on economic behavior of representatives of social groups. The role of the state in carrying out anti-recessionary social policy is described.

Key concepts: adaptable decision, economic behavior, financial and economic crisis, factor analysis, social policy.

Artyomova A.N., Zubkova O.V. The influence of the enterprise operational management estimation on the strategy correction process.

The article is dedicated to the description of the cycle of the industrial enterprise strategic and operative management, of the objects of strategic and operative management. The target system of the enterprise stakeholders is analyzed, and the indicators diagnosing the degree of achievement of these targets are investigated. On the basis of the target indicators of the estimation of the enterprise operational management efficiency criteria are offered and their compatibility is investigated.

Key concepts: strategic management, operational management, targets, efficiency, criteria of the management efficiency.

CULTURE

Belchich D. Yu. The concept of «civil society» in the western philosophical thought: from Plato to G.W.F. Hegel. The article is devoted to the historical movement of the concept of «civil society» in the western philosophy (from Plato to G.W.F. Hegel) that lets us see the phenomenon under consideration in several perspectives.

Ключевые понятия: гражданин, гражданство, гражданское общество, государство.

Дядык Н.Г. Язык и идеология: афоризм как идеологема. Статья посвящена духовно-идеологическому аспекту бытия социума. Исходным тезисом автора является положение М.М.Бахтина о том, что все идеологическое воплощается в знаке. Афоризм интерпретируется автором как универсальный идеологический знак, способный выполнять любую идеологическую функцию: философскую, эстетическую, этическую и пр.

Ключевые понятия: идеология, идеологема, афоризм, знак, «жизненная» идеология.

ИСТОРИЯ

Сибиряков И.В. Проблемы политического терроризма в России в начале XX века в отечественной дореволюционной и советской историографии. Статья посвящена тем проблемам истории политического терроризма в России начала XX века, которые получили наиболее полное освещение в дореволюционной и советской историографии. Особое внимание в статье уделено тому, как авторы, работавшие в данном направлении, объясняли: новый всплеск террористической активности в России в начале XX века, позиции ведущих политических партий в отношении террора, отношение различных слоев российского социума к практике терроризма. В статье обозначены те проблемы, связанные с историей российского террора, которые в рамках советской историографической традиции так и не были решены. Ключевые понятия: террор, историческая наука, государство, общество, политические партии.

Буданов А.В. Мобилизационная подготовка государственной власти СССР и США к применению противником ядерного оружия накануне Карибского кризиса. Статья посвящена проблемам мобилизационной подготовки органов государственной власти США и СССР к применению против этих стран оружия массового поражения в конце 1950-х гг. Анализируются система подготовки и степень участия различных государственных структур в этой деятельности. Ключевые понятия: органы государственного управления, мобилизация, «холодная» война.

Key concepts: citizen, citizenship, civil society, state.

Dyadyk N.G. Language and ideology: the aphorism as ideologema. The article looks at the spiritual-ideological aspect of social being. The basic point of the author is Mikhail Bakhtin's claim that all ideological is embodied in the symbol. The aphorism is interpreted by the author as the universal ideological sign, that can serve any ideological function: philosophical, aesthetic, ethical etc.

Key concepts: ideology, ideologema, symbol, aphorism, the "living" ideology.

HISTORY

Sibiryakov I.V. The issues of Russian political terrorism in early XX century in Russian pre-revolutionary and Soviet historiography. The article is devoted to issues in the history of political terrorism in Russia in the early twentieth century, that received the most complete coverage in pre-revolutionary and Soviet historiography. Particular attention is paid to ways the authors working in this area explained a new surge of terrorist activity in Russia in the early twentieth century, the positions of major political parties regarding terror, the attitude of various strata of Russian society to the practice of terrorism. The paper also identifies the issues associated with the history of Russian terror, that in the Soviet historiographical tradition have not been resolved.

Key concepts: terror, history, government, society, political party.

Budanov A.V. Government mobilization and preparations in the USSR and the USA regarding the use of nuclear weapon against them on the eve of the Caribbean crisis. The article is devoted to the problem of USA and USSR's preparation to being targeted by a weapon of mass destruction in the middle of the XX century. The system of mobilization and degree of participation of different state structures in this activity is analyzed in this article.

Key concepts: government bodies, mobilization, cold war.

АВТОРЫ НОМЕРА

Андреева Юлия Андреевна, старший преподаватель кафедры теории и социологии управления Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: yulia.andreeva@uara.ru

Андрос Ирина Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии и социальной демографии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск. E-mail: Andras@open.by

Артёмова Анастасия Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, г. Челябинск. E-mail: NA02@yandex.ru

Бельчич Дмитрий Юрьевич, аспирант кафедры философских наук Челябинской государственной академии культуры и искусств, г. Челябинск. E-mail: dimonbelchich@mail.ru

Бенин Владислав Львович, заведующий кафедрой культурологии Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумуллы, доктор педагогических наук, профессор, г. Уфа. E-mail: benin@lenta.ru

Буданов Андрей Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: andreymbudanov@yandex.ru

Бурцева Руслана Владиславовна, аспирант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: ruslana_burceva@mail.ru

Ваторопин Александр Сергеевич, доктор социологических наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: nihon@olympus.ru

Витковская Татьяна Борисовна, кандидат политических наук, младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Пермь. E-mail: lappanata@gmail.com

Вишневский Юрий Рудольфович, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, доктор философских наук, г. Екатеринбург. E-mail: ksoc@mail.ustu.ru

Воропанов Виталий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доцент. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Джантеева Джульета Солтановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры права Карачаево-Черкесского филиала Российского государственного социального университета, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск. E-mail: dzhanteeva2312@yandex.ru

Дядык Наталья Геннадьевна, аспирант кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: demyandyadyk@rambler.ru

Зубкова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, г. Челябинск. E-mail: Aknozama78@mail.ru

Зырянова Наталья Сергеевна, аспирант кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: natasha.zyrianova@gmail.com

Кунгурцева Гузель Фанузовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий Уфимского государственного авиационного технического университета, г. Уфа. E-mail: kungurtzeva62@mail.ru

Миленина Наталия Сергеевна, заместитель декана по учебной работе факультета подготовки государственных и муниципальных служащих, старший преподаватель кафедры государственного права Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: natalia.milenina@uara.ru

Орлова Вера Вениаминовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: orlova_vv@mail.ru

Певная Мария Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург. E-mail: maria003@sky.ru

Подорова-Аникина Оксана Николаевна, соискатель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). E-mail: your_news@mail.ru

Попова Екатерина Александровна, кандидат экономических наук, доцент Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: pasechnik2005@yandex.ru

Пушкарёв Евгений Александрович, кандидат юридических наук, докторант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: kr_evg@mail.ru

Сагатовский Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Санкт-Петербург. E-mail: vn-sagat@yandex.ru

Сибиряков Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой истории России Южно-Уральского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, г. Челябинск. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Скиперских Александр Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры философии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. E-mail: pisatels@mail.ru

Смирнова Анна Сергеевна, аспирант Челябинского государственного университета. E-mail: sss45@inbox.ru

Чернов Геннадий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы. E-mail: gch61@bk.ru

---

AUTHORS OF THIS ISSUE

Andreeva Yulia Andreevna, senior lecturer at the Department of Theory and Sociology of administration of the Ural Academy of Public Administration, Yekaterinburg E-mail: yulia.andreeva@uapa.ru

Andros Irina Aleksandrovna, Cand. Sc. (Sociology), senior lecturer, senior fellow at the Economic sociology and Social demography Department of the Institute of Sociology at the Belarus National Academy of Sciences, Minsk. E-mail: Andras@open.by

Artyomova Anastasia Nikolaevna, Cand. Sc. (Economics), assistant professor at the department of Finance and Credit of the Ural Social and Economic institute of the Academy of Labor and Social relations, Chelyabinsk E-mail: NA02@yandex.ru

Belchich Dmitri Yurievich, postgraduate student at the Department of Philosophy of Chelyabinsk State academy of Culture and Arts, Chelyabinsk. E-mail: dimonbelchich@mail.ru

Benin Vladislav Lvovich, head of the Department of Cultural studies at the M.Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Doctor Sc. (Pedagogics), professor, Ufa. E-mail: benin@lenta.ru

Budanov Andrei Vyatcheslavovich, Cand. Sc. (History), assistant professor at the Department of History and Philosophy of the Chelyabinsk Institute (branch) of the Ural Academy of Public Administration. E-mail: andreybudanov@yandex.ru

Burtseva Ruslana Vladislavovna, postgraduate student of the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg. E-mail: ruslana_burceva@mail.ru

Chernov Gennadi Yurievich, Cand. Sc. (Philosophy), assistant professor at the Department of History and Philosophy of Chelyabinsk Institute (branch) of the Ural Academy of Public Administration. E-mail: gch61@bk.ru

Djanteeva Julieta Soltanovna, Cand. Sc. (History), assistant professor of the Department of Law at the Karachay-Cherkess branch of the Russian State Social University, senior fellow at the Institute of Humanities Research of the Karachay-Cherkess Republic government, Cherkessk. E-mail: dzhanteeva2312@yandex.ru

Dyadyk Natalia Gennadievna, postgraduate student at the Department of Philosophy of the Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: demyandyadyk@rambler.ru

Kungurtseva Guzel Fanuzovna, Cand. Sc. (Sociology), assistant professor at the Department of Sociology and Social tech at the Ufa State Aviation Technical University, Ufa. E-mail: kungurtzeva62@mail.ru

Milenina Natalia Sergeevna, vice-dean of education at the Department of Public and Municipal Training, senior lecturer at the Department of State Law at the Ural Academy of Public Administration, Yekaterinburg E-mail: natalia.milenina@uapa.ru

Orlova Vera Veniaminovna, Cand. Sc. (Sociology), assistant professor of the Department of Cultural and Social studies at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. E-mail: orlova_vv@mail.ru

Pevnaya Maria Vladimirovna, Cand. Sc. (Sociology), assistant professor at the Department of Sociology and Social Management Technologies of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg. E-mail: maria003@sky.ru

Podorova-Anikina Oksana Nikolaevna, aspirant at the Department of Sociology and Political science at St.-Petersburg State Electrotechnical University E-mail: your_news@mail.ru

Popova Ekaterina Aleksandrovna, Cand. Sc. (Economics), assistant professor of North Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: pasechnik2005@yandex.ru

Pushkarev Evgeni Aleksandrovich, Cand. Sc. (Law), doctoral student at the North Caucasus Academy of Public Administration, Rostov on Don. E-mail: kr_evvg@mail.ru

Sagatovski Valeri Nikolaevich, Doctor Sc. (Philosophy), professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, St.-Petersburg. E-mail: vn-sagat@yandex.ru

Sibiriyakov Igor Vyatcheslavovich, head of the Russian History Department at the South Urals State University, professor, Doctor Sc. (History), Chelyabinsk E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich, Doctor Sc. (Political Science), professor at the Department of Philosophy at Elets State University E-mail: pisatels@mail.ru

Smirnova Anna Sergeevna, postgraduate student at Chelyabinsk State University. E-mail: sss45@inbox.ru

Vatoropin Aleksandr Sergeevich, Doctor Sc. (Sociology), professor of the Department of Theory and Sociology of administration of the Ural Academy of Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: nihon@olympus.ru

Vishnevski Yuri Rudolfovich, Doctor Sc. (Philosophy), head of the Department of Sociology and Social Management Technologies of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg. E-mail: ksoc@mail.ustu.ru

Vitkovskaya Tatiana Borisovna, Cand. Sc. (Political Science), junior fellow at the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Perm. E-mail: lappanata@gmail.com

Voropanov Vitali Aleksandrovich, Cand.Sc. (History), assistant professor of the Department of Public and Municipal Administration of Chelyabinsk Institute (branch) of the Ural Academy of Public Administration E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Zubkova Olga Vladimirovna, Cand. Sc. (Economics), assistant professor at the Department of Financial management at the Ural Social and Economic institute of the Academy of Labor and Social relations, Chelyabinsk E-mail: Aknozama78@mail.ru

Zyrianova Natalia Sergeevna, postgraduate student at the Department of Philosophy of Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: natasha.zyrianova@gmail.com

---

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 “Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления”.

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

---

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.